

О. Б. Бубенок

**ЯСЫ И БРОДНИКИ
В СТЕПЯХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
(VI — начало XIII вв.)**

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
Институт востоковедения им. А. Е. Крымского

Осетинское национальное культурное общество “ИРЫСТОН”

О. Б. Бубенок

ЯСЫ И БРОДНИКИ
В СТЕПЯХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
(VI — начало XIII вв.)

Ответственный редактор
академик О. И. Прицак

“Логос”
Киев 1997

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор В. К. Михеев
доктор исторических наук О. В. Сухобоков

Утверждено к печати ученым советом Института востоковедения
НАН Украины

Автор выражает искреннюю благодарность президенту осетинского национального культурного общества в г. Киеве “Ирыстон” Борису Сослановичу Савлохову и его брату Тимуру Сослановичу Савлохову за финансовую и организационную поддержку в осуществлении настоящего издания.

Хочется также поблагодарить члена правления общества “Ирыстон” Зелим-Хана Ильича Калоева за помощь в подготовке данной работы.

Бубенок О. Б.

Б90 Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI — начало XIII вв.). — Киев: Логос, 1997. — 224 с.

Монография посвящена ираноязычному населению, обитавшему в южно-русских степях в VI — начале XIII вв. Автором высказано предположение, что представители данной этнической общности были известны в древнерусских летописях до середины XII в. под названием ясов, а в более поздний период — бродников. По мнению автора книги, изучение средневековых ясов, бродников, аланов-асов и буртасов — это суть одной проблемы, а не нескольких. В качестве доказательства этого в монографии приведены сведения не только из нарративных документов, но и результаты археологических раскопок и этнографических исследований.

Для историков, археологов, этнографов и широкого круга читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прошло около столетия с того времени, когда в Киеве была опубликована ставшая ныне хрестоматийным исследованием монография Ю. Кулаковского “Аланы по сведениям классических и византийских писателей”. Необходимо отметить, что Ю. Кулаковский собрал и проанализировал почти все известные тогда письменные документы, где содержалась информация об аланах, в том числе о средневековых асах Восточной Европы. Аланы-асы (ясы) в последующие десятилетия не переставали привлекать внимание исследователей, хотя новые изыскания в данном направлении породили больше вопросов, чем ответов. И вот снова перед нами книга историка из Киева О. Бубенка “Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI — начало XIII вв.)”, выход в свет которой вполне закономерен и своевременен. За истекшее столетие накопилось немало фактов, которые позволяют по-новому, а, может быть, традиционно подойти к решению проблемы ясов и бродников восточноевропейских степей.

Монография О. Бубенка посвящена аланам-ясам. В данном исследовании предпринята попытка определить отношение этого этноса к бродникам, которые упоминаются нашими древними летописями с середины XII в. как обитатели восточноевропейских степей. Фактически представленная на суд читателей работа представляет собой первое комплексное исследование иранского этноса наших степей предмонгольской эпохи. Автор избрал VI в. как исходную точку, так как в этот период на юге Восточной Европы произошла резкая смена населения, что было вызвано нашествием гуннов в IV в. Однако письменные источники этого времени

ничего не сообщают о пребывании аланов в степях Северного Причерноморья и Волго-Донья во времена раннего средневековья, что вовсе не указывает на полное исчезновение ираноязычного населения в данном регионе. Заслугой О. Бубенка является именно то, что он обратил на это внимание. Конечная точка исследования — начало XIII в., т. е. период, когда в степях Восточной Европы впервые появились монголы. О. Бубенок высказал предположение, что в летописях ясы в тот период не фигурируют как жители Половецкой степи, а вместо них стали упоминаться бродники. По мнению О. Бубенка, аланы-асы европейских и персидских авторов и бродники летописей — это один и тот же народ. Можно полностью согласиться с его мнением, что в этих текстах в начале XIII в. термин “бродники” полностью вытеснил прежнее название ираноязычных обитателей наших степей — “ясы”.

В связи с этим следует особо отметить попытку О. Бубенка объяснить, почему в IX—X вв. восточные авторы не называли среди обитателей восточноевропейских степей аланов-асов. По его мнению, предшественники южнорусских ясов были известны во времена хазар как буртасы. Очень оригинальной выглядит идея, что первоначальная форма данного этнонима “ф.рдас” содержала в себе указание на то, что его носители аланы-асы занимались обслуживанием переправ, бродов. Отсюда последовал закономерный вывод, что термин “бродники” мог являться переводом на древнерусский язык самоназвания восточноевропейских аланов “ф.рдас” — “асы, которые обслуживают переправы”.

О. Бубенок связывает этноним “ас” с сарматским племенным названием “аорсы”. Это соответствует общепризнанным мнениям иранистов. 25 апреля 1995 г. в центре исследований средневековья в Сполетто итальянский иранист Герардо Гноли в своем докладе “Имя аланов в надписях Сасанидов” предложил этимологию этого имени таким образом: аорсы—арсы—ас. Между прочим, он тоже связывает происхождение этнонима “алан” с древнеиранским термином “Ариан”.

Что касается формы “яс”, это, по О. Бубенку, вариант этнонима “ас”. По моему мнению, это действительно так, но можно

дать источник этого варианта. Он — гунно-булгарского происхождения. Доказательство этого — данные чувашского языка, который является современным представителем гунно-булгарского языка. Как раз в этой группе языков древнее начальное длинное “а-” переходит в “йа-” (например “ат” — имя, чувашское “ят”).

Основной вывод автора монографии состоит в том, что в эпоху средневековья восточноевропейские аланы по своему составу были этнически неоднородны. Это, впрочем, не было особенностью средневековых аланов. Аммиан Марцелин (около 330—400 гг.), оставивший описание аланов гуннского времени, сообщал: “Аланы делят на две части земли (Европы и Азии. — О. П.), и хотя довольно отделены от других... они объединяются одним именем, и все называются Аланы, потому что имеют подобные обычаи, дикий образ жизни и такое же оружие”¹.

Большой заслугой автора монографии является то, что впервые для решения проблемы он привлек археологический и этнографический материал. Это дало возможность уточнить границы расселения ираноязычных аланов-ясов в степях Восточной Европы, а также определить, в этногенезе каких народов данный этнос мог принять непосредственное участие. Надо отметить, что результаты этих исследований во многих отношениях подтверждают данные нарративных документов и топонимики.

О. Бубенок не придерживался устаревших взглядов относительно прямого отождествления этноса с археологической культурой. По его мнению, археологическая культура отображает прежде всего хозяйственные и этнографические особенности населения. Именно такой подход позволил в значительной степени продвинуться вперед в разрешении проблемы ясов и бродников юга Восточной Европы. Результаты исследования оказались неожиданными, но это вполне логично. Из контекста проведенной работы следует, что с VI по XIII в. иранский элемент в степях Восточной Европы был представлен значительно шире, чем предполагалось ранее.

¹ Аммиан Марцелин. История. — Кн. 31 / Пер. с лат. Ю. А. Кулаковского // ВДИ. — 1949. — № 3. — С. 304—305.

Хочется верить, что в будущем молодой ученый из Киева продолжит исследования в данном направлении. Безусловно, эта работа является значительным событием в иранистике — в целом и в осетиноведении — в частности. У меня нет сомнений в том, что труд О. Бубенка “Ясы и бродники в степях Восточной Европы ...” вызовет большой интерес не только у специалистов-историков, но и у тех, кто неравнодушен к прошлому народов Восточной Европы и Кавказа.

Профессор
Гарвардского университета (США),
директор Института
востоковедения им. А. Е. Крымского
НАН Украины
академик

Омелян Прицак

*Посвящается моему учителю
Борису Александровичу Калоеву*

В В Е Д Е Н И Е

В древнерусских летописях, где речь идет о событиях X — начала XIII вв., как обитатели южнорусских степей упоминаются ясы и бродники. Весьма примечательно, что в начале XIII в. ясы вовсе не фигурируют в древнерусских документах в качестве жителей Половецкой степи, и именно тогда начал широко использоваться новый этнический термин “бродники”. Этническая принадлежность ясов у большинства исследователей не вызывает разногласий. У европейских и восточных авторов они выступают под названием аланов или асов — ираноязычного народа, находившегося в генетической связи с северокавказскими аланами, этническими предками современных осетин. Однако до сих пор не вполне ясно отношение ясов к бродникам.

Настоящая работа посвящена ираноязычному населению южнорусских степей, расселившемуся в VI—XIII вв. на обширной территории от Нижнего Поволжья до нижнего течения Дуная. Указанный регион со времен нашествия гуннов и до монголо-татарского вторжения отличался этнической и политической нестабильностью. В южнорусские степи периодически продвигались племена тюрков, угров, славян, монголов и других пришельцев. В непосредственной близости от них обитали отдельные группы ясов и бродников.

К настоящему времени утвердилось мнение, что в домонгольское время ираноязычных аланов в степи было крайне мало. В соответствии с получившимися широкое распространение концепциями в степной части Восточной Европы в ту эпоху полностью доминировали тюрки. Однако эти выводы не совсем приемлемы.

Несмотря на то, что в деле изучения средневекового населения восточноевропейских степей историческая наука достигла значительных успехов, малоизученными остались многие народы. Это относится в первую очередь к ясам, с которыми в возможной генетической связи могли находиться бродники. Настоящая монография призвана восполнить этот пробел. Поэтому представленное исследование было призвано решить следующие задачи:

на основании всех имеющихся источников попытаться уточнить вопросы, связанные с локализацией ясов и бродников в южнорусских степях, и дать их культурную атрибуцию;

выяснить происхождение отдельных групп южнорусских ясов домонгольского периода и в связи с этим определить их отношение к северокавказским аланам, восточноевропейским сарматам догуннской эпохи, булгарам, буртасам и бродникам;

уточнить, как могло называться ираноязычное население восточноевропейских степей у древнерусских, восточных и европейских авторов в раннем средневековье и во времена вторжения монголов;

определить масштабы воздействия раннесредневековых аланов на культуру народов юга Восточной Европы и степень их участия в этногенезе населения указанной территории.

Необходимо отметить, что уже не одно столетие восточноевропейские ясы и бродники привлекают внимание историков и лингвистов. Используя доступные сведения из исторических хроник, топонимии, а отчасти и из данных археологических раскопок, ученые по-разному пытались осветить вопросы, связанные с происхождением и расселением ясов в степях Восточной Европы в домонгольский период. В ряде случаев обращалось внимание на возможную генетическую связь ясов и бродников.

Еще в XVIII — начале XIX вв. восточноевропейскими ясами заинтересовались В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, П. Г. Бутков и др. Следует отметить, что эти историки в своих логических построениях опирались преимущественно на данные древнерусских летописей и некоторые свидетельства европейских авторов [Татищев, 1964, т. III, с. 240, 260; Карамзин, 1989, т. I, с. 127, 184—185, 273; 1991, т. II—III, с. 24, 134, 202, 312—313, 535; Бутков, 1825, с. 317—329]. Со второй половины XIX в. для решения проблемы исследователи стали использовать не только информацию нарративных документов, но и данные лингвистики и топонимики. Именно такой подход позволил по-новому осветить отдельные аспекты алано-ясской проблемы. Особо показательны в этом отношении выводы, к которым пришли в своих изысканиях Ф. Брун, В. Ф. Миллер, Ю. А. Кулаковский и В. И. Ламанский [Брун, 1879, т. I, с. 113; 1880, т. II, с. 137, 351—354, 358—359, 361; Кулаковский, 1898а, с. 11—27; 1898б, с. 13—18; Ламанский, 1902, с. 188—121]. В связи с этим следует отметить, что много внимания аланам-асам южнорусских степей домонгольского периода было уделено в вышедшем в 1887 г. третьем томе “Осетинских этюдов” В. Ф. Миллера [Миллер, 1887, т. III, с. 66—68, 97—98] и в опубликованной в 1899 г. монографии Ю. А. Кулаковского “Аланы по сведениям классических и византийских писателей” [Кулаковский, 1899а, с. 46—69].

До начала XX в. для решения проблемы ясов совершенно не были использованы данные археологических раскопок. Однако именно археологические исследования позволили в ином ракурсе подойти к решению проблемы восточноевропейских аланов-ясов. В 1900 г. под Харьковом на правом берегу Северского Донца у с. Верхний Салтов В. А. Бабенко был открыт и обследован катакомбный могильник, который исследователи уже тогда связали с населением Хазарского каганата [Бабенко, 1905, с. 566—568]. А. А. Спицыну удалось доказать, что катакомбные захоронения в Верхнем Салтове были аналогичны северокавказским, что указывало на генетическую связь с аланами Северного Кавказа. Исходя из этого А. А. Спицын был склонен признать существование аланской общности по всему Подонью вплоть до XI—XII вв., ссылаясь при этом на сообщения древнерусских летописей о яском населении на “Дону” в начале XII в. [Спицын, 1909, с. 60—80]. Именно поэтому, кроме А. А. Спицына, М. С. Грушевский, Ю. В. Готье, В. В. Мавродин, Дж. Вернадский и другие исследователи увидели в ясах XII в. потомков носителей салтовской культуры. В последние же десятилетия восточноевропейские ясы стали объектом внимания З. Н. Ванеева, М. И. Артамонова, Ю. С. Гаглойти, В. А. Кузнецова, Т. М. Минаевой, С. А. Плетневой, Г. Е. Афанасьева, А. Н. Карсанова, И. Г. Добродомова, И. М. Мизиева и др. Это явилось следствием накопления новых данных, значительное место среди которых заняли результаты археологических раскопок и лингвистических исследований.

Однако до сих пор ясы южнорусских степей не являлись объектом отдельного монографического исследования. Внимание ученых было сосредоточено преимущественно на отдельных аспектах проблемы.

Касаясь локализации аланов-асов (ясов) в южнорусских степях, исследователи были единодушны во мнении, что до нашествия монголов данный этнос был расселен в степях Волго-Донья и Северного Причерноморья. Однако относительно нахождения алано-половецких центров — Шарукани, Сутрова и Балина их мнения разделились. П. Г. Бутков, В. Ф. Миллер, З. Н. Ванеев, Ю. С. Гаглойти и В. А. Кузнецов считали исконным местом обитания аланов-ясов земли в нижнем течении Дона, именно там, где в XIV в. находился центр аланской епархии — г. Тана [Бутков, 1825, с. 317; Миллер, 1887, т. III, с. 68; Кузнецов, 1962, с. 126]. В отличие от них В. Н. Татищев, В. В. Мавродин, М. И. Артамонов, С. А. Плетнева, А. Н. Карсанов и другие исследователи полагали, что в XII в. поселения ясов могли сохраниться преимущественно в бассейне Северского Донца [Татищев, 1963, т. II, с. 260; Мавродин, 1940, с. 38—42; Артамонов, 1962, с. 356—358; Плетнева, 1990б, с. 60—62; Карсанов, 1988, с. 67—73].

Длительное время не предпринимались попытки выделить из общей массы археологических памятников, оставленных населением, которое обитало в XI — начале XIII вв. в южнорусских степях, конкретные объекты, соотносимые в определенной степени с ясами. Еще несколько десятилетий тому назад этот пробел попыталась восполнить С. А. Плетнева. В вышедшей в 1958 г. работе “Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях” она указала на так называемые “погребения 5-ой группы”, которые, по ее мнению, имеют общие черты с памятниками салтовской культуры. Исследователь считала, что эта группа погребений была оставлена “отюреченным, завоеванным населением донецких степей”. Эти выводы С. А. Плетневой находятся в противоречии с ее же предположением, что к XII в. ясы могли принять христианство, а это, в конечном итоге, должно было привести к изменению погребального обряда. Именно на этом основании она связала с ясами могильник у с. Каменки в Запорожской области, куда, по ее мнению, потомки салтовского населения могли переселиться с Северского Донца вследствие давления кочевников [Плетнева, 1958, с. 182—186].

До сих пор происхождение аланов-асов южнорусских степей предмонгольского периода остается предметом дискуссии. По этому поводу сложились две гипотезы: 1) автохтонная, согласно которой они являются потомками восточноевропейских сарматов догуннской эпохи; 2) миграционная, сторонники которой придерживаются того мнения, что истоки данного этноса следует искать в среде раннесредневековых аланов Северного Кавказа. На прямую генетическую связь ясов с ранее обитавшими в степях Восточной Европы сарматами указывали В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, В. Ф. Миллер, В. И. Ламанский, М. С. Грушевский, Ю. В. Готье, В. В. Мавродин, в начале 60-х гг. В. А. Кузнецов [Татищев, 1963, т. II, с. 240, 260; Карамзин, 1989, т. I, с. 84—85; Миллер, 1887, т. III, с. 67—68; Ламанский, 1902, с. 120; Грушевский, 1991, т. I, с. 462; Готье, 1927, с. 86—87; Мавродин, 1940, с. 38; Кузнецов, 1962, с. 126]. Версию же о северокавказском происхождении восточноевропейских ясов впервые предложил П. Г. Бутков и она в дальнейшем оказалось приемлемой для Ф. Бруна, А. А. Спицына, З. Н. Ванеева и других исследователей [Бутков, 1825, с. 317; Брун, 1879, т. I, с. 113; Спицын, 1909, с. 60—80; Ванеев, 1959, с. 49—51]. Однако Ю. А. Кулаковский, Дж. Вернадский, М. И. Артамонов, Ю. С. Гаглойти, С. А. Плетнева, Г. Е. Афанасьев, А. Н. Карсанов так и не смогли дать однозначный ответ на данный вопрос [Кулаковский, 1899а, с. 49—72; Vernadsky, 1943, р. 226, 242, 272—401; Артамонов, 1962, с. 356—358; Гаглойти, 1966, с. 155—221; Плетнева, 1964а, с. 26—31; 1982, с. 24—25; 1988, с. 26—27; 1989, с. 268—270; 1990б, с. 37—38,

60—61, 171—172, 176—178; Афанасьев, 1987, с. 155—156; Карсанов, 1988; 1990; 1994].

К большому сожалению в последние годы среди некоторых исследователей наметился иной подход к решению проблемы ясов. Это касается прежде всего И. М. Мизиева и его единомышленников, которые полностью отрицают ираноязычность как восточноевропейских, так и северокавказских ясов (асов) и склонны видеть в них тюркоязычный этнос. Они считают, что этноним “ас” имел широкое распространение среди народов тюркского происхождения. Характерно, что этой точки зрения придерживаются исключительно тюркоязычные исследователи [Мизиев, 1986, с. 68—112; 1991, с. 138—161; Байчоров, 1987, с. 41—64].

Традиционно мнение, согласно которому ираноязычное население южнорусских степей предмонгольского времени фигурировало в древнерусских документах под названием ясов, в персидских хрониках — асов, а у европейских авторов — аланов. Однако не совсем ясно, как назывались восточноевропейские аланы в раннесредневековых текстах. В связи с этим особый интерес вызывает точка зрения М. И. Артамонова, который считал, что уже в начале X в. восточноевропейские ясы упоминаются в письменных источниках (асии Кембриджского документа). Исследователь сознательно противопоставил асиев-асов аланам, ибо в первых видел носителей салтовской культуры, а во вторых — обитателей центральной части Северного Кавказа [Артамонов, 1962, с. 358].

В контексте проблемы ясов и бродников особый интерес представляют выводы, к которым пришли О. И. Прицак и В. А. Бушаков. Они считают, что бродники южнорусских степей изначально представляли собой этнос восточноиранского происхождения [Прицак, 1965; Бушаков, 1995]. Исходя из этого можно предположить, что ясы X—XII вв. и бродники начала XIII вв. — это один и тот же народ. Следует отметить, что на генетическую связь аланов-ясов и бродников указали Н. М. Карамзин, В. И. Ламанский, В. В. Мавродин, С. А. Плетнева и другие исследователи [Карамзин, 1991, т. II—III, с. 134; Ламанский, 1902, с. 121; Мавродин, 1940, с. 214—216; Плетнева, 1964а, с. 31].

Что же касается степени участия раннесредневековых аланов-асов в этногенезе и формировании культуры народов Восточной Европы, то необходимо отметить, что данная проблема до сих пор не нашла должного освещения в этнографической литературе. Разрешение проблемы ясов южнорусских степей позволит по-новому осветить ряд спорных вопросов этнической истории Восточной Европы, Северного Кавказа, а, может быть, и Средней Азии, а также в определенной степени реконструировать некоторые этапы процесса формирования

этнокультурного облика населения северопричерноморского и волгодонского регионов.

В настоящем исследовании в отличие от предшественников в разработке данной темы источники использовались нетрадиционно. Помимо того, что для освещения проблемы привлекались сведения из письменных документов и топонимии, были учтены и данные археологии и этнографии, а также выводы и наблюдения лингвистов и антропологов. Таким образом, впервые исследование проблемы ясов и бродников южнорусских степей велось системно, одновременно по нескольким направлениям. При совпадении результатов вырабатывались определенные версии и гипотезы относительно трактования тех или иных аспектов проблемы. Представленная монография — это фактически первая попытка комплексного исследования алаано-яского этноса южнорусских степей.

При написании настоящей работы первостепенное внимание уделялось письменным источникам, ибо в них документально зафиксирован факт существования в южнорусских степях алаано-яского этноса. Поскольку формирование данного этнического образования происходило в раннем средневековье, то для разработки данной проблемы были привлечены свидетельства византийских и восточных авторов [Константин Багрянородный, 1991; Заходер, 1962, 1967; Минорский, 1963; Коковцов, 1932; Minorsky, 1937]. И хотя в данных нарративных документах нет прямого указания на то, что в степях Восточной Европы с VI по X вв. обитал народ "ас", содержащаяся в них информация позволяет в определенной степени реконструировать те этнические процессы, которые имели место на территории юга Восточной Европы и Северного Кавказа.

Впервые же этноним "ясы" был использован древнерусскими авторами в тех разделах летописей, где речь идет о событиях 965, 1031, 1116, 1146, 1175 гг. и т. д. Их анализ позволяет предполагать, что на Руси ясами называли не только обитателей южнорусских степей, но и жителей Северного Кавказа. В 1147, 1203 и 1223 гг. наряду с половцами в качестве степного народа в древнерусских летописях фигурируют бродники. Вместо этих этнических терминов персидские историки и западноевропейские путешественники XIII—XV вв. использовали этнонимы "аланы" и "асы" по отношению к населению, которое монголы в первой половине XIII в. покорили в восточноевропейских степях [Тизенгаузен, 1941, т. II, с. 21, 24, 35—36, 144—145; Карпини, 1957, с. 67; Рубрук, 1957, с. 185; Барбаро, 1971, с. 140].

Для разработки проблемы ясов южнорусских степей были широко привлечены результаты археологических исследований. Используются материалы, хранящиеся в фондах Научного архива Института археологии НАН Украины, а также археологических фондов и экспозиций

Харьковского исторического, Верхнесалтовского археологического, Днепропетровского исторического, Змиевского краеведческого, Пензенского краеведческого музеев и археологического музея Харьковско-го госуниверситета. В изучении некоторых поселений и некрополей бассейна Северского Донца автор настоящей монографии принимал непосредственное участие. Материалы этих раскопок не опубликованы в достаточной мере и требуют детального анализа и систематизации. В связи с этим, пользуясь случаем, хочу выразить особую благодарность харьковским археологам В. К. Михееву, В. Г. Бородулину и А. Г. Дьяченко за предоставленную информацию и методическую помощь, что способствовало работе над отдельными разделами этой книги. Весьма признателен также сотруднику Института археологии НАН Украины О. В. Сухобокову за многочисленные рекомендации и пожелания, позволившие в значительной степени продвинуться вперед в интерпретации археологического материала и решения проблемы в целом.

Немаловажное значение имело обращение к материалам полевых исследований, проводившихся на Северном Кавказе и в Восточной Европе и нашедших свое отражение в ряде публикаций. В первую очередь следует выделить работы В. А. Кузнецова, Т. М. Минасовой, В. Б. Ковалевской по средневековой археологии Северного Кавказа [Кузнецов, 1962; 1971; 1973; 1984; Минаева, 1971; Ковалевская, 1984]. Значительное внимание было уделено раскопкам В. А. Бабенко, С. А. Плетневой, Г. Е. Афанасьева, В. С. Флерова, В. К. Михеева на памятниках салтовской культуры в лесостепном Подонье [Бабенко, 1905; Плетнева, 1961, 1964а; 1964б; 1967; 1972; 1983; 1984; 1989; Афанасьев, 1984а; 1984б; 1987; 1990; Флеров, 1984; 1990; 1993; Михеев, 1985]. Нельзя было обойти вниманием отдельные публикации Г. А. Федорова-Давыдова, С. А. Плетневой, О. И. Прицака, А. Т. Смиленко и А. А. Козловского о средневековом населении восточноевропейских степей [Федоров-Давыдов, 1966; Плетнева, 1982; Прицак, 1965; Pritsak, 1976; 1978; 1982; Смиленко, 1975; Козловский, 1992].

Именно данные археологии позволили в какой-то мере решить вопросы, связанные с локализацией ясов в южнорусских степях, их этногенезом и культурной атрибуцией. При интерпретации археологического материала автор стремился придерживаться того тезиса, что совокупность объектов материальной культуры, известных прежде всего как “археологическая культура”, более соотносима с такими понятиями, как “историко-культурная область” и “хозяйственно-культурный тип”, а не с понятием “этнос”.

К числу нетрадиционных источников по данной теме следует отнести свидетельства этнографического характера. Привлекались коллек-

ции по этнографии Украины из музеев Киева, Харькова, Полтавы, Днепропетровска и других городов. Были также использованы неопубликованные материалы экспедиций, полученные непосредственно от киевских этнографов В. Ф. Горленко и Т. В. Косминой. В связи с этим автор книги выражает им благодарность и признательность. При написании данной работы для сравнительного анализа была привлечена в значительном объеме литература по этнографии народов Северного Кавказа. Большое значение имело обращение к публикациям Б. А. Калоева [Калоев, 1964; 1967а; 1967в; 1971; 1973; 1981; 1984а], а также его рекомендации и пожелания. Хочется особо поблагодарить его за помощь, оказанную при написании данной работы. Приходилось неоднократно обращаться также к монографиям и статьям В. Ф. Миллера [Миллер, 1882; 1887], А. Х. Магометова [Магометов, 1962; 1968], Л. А. Чибирова [Чибиров, 1970], А. Р. Чочиева [Чочиев, 1985], В. П. Кобычева [Кобычев, 1982], Е. М. Студенецкой [Студенецкая, 1989] и других исследователей. Кроме того, была привлечена литература по этнографии Среднего Поволжья [Мордва, 1981; Мухамедова, 1972].

Что же касается литературы об украинцах и южных русских, то эта библиография довольно обширна. Была использована информация как из классических исследований Ф. Волкова и Д. К. Зеленина, так и из работ современных этнографов В. Ф. Горленко, Т. В. Косминой, К. И. Матейко, Т. А. Николаевой и др. [Волков, 1916; Зеленин, 1991; Горленко, 1971; Космина, 1980; Матейко, 1977; Николаева, 1987—1988]. Именно данные этнографии позволили выявить аланские черты в культуре ряда народов Восточной Европы, а также дали возможность сделать определенные выводы относительно участия раннесредневековых аланов в этногенезе населения Восточной Европы.

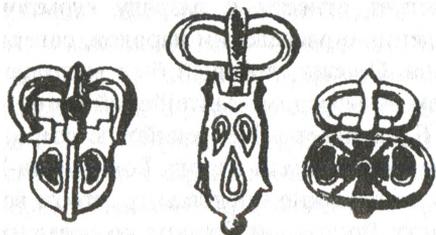
В средневековых документах довольно часто встречаются труднообъяснимые названия народов, наименования на местности, личные имена. Поэтому очень часто приходилось обращаться к специальным исследованиям лингвистов. Следует особо отметить, что при работе над настоящим изданием были использованы специальные статьи И. Г. Добродомова и неопубликованные материалы из его личного архива, а также учтены многие его наблюдения и пожелания [Добродомов, 1980а; 1981; 1988; 1989; 1990; 1993]. В связи с этим хочется его поблагодарить. Внимание автора данной монографии было сосредоточено также на тех работах В. Ф. Миллера, В. И. Абаева, О. Н. Трубочева, Г. Ф. Турчанинова и других исследователей, где много внимания было уделено вопросам взаимодействия аланского (осетинского) языка с языками народов Восточной Европы [Миллер, 1887; Абаев, 1958а; 1964; 1965а; 1965б; 1973; 1989; Трубочев, 1967; Турчанинов, 1964; 1977]. Немаловажное значение имело обращение к работам ака-

демика О. И. Прицака по иранистике и тюркологии [Прицак, 1965; Pritsak, 1976; 1978; 1982]. Были также учтены его многочисленные замечания и пожелания. Автор настоящей монографии весьма признателен ему за оказанную помощь.

Картина была бы неполной, если бы для решения проблемы ясов и бродников южнорусских степей не были привлечены исследования антропологов. Из этих работ особо следует выделить отдельные монографии и статьи Г. Ф. Дебеца, Г. П. Зиневич, М. С. Великановой, В. П. Алексеева и других исследователей [Дебец, 1948; Зиневич, 1967; Великанова, 1975; Алексеев, 1993]. Кроме того, были использованы некоторые заключения антропологов, хранящиеся в фондах Научного архива Института археологии НАН Украины. Краниологические исследования в значительной степени помогли пролить свет на происхождение населения южнорусских степей домонгольского времени.

В заключение хочется отметить, что использованные архивные материалы даны в конце книги и пронумерованы с тем, чтобы было удобно ссылаться на них.

Насколько удалось автору решить вопросы, связанные с этногенезом и историей аланов-ясов южнорусских степей, или, по крайней мере, приблизиться к их решению, пусть судят читатели — историки и краеведы, студенты и преподаватели; словом, все, кто неравнодушен к загадкам истории народов Восточной Европы.

Глава I

ПОТОМКИ ИРАНОЯЗЫЧНЫХ НОМАДОВ В СТЕПЯХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (VI—IX вв.)

События эпохи Великого переселения народов в значительной степени изменили этническую ситуацию в степях Восточной Европы. Многочисленные племена ираноязычных сарматов и аланов оказались вовлеченными в общий поток движения народов, вызванного миграцией на запад гуннов. Сообщения западноевропейских авторов свидетельствуют о том, что после 370 г. значительная часть ираноязычного населения восточноевропейских степей оказалась на западе, в Центральной и Западной Европе [Бахрах, 1993].

Письменные источники раннего средневековья фактически не сообщают ничего конкретного о местонахождении аланов или сарматов в южнорусских степях. К их числу следует отнести карту испанца Беата, составленную в конце VIII в. и дошедшую до наших времен в нескольких копиях [Райт, 1968, с. 68—70]. Алания на карте Беата изображена в районе Северо-Западного Причерноморья, на север от устья Дуная (рис. 1). Кажется маловероятным, чтобы Беат или его информаторы побывали в то время в Северном Причерноморье. Вполне вероятно, что испанский картограф пользовался устаревшими к тому времени сведениями времен поздней античности и поэтому его информацию о локализации Алании в VIII в. в степях Северного Причерноморья следует отнести к разряду курьезов. Устаревшими также выглядят сведения о расселении народов, содержащиеся в переводе автора IV—V вв. Орозия, который был выполнен в конце IX в. английским королем Альфредом. Английский автор писал, что река Данай (Дон. — О. Б.) впадает в Меотейдское озеро (Азовское море. — О. Б.) и протекает через земли народа Рохуасков-Роксалан [Матузова, 1979]. Однако невозможно представить, чтобы все ираноязычные номады степной части Восточной Европы во времена гуннов переселились на запад или были истреблены этими пришельцами. И поэтому нет ничего удивительного в том, что с X в. среди народов Северного Причерноморья и Подонья снова начинают упоминаться аланы, известные в древнерусских летописях под названием ясов [Златарски, 1895, с. 149—150; Ипат. л., 1843, с. 24].

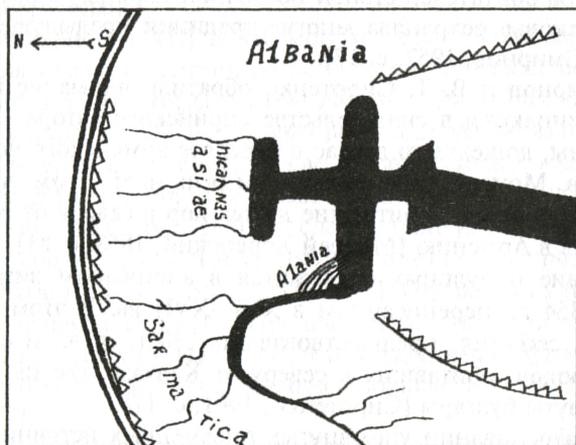

Рис. 1. Фрагмент овальной карты испанского монаха Беата Лиеванского (776 г.)

В последние десятилетия Е. К. Максимовым, а впоследствии И. В. Синицыным и С. М. Васюткиным было высказано, и не без оснований, предположение, что после гуннского нашествия часть сармато-аланских племен осталась на прежних местах и продолжала кочевать в степях юго-востока Европы. Основанием для этого послужили обнаруженные в Нижнем Поволжье отдельные подкурганые захоронения, относящиеся к V—VIII вв. Характерно, что данные погребения во многих чертах наследовали традиции поздней сарматской культуры [Максимов, 1956, с. 65—85; Синицын, 1960, с. 165—166; Васюткин, 1992, с. 19—20].

В сложившейся ситуации логично предположить, что во времена раннего средневековья потомки сармато-аланов были известны под иным этническим наименованием. Очевидно, что решить данные вопросы невозможно вне связи с проблемой этногенеза протоболгар и других тюркоязычных народов раннего средневековья.

А. П. Смирнов и В. Т. Сиротенко предполагали, что протоболгары первоначально относились к сармато-аланским племенам. По мнению этих исследователей, вследствие продвижения тюркоязычных племен протоболгары были постепенно тюркизированы [Смирнов, 1948, с. 17; 1957, с. 6; Сиротенко, 1961, с. 41]. Основанием для этого послужили известия некоторых исторических хроник о том, что болгарские племена появились на территории Восточной Европы задолго до нашествия гуннов. В качестве подтверждения этого А. П. Смирнов привлек также археологический материал, из которого следовало, что матери-

альная культура обитателей степей Восточной Европы во времена раннего средневековья сохраняла многие традиции предыдущей сарматской эпохи [Смирнов, 1957, с. 17].

А. П. Смирнов и В. Т. Сиротенко обратили внимание на то, что болгары упоминаются в свидетельстве сирийского автора IV в. Мар-Аббаса Катины, дошедшего до нас в передаче армянского историографа VI—VII вв. Моисея Хоренского. Там речь идет о том, что в 149—127 гг. до н. э. болгары, обитавшие до тех пор к северу от Кавказских гор, вторглись в Армению [Моисей Хоренский, 1858, с. 81]. Кроме того, упоминание о болгарях содержится в анонимном византийском хронографе 354 г., переписанном в XVI—XVII вв. В этом документе описываются события, предшествовавшие 230 г. н. э., и содержится перечень народов, обитавших к северу от Кавказа, где на последнем месте упомянуты болгары [Сиротенко, 1961, с. 17].

Однако на основании упомянутых письменных источников делать выводы о сармато-аланском происхождении протоболгар весьма проблематично. Особо следует отметить, что эти письменные свидетельства о болгарях носят компилятивный характер. У нас нет уверенности в том, что переписчики эпохи средневековья не могли заменить этнонимом “болгары” название какого-то другого народа.

Первое же достоверное известие о болгарях относится к концу V в. Именно тогда Иоанн Антиохийский писал, что византийский император Зенон призвал болгар на помощь для борьбы с готами [Генинг, Халиков, 1964, с. 101]. Исходя из этого можно предположить, что первые болгарские переселенцы появились в Европе после событий 370 г. в составе объединения гуннов. Иордан писал, что во второй половине V в. после смерти Атилы гунны и подвластные им племена переселились обратно на восток в степи Северного Причерноморья [Иордан, 1960, с. 118—120]. Иордан также сообщает, что в степях Северного Причерноморья в VI в. обитали племена болгар [Иордан, 1960, с. 37]. Именно в это время в письменных источниках аланы перестают упоминаться как обитатели восточноевропейских степей.

После Иордана на время исчезает со страниц письменных источников этноним “болгары”. Вместо него начинают использоваться этнические термины “кутригуры” и “угиуры”. Прокопий Кесарийский и Агафий писали, что на восток от Танаиса в стране Эвлисии обитали угиуры, а на запад — кутригуры [Прокопий, 1950, с. 384—388; Агафий, 1953, с. 73, 88—89, 147—149]. Имеет смысл связать эти племенные объединения с протоболгарами. Именно в потомках угиуров и кутригуров исследователи склонны видеть основателей Великой Болгарии [Артамонов, 1962, с. 160—169; Гадло, 1979, с. 96—113; Новосельцев, 1990, с. 73—75]. Анализ письменных источников позволяет

предполагать, что соседями протоболгар в степях Приазовья в то время могли быть аланы.

В составленной в XIII в. Шимоном Кезаи “Хронике” речь идет о странствиях предков венгров возле берегов Меотиды. Венгерский историк сообщает, что когда венгры достигли Меотиды, они напали на Беляра (Булгара. — О. Б.), у которого они увели женщин и детей. Среди захваченных в плен были две дочери аланского князя Дула, которые впоследствии стали женами предводителей венгров Хунора и Магора [Nady, 1927, old. 164]. Исследователи уже обратили внимание на то, что среди современных осетин получила распространение фамилия Дулатæ [Абаев, 1965б, с. 376—378]. Однако пока преждевременно делать выводы относительно аланского происхождения оногуро-булгарского рода Дуло. Известно, что объединение Дуло (Дулу) сыграло заметную роль в истории Западно-Тюркского каганата [Каховский, 1965, с. 277].

Из рода Дуло происходил хан Кубрат, основатель Великой Болгарии. После смерти Кубрата Великая Болгария распалась на пять (?) частей. Две группы болгар остались в Приазовье, а остальные ушли на запад, где заняли земли на Дунае и на севере Италии [Феофан, 1890, с. 262; Патканов, 1883, с. 29]. В “Именнике болгарских ханов” упомянуто имя основателя Дунайской Болгарии хана Аспаруха, который являлся сыном Кубрата [Кулаковский, 1913, т. III, с. 376]. И. Г. Добродомов склонен видеть в имени Аспарух термин иранского происхождения *Aspa-ruk*, который следует рассматривать как “светлый конь”. Это, по мнению исследователя, может свидетельствовать о том, что во времена раннего средневековья в восточноевропейских степях имело место “тесное переплетение болгарских и иранских элементов” [Добродомов, 1989, с. 20].

В связи с изложенным уместно вспомнить мнение современного болгарского исследователя Р. Рашева, что население протоболгарского государственно-политического объединения в степях Причерноморья и Приазовья с самого начала являлось полиэтничным. Как считает этот ученый, верхушку общества там представляли тюркоязычные пришельцы из Центральной Азии, основу же объединения составляли потомки сарматов [Рашев, 1993, с. 23—24]. И нет ничего удивительного в том, что обитателями степей Причерноморья в X в. являлись не только черные болгары [Константин Багрянородный, 1991, с. 175], но и аланы-ясы [Златарски, 1895, с. 149—150; Ипат. л., 1843, с. 245].

Изначально полиэтничным являлось, по мнению А. П. Новосельцева, и объединение хазар. Как считает исследователь, формирование хазарского этноса происходило в степях Восточной Европы и в Предкавказье при непосредственном участии потомков сармато-аланов догуннской эпохи. Результатом этих контактов должен являться культур-

но-религиозный синтез, отмеченный в сообщении Мовсэса Каланкатуаци [Новосельцев, 1990, с. 81]. Армянский информатор, ссылаясь на сообщение албанского епископа Исраэла, упоминает имена божеств, которым поклонялись “гунны” (хазары. — О. Б.). Среди них на первом месте упомянуто имя бога молний Куара, а также двойное название другого хазарского божества — Тангри-хан или Аспандиант, которое Мовсэс Каланкатуаци прямо связал с персами [Мовсэс Каланкатуаци, 1984, с. 124]. А. П. Новосельцев склонен видеть в названии Куар имя иранского божества. Гипотетично, по его мнению, оно могло быть связано с древнеиранским названием солнца. Что же касается происхождения Аспандианта, то А. П. Новосельцев не склонен видеть в нем древнеперсидского бога. Ученый полагает, что в первой части названия божества заложена основа, связанная с иранским *Aspa* — “лошадь”. Исходя из этого исследователем было высказано предположение, что “это было сарматское (массагето-аланское) божество, отражавшее культ лошади, столь важный у кочевников” [Новосельцев, 1990, с. 145—146].

Ведя разговор об этнических и культурных процессах, имевших место в степях Восточной Европы в раннем средневековье, нельзя обойти вниманием результаты археологических исследований. Археологические изыскания, проводившиеся на юге Восточной Европы, свидетельствуют в пользу того, что прежнее население степей не подверглось тотальному уничтожению со стороны гуннов и не все сармато-аланы переселились на Запад. Потомки этих ираноязычных кочевников могли находиться на прежних местах своего обитания. Именно такая постановка вопроса не находится в противоречии с информацией нарративных документов.

В связи с этим особый интерес представляют подкурганые захоронения Нижнего Поволжья (рис. 2), относящиеся к V—VIII вв. Погребения там, как правило, являлись впускными, в виде глубоких но узких ям с подбоем вдоль северо-западной стенки (рис. 3). Характерно, что инвентарь из этих захоронений находит аналогии как среди памятников V—VIII вв., так и среди находок позднесарматского времени, датируемых II—III вв. Особенностью некоторых погребений данного типа является присутствие деформированных черепов. Все это позволило исследователям связать данные подбойные захоронения с потомками сармато-аланов [Максимов, 1956, с. 65—85; Синицын, 1960, с. 165—166; Васюткин, 1992, с. 19—20]. Кроме того, в могилах было отмечено присутствие костей коня, что в определенной степени следует связать с тюрко-угорским влиянием [Васюткин, 1992, с. 20]. Как отметил Е. К. Максимов, данные погребения могут свидетельствовать в пользу того, что после гуннского нашествия часть сармато-аланских племен осталась на прежних местах и продолжала кочевать в степях юго-востока Европы [Максимов, 1956, с. 84].

Вполне возможно, что к памятникам данного типа можно отнести и впускное погребение, обнаруженное в насыпи кургана эпохи бронзы

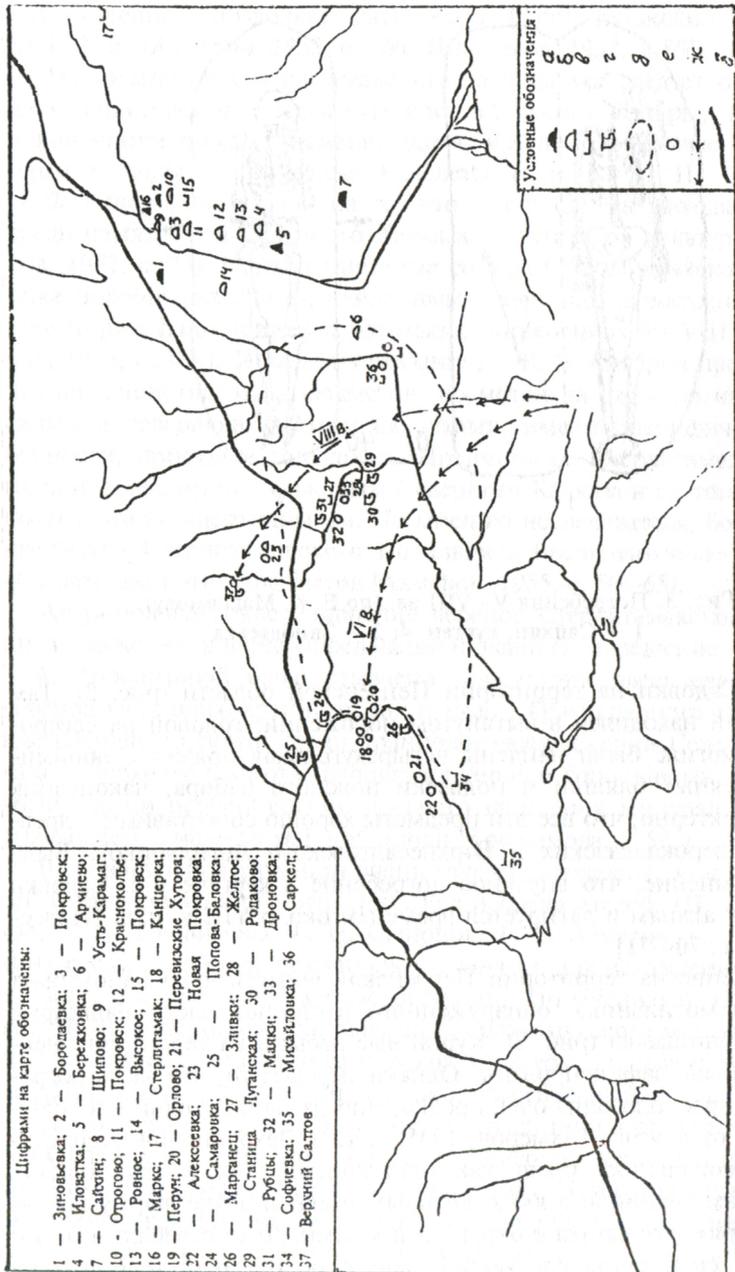

Рис. 2. Пережитки сармато-аланской культуры в границах населения степной части Восточной Европы в VI—IX вв.: а — подкурганные погребения, б — групо-сложения; в — бескурганные захоронения, г — захоронения в катакомбах; д — предполагаемые границы распространения степного варианта салтовской культуры; е — стационарные поселения; ж — направление миграции северокавказского населения; з — современная граница степи и лесостепи

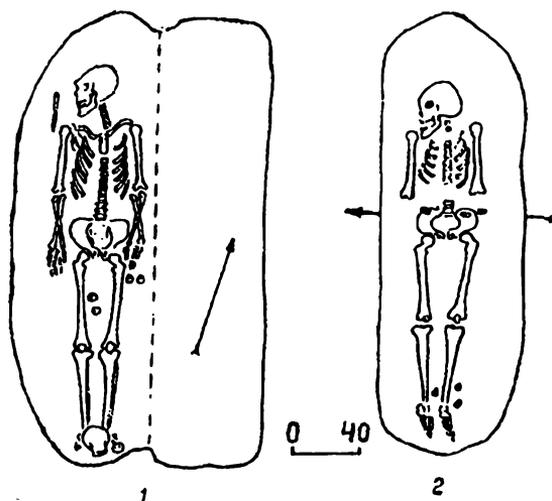

Рис. 3. Погребения V—VIII вв. (по Е. К. Максимоу):

1 — Сайхин, курган 4; 2 — Зиновьевка

вблизи с. Садовки на территории Пензенской области (рис. 2). Там погребенный находился в вытянутом положении, головой на северо-восток. В могиле были найдены четырехугольная пряжка с обоймцей, серебряные бляшки и подвески поясного набора, наконечник ремня. Характерно, что все эти предметы хорошо сопоставимы с древностями северокавказских и Верхнесалтовского могильников. Было высказано мнение, что впускное погребение в кургане у с. Садовки относится к аланам и датируется временем около VIII в. н. э. [Полеских, 1956, с. 70—71].

Захоронение на территории Пензенской области явно напоминает погребения могильника, обнаруженного в степной части Башкирии близ г. Стерлитамака (рис. 2). Курганные насыпи на территории некрополя не были зафиксированы. Однако смущает то, что здесь погребения были расположены очень редко, иногда на расстоянии до 100—200 м одно от другого [Ахмеров, 1955, с. 154]. Захоронения Стерлитамакского могильника были как одиночными, так и групповыми. Умерших там хоронили в ямах, которые имеют в плане форму неправильного прямоугольника с округлыми углами. Для погребального обряда были характерны следующие черты: покойников хоронили на глубине 0,5—1,5 м в вытянутом положении на спине головой на запад и юго-запад [Ищериков, 1952, с. 78; Ахмеров, 1955, с. 158]. Деформи-

рованные черепа в погребениях не были обнаружены. Нумизматический материал позволяет датировать Стерлитамакский могильник VIII—X вв. [Ахмеров, 1955, с. 166; Ищерииков, 1952, с. 85].

Из инвентаря Стерлитамакского могильника следует особо выделить однолезвийные железные клинки, боевые топоры, черешковые наконечники стрел, стремена, удила, круглые бронзовые бубенчики, зеркала, серьги, бронзовые браслеты и т. п. А. П. Смирнов и П. Ф. Ищерииков указали на то, что эти предметы находят аналогии среди памятников Северного Кавказа и салтовской культуры [Ищерииков, 1952, с. 79]. Однако глиняные сосуды Стерлитамакского могильника подобны изделиям, найденным в курганах сарматской эпохи на территории Башкирии и в уфимских погребениях V—VIII вв. [Ахмеров, 1955, с. 164]. Исходя из сказанного, Р. Б. Ахмеров предположил, что большинство этих предметов, несмотря на сходство их с салтовскими и северокавказскими находками, имеют специфические особенности, присущие только им. Предметы со Стерлитамакского могильника аналогичны изделиям Северного Кавказа и салтовским древностям, но не идентичны им. По мнению исследователя, большинство предметов Стерлитамакского могильника были изготовлены самими обладателями этих предметов [Ахмеров, 1955, с. 56—65].

Антропологические измерения черепов Стерлитамакского могильника также не вносят определенной ясности в решение проблемы. Т. А. Трофимовой было отмечено присутствие здесь европеоидных черепов как долихокранного, так и мезо-, брахикранного типов. Первые находят аналогии среди краниологических серий Северного Кавказа и Верхнего Салтова. Вторые же хорошо сопоставимы с антропологическими особенностями древнего населения Приуралья предшествовавшей скифо-сарматской эпохи [Трофимова, 1952, с. 56—65].

В сложившейся ситуации очень трудно определить, кем был оставлен Стерлитамакский могильник. Ряд исследователей (П. Ф. Ищерииков, Т. А. Трофимова, А. П. Смирнов, Р. Б. Ахмеров, С. М. Васюткин) связали данный некрополь с аланами, происхождение которых до сих пор остается предметом дискуссии. По мнению А. П. Смирнова и П. Ф. Ищериикова, погребения Стерлитамакского могильника были “оставлены племенами салтовской культуры, связываемой с аланами” [Ищерииков, 1952, с. 79]. Однако погребальный обряд Стерлитамакского могильника не соответствует традициям аланских могильников Подонья и Северного Кавказа, где умерших хоронили преимущественно в катакомбах, а не в грунтовых ямах. Неубедительным по этому поводу является объяснение П. Ф. Ищериикова, что Стерлитамакский могильник “является раннемусульманским кладбищем” [Ищерииков, 1952, с. 85]. Присутствие в могилах данного некрополя инвентаря опровергает это.

Пожалуй, можно согласиться с мнением Р. Б. Ахмерова, что “происхождение аланских племен Южного Урала своими корнями непосредственно связано с местными савромато-сарматскими древностями” [Ахмеров, 1955, с. 167]. Доказательством этого могут быть обнаруженные на территории Башкирии грунтовые захоронения III—IV и V—VII вв., инвентарь которых аналогичен синхронным северокавказским древностям, а погребальный обряд имеет общие черты с традициями более позднего Стерлитамакского могильника [Ахмеров, 1955, с. 176].

Информация Ибн Фадлана позволяет утверждать, что в начале X в. степи Приуралья были заселены племенами башкир [Ковалевский, 1956, с. 130]. Стерлитамакский же могильник, судя по нумизматическому материалу, мог функционировать и в X в. [Ищеригов, 1952, с. 85]. Исходя из этого можно вполне согласиться с мнением тех исследователей, которые считают, что в этногенезе башкир могли принять непосредственное участие и представители позднейших сармато-аланских племен Приуралья [Ахмеров, 1955, с. 176; Мажитов, 1977, с. 174—175; Кузеев, 1971, с. 142—143].

Следует отметить, что некоторые подкурганые захоронения VII—VIII вв., совершенные в подбоях, катакомбах и ямах, исследователи склонны связывать не с позднейшими сармато-аланами, а с хазарами. В пользу этого может свидетельствовать сравнительное богатство инвентаря, а также разбросанность погребений в степях юга Восточной Европы. Нередко остатки погребенного воина сопровождали остатки коня, что не было характерно для предшествовавшей сарматской эпохи [Плетнева, 1986, с. 27, 45; Айбабин, 1985, с. 191—205; Магомедов, 1983, с. 61—94; Круглов, 1992, с. 32—37]. В сложившейся ситуации уместно предположить, что хазары могли заимствовать традицию хоронить умерших в катакомбах и подбоях от сарматов и аланов, которые обитали ранее в степях Восточной Европы и на Северо-Восточном Кавказе. Тем более, что данное предположение не противоречит информации нарративных документов о языческих верованиях хазар [Мовсэс Каланкагуаци, 1984, с. 124].

В сложившейся ситуации имеет смысл попытаться в ином аспекте подойти к разрешению таких проблем, как происхождение салтовской культуры и этнический состав ее носителей. В связи с этим особый интерес должны вызывать памятники предхазарского периода Подонья и Приазовья. Однако, к большому сожалению, они не изучены в достаточной степени и не позволяют пока делать какие-либо определенные выводы относительно истоков салтовской культуры и этногенеза ее носителей. Поэтому особо следует выделить исследованный на территории Харьковской области близ г. Куянска Ново-Покровский могильник и синхронное ему поселение, датированные VI—VIII вв.

(рис. 2). И хотя захоронения на данном некрополе совершались по обряду трупосожжения, имеются основания предполагать, что материальная культура этих памятников представляла собой переходный этап от сармато-аланской и черняховской культур к салтовской. В качестве доказательства этого можно привести предметы вооружения и конского снаряжения, глиняные сосуды салтовского типа, особенности погребального обряда — наличие особых тайничков [Кухаренко, 1951, с. 99—108].

Пожалуй, к числу наиболее ранних памятников салтовского типа следует отнести поселения гончаров у балки Канцерки, расположенной на правом берегу Днепра, на границе современных Запорожской и Днепропетровской областей (рис. 2). В 1929—1931 гг. В. А. Гринченко открыл там два поселка, а в 1964—1970 гг. А. Т. Смиленко исследовала третий. В результате удалось выявить 18 горнов для обжига посуды, которые имеют аналогии на территории поселений салтовской культуры на Северском Донце и на Нижнем Дону. Особый интерес представляет канцерская керамика (рис. 4), среди которой широко распространены большие трехручные кувшины [Смиленко, 1975, с. 154—159]. Поиски ее аналогий ведут на Северный Кавказ, где в середине I тыс. получил распространение данный тип посуды [Минаева, 1961, с. 119—128]. Исследователи относят возникновение канцерских поселений к рубежу VI—VII вв. Могильник, который мог бы быть оставлен жителями данных поселений, пока не обнаружен. Однако на полу одной из мастерских были найдены обломки черепа человека со следами искусственной деформации, издавна применявшейся сармато-аланскими племенами. Это дало основание А. Т. Смиленко считать гончаров балки Канцерки аланами. Информация о кавказском происхождении жителей Канцерки не противоречит данным письменных источников, которые локализуют аланов в I тыс. на Кавказе. Однако делать выводы об этнической принадлежности жителей Канцерки лишь на основании этих данных пока преждевременно. Фрагменты канцерской керамики были также обнаружены возле с. Вознесенки, где находился военный лагерь. Памятники данного типа были зафиксированы и на левом берегу Днепра, несколько выше острова Перуна, а также возле с. Алексеевки в Днепропетровской области на левом берегу Днепра. Отдельные фрагменты этой керамики были найдены в долине р. Шиянки [8, с. 115—116; 9, с. 5; 10, с. 19]. Почти все объекты Канцерки погибли от пожара, а некоторые сохранили явные следы разгрома. А. Т. Смиленко считает, что мастерские перестали существовать в результате нападения кочевников. По мнению некоторых исследователей, носители памятников канцерского типа не исчезли бесследно, а смешались с местным населением, усвоив ряд особенностей его культуры.

Рис. 4. Керамика из балки Канцерки (по А. Т. Смиленко)

Прошло более десятилетий с тех пор, когда вблизи с. Верхнего Салтова в верхнем течении Северского Донца В. А. Бабенко впервые были выявлены и исследованы памятники археологической культуры [Бабенко, 1905, с. 553—557], известной ныне как салтовская.

Исследованием Верхнего Салтова занимались впоследствии А. М. Покровский [Покровский, 1905, с. 460—490], С. А. Семенов-Зусер [Семенов-Зусер, 1949, с. 112—137], Д. Т. Березовец [Березовец, 1975, с. 421—434] и другие исследователи. В ходе научных изысканий удалось установить, что в Верхнем Салтове преобладающим являлся катакомбный обряд захоронения. Были отмечены и другие особенности. Несколько позже памятники, аналогичные верхнесалтовским, были обнаружены и исследованы в среднем течении Дона. Благодаря научным изысканиям, проведенным в лесостепном Подонье И. И. Ляпушкиным [Ляпушкин, 1958а, с. 85—150], С. А. Плетневой [Плетнева, 1967], Г. Е. Афанасьевым [Афанасьев, 1987], В. С. Флеровым [Флеров, 1993] и другими исследователями, мы знаем, что салтовские памятники среднего Дона в культурном плане представляли одно целое с Верхним Салтовым. Относительно этнической принадлежности носителей лесостепного варианта салтовской культуры среди исследователей нет разногласий. Уже в начале нынешнего века А. А. Спицыну удалось доказать, что катакомбные могильники салтовского типа находят прямые аналогии на Северном Кавказе, именно там, где письменные источники средневековья традиционно локализуют аланов [Спицын, 1909, с. 60—80]. Кроме того, В. К. Михееву в лесостепной зоне среди памятников салтовской культуры удалось выявить трупосожжения, этническая принадлежность которых до сих пор не ясна [Михеев, Дегтярь, 1974, с. 309]. Почти одновременно с В. А. Бабенко В. А. Городцов исследовал могильник салтовского типа у х. Зливки в среднем течении Северского Донца. Основным отличием этого памятника от Верхнего Салтова явилось наличие ямных захоронений [Городцов, 1905а, с. 174—225]. Впоследствии памятники, аналогичные зливкинским, были обнаружены и исследованы на остальной территории степи в Нижнем Подонье и Приазовье. Их изучением занимались М. И. Артамонов [Артамонов, 1962, с. 307—313], И. И. Ляпушкин [Ляпушкин, 1958а, с. 85—150], Н. Я. Мерперт [Мерперт, 1957, с. 33—35], С. А. Плетнева [Плетнева, 1984а, с. 9—19], В. К. Михеев [Михеев, 1985], К. И. Красильников [Красильников, 1990, с. 28—44]. И хотя данные памятники салтовской культуры относят к зливкинскому типу, они имеют во многих местах свои локальные особенности, что в конечном итоге затрудняет их этническую интерпретацию. Традиционно мнение, согласно которому степной и приазовский варианты салтовской культуры были оставлены булгарами. Однако данное предположение требует в дальнейшем уточнения и корректировки.

Известны салтовские памятники и на территории Восточного Крыма. Их изучением занимался И. А. Баранов [Баранов, 1990] и другие исследователи. Уже доказано, что степи Восточного Приазовья, Северного Кавказа и Нижней Волги не только входили в сферу влия-

ния хазар, но и являлись территорией их государства. Исследования, проведенные А. В. Гадло, М. Г. Магомедовым, С. А. Плетневой, Е. В. Кругловым и другими учеными, свидетельствуют о распространении памятников салтовской культуры на данной территории [Гадло, 1979; Магомедов, 1983; Плетнева, 1967; Круглов, 1992, с. 32–37]. Однако несмотря на это, в изучении памятников хазарской эпохи остается еще немало белых пятен. В связи с этим необходимо обратить внимание на то, что еще в 1967 г. С. А. Плетнева указала на существование особого "степного, неизученного варианта салтово-маяцкой культуры", который охватывал пространство степей в междуречье Днепра и Северского Донца [Плетнева, 1967, с. 187]. Однако до сих пор данный район в археологическом отношении остается малоизученным.

С кавказскими аланами традиционно связывают катакомбный обряд захоронения, получивший распространение среди памятников салтовской культуры в VIII–X вв. Именно такие погребальные сооружения были обнаружены не только на Кавказе и в Подонье, но и в степном Поднепровье (рис. 5). Так, в районе г. Днепропетровска, в пос. Самаровке была найдена катакомба с одиночным захоронением. Умершего сопровождали характерный салтовский кувшин, горшок с линейно-волнистой орнаментацией, кости овцы [Козловский, 1992, с. 154]. Возле с. Попова-Баловка в Днепропетровском районе также была раскопана салтовская катакомба¹. В ней обнаружены серая глиняная амфора салтовского типа, стремена и удила с псалиями (рис. 6). Кроме того, на склоне оврага, возле г. Марганца (юг Днепропетровской области) было разрушено погребальное сооружение, напоминающее, по описаниям очевидцев, салтовскую катакомбу².

В степном Поднепровье получил распространение и другой тип памятников салтовской культуры, а именно: грунтовые могильники и отдельные погребения зливкинского типа (рис. 5). Одни из них выявлены на высоких обрывистых берегах и останках балок небольших притоков Днепра, другие — на песчаных дюнах. Из числа памятников данного типа следует назвать одиночное погребение у с. Михайловки, погребения у сел Вильноандреевки, Софиевки, Коломийцы и т. д. Исследователями также отмечено наличие в Поднепровье поселений с керамикой салтовского типа [Швецов, 1981, с. 96–101]. Данная информация соответствует выводам некоторых исследователей о том, что в Южном Поднепровье в IX–XI вв. существовала культура, имевшая ряд сходных черт с древнерусскими и салтовскими памятниками. В данном случае речь может идти о смешанном характере населения степного Поднепровья. Даже в XI в., после падения Хазарского каганата среди памятников

¹ Материалы находятся в экспозиции Днепропетровского исторического музея.

² Информация получена со слов сотрудников Днепропетровского исторического музея.

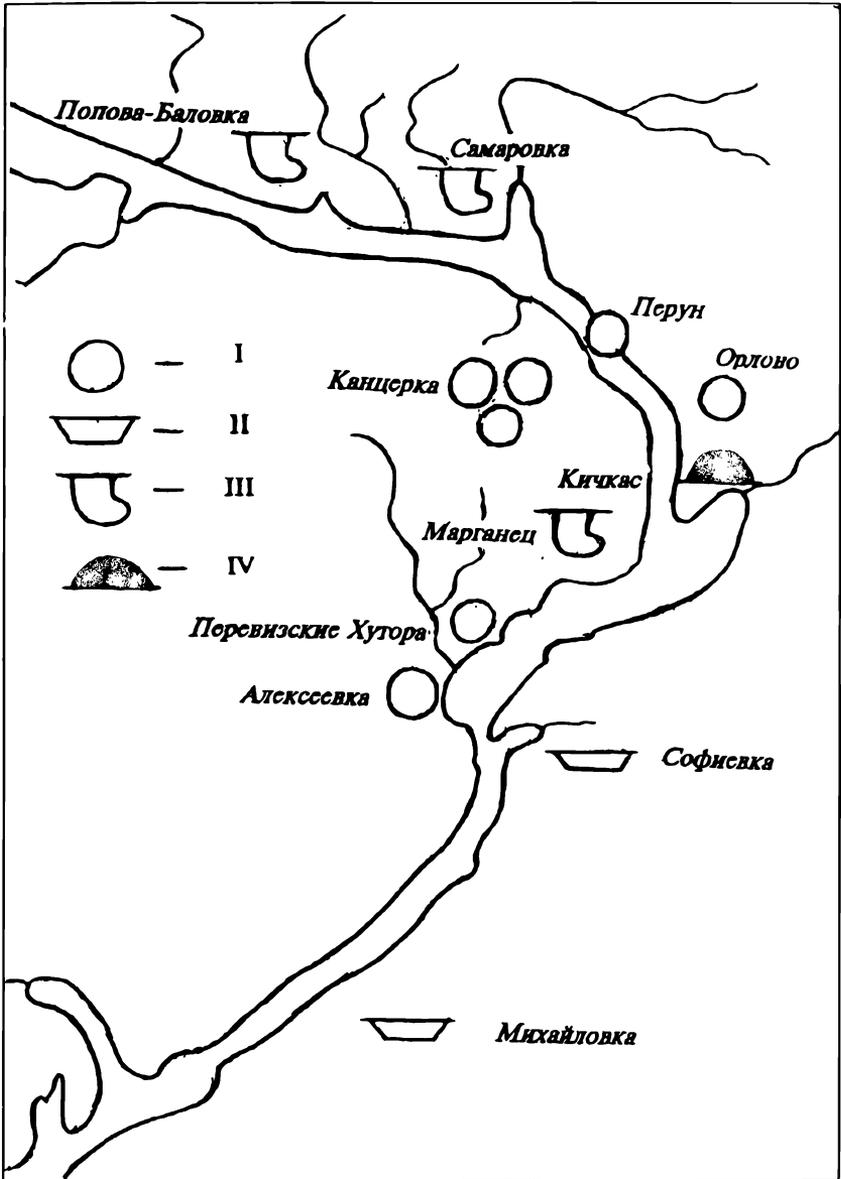

Рис. 5. Распространение памятников салтовского типа в степном Поднепровье:
 I — поселения; II — грунтовые погребения; III — катакомбные захоронения; IV — курганные могильники

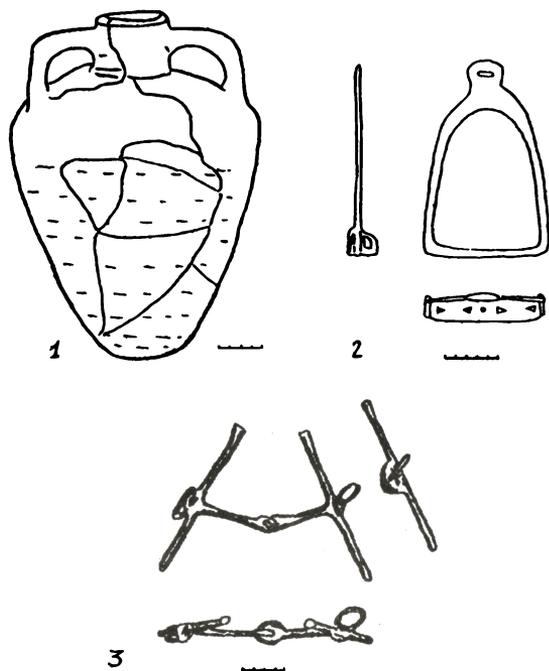

Рис. 6. Инвентарь из катакомбного захоронения у с. Попова-Баловка Днепропетровской обл.:
1 — амфора; 2 — стремяна; 3 — удила со псалиями

местного населения продолжали сохраняться многие салтовские черты [Козловський, 1992, с. 154].

Аналогичная ситуация была отмечена и в придонечских степях. Как уже отмечалось, в данном районе получили распространение грунто-вые захоронения зливкинского типа. Однако в ряде случаев было отмечено существование салтовских катакомб (рис. 7). Еще в 1937 г. М. В. Сибилевым возле с. Рубцы Краснолиманского района Донецкой области был зафиксирован могильник, который был разрушен при строительстве железной дороги. По словам строителей, посуда и кости залегали или просто в грунте, или в катакомбах. Исходя из этого М. В. Сибилев определил обнаруженный памятник как "типичный катакомбный могильник салтовского типа" [Сібільов, 1952, с. 139]. Данный памятник не является единственным в степях Донеччины. В 1954—1955 гг. в Луганский краеведческий музей поступил археологи-

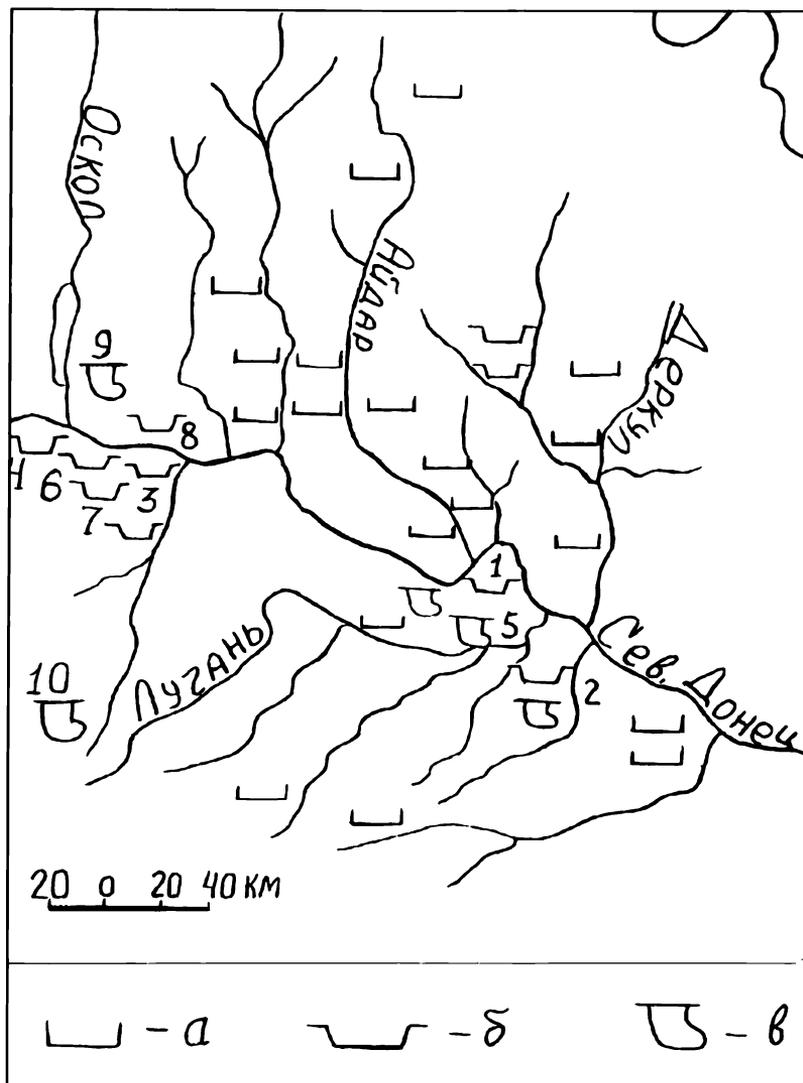

Рис. 7. Памятники салговского типа в бассейне Северского Донца

(по данным К. И. Красильникова и В. К. Михеева):

а — зафиксированные грунтовые могильники; б — раскопанные грунтовые могильники; в — зафиксированные катакомбные захоронения; 1 — Желтос; 2 — Станица Луганская; 3 — Дроновка; 4 — Маяки; 5 — Родаково; 6 — Волоковое озеро; 7 — Дроновка III; 8 — Ильичевка (Зливки); 9 — Рубцы; 10 — Чистяково

ческий материал, найденный у ст. Родаково Александровского района. Среди находок были вещи явно салтовского типа: две баклажки из красной и желтой глины, бронзовая граненая цепочка, бронзовый набор пояса, железный кинжал и др. (рис. 8). Было установлено, что данный комплекс вещей был найден на склоне левого берега р. Лугань. Исходя из топографии местности, рассказов очевидцев и найденных предметов В. К. Михеев определил данный памятник как "катакомбный могильник салтовской культуры"[11, с. 11].

Кроме того, К. И. Красильникову недалеко от г. Луганска на правом берегу Северского Донца у станицы Луганской и с. Желтое удалось зафиксировать несколько катакомбных захоронений. С первого памятника, кроме вещей (более 50 экз.), никакой документации о найденных 5 камерах могильника не поступало. Обнаруженные у с. Желтого среди ямных погребений два катакомбных захоронения были полностью исследованы К. И. Красильниковым (рис. 9). Исследователь считает, что имеются основания "говорить лишь о заимствовании идеи захоронения в катакомбах, либо о том, что среди праболгар проживала небольшая часть других этнических общностей" [Красильников, 1990, с. 30—32, 38]. Можно вполне согласиться с этим выводом, ибо катакомбные захоронения в придонецких степях довольно редки и там преобладают ямные погребения салтовского типа (рис. 7). Поэтому нет оснований говорить о массовом переселении северокавказских аланов в южнорусские степи.

И тем не менее предварительные наблюдения позволяют говорить о том, что не только материальная культура, но и идеологические воззрения обитателей придонецких степей в хазарское время имели немало общих черт с погребальными традициями жителей лесостепного Подонья. Весьма примечателен в этом отношении грунтовой Дроновский могильник, где были обнаружены погребения с разрушенными скелетами. Там же были исследованы пять погребений, в которых ноги костяков были сведены в стопах или перекрещены. Как отмечалось выше, данная традиция имела распространение на катакомбных могильниках салтовской культуры. По мнению С. А. Плетневой, перекрещенные кости ног свидетельствуют о том, что ноги при захоронении были связаны. На Дмитриевском могильнике в погребении катакомбы 55/1 сохранился даже обрывок тонкого ремешка, лежащего на пересечении голеней [Плетнева, 1989, с. 183—186]. Кроме того, на Дроновском, а также на Волоконовском, Сидоровском могильниках и могильнике у с. Маяки были обнаружены скорченные погребения на боку. На Маяках из 38 погребений, обнаруженных В. К. Михеевым (1964—1965, 1968—1969 гг.), и 31 погребении, исследованном С. И. Татариновым и А. Г. Копылом в 1976 г. (рис. 10) в 12 костяки лежали на боку с подогнутыми ногами (табл. I, II). При этом 3 погреб-

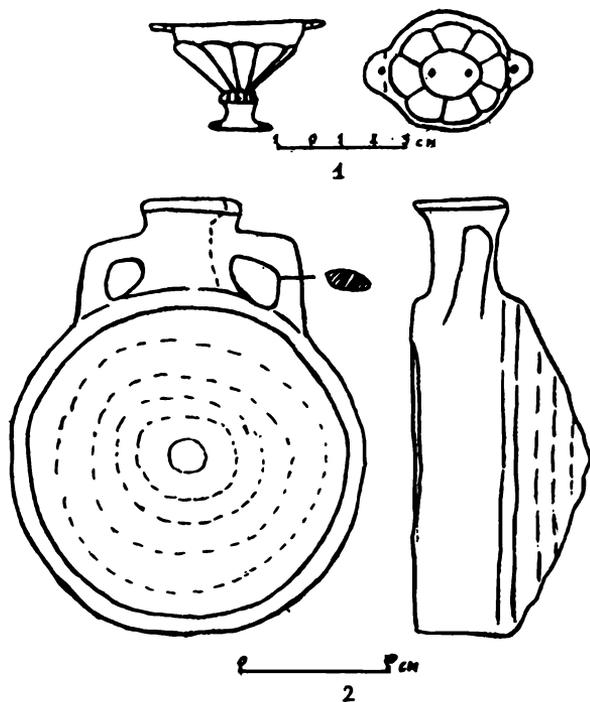

Рис. 8. Находки у ст. Родаково Луганской обл.
 (по В. К. Михееву):
 1 — металлический сосуд; 2 — баклажка из глины

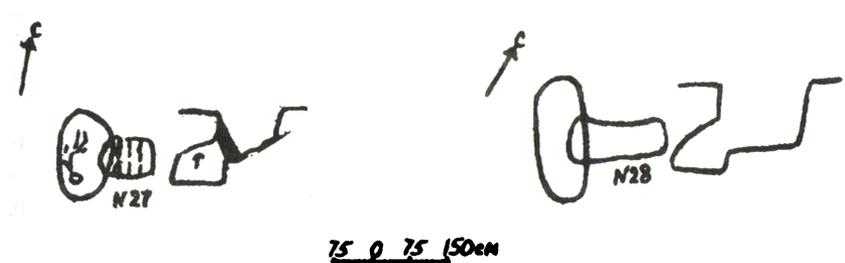

Рис. 9. Катакомбные захоронения могильника у с. Желтое
 Луганской обл. (по К. И. Красильникову)

бения, совершенные по данному обряду, оказались более поздними, чем основная масса захоронений на Маяках [Копыл, Татаринов 1979, с. 267—269; 16, с. 12, 23]. В эпоху средневековья такие погребения получили распространение на катакомбных могильниках в Подонье и на Северном Кавказе. Показательны в этом отношении Верхнесалтовский и Дмитриевский могильники, а также такие северокавказские, как Батан-Чапкан в Черкессии, Верхний Чирюрт и др. [Федоров Я. А., Федоров Г. С. 1978, с. 167; Плетнева, 1989, с. 188—189]. Данный обычай в среде аланов является, безусловно, пережитком сарматской эпохи, с той лишь разницей, что сарматы погребали так и мужчин и женщин, а средневековые аланы — в основном женщин. Возможно, умерших перед погребением связывали веревками, подрезали им подколенные жилы. Страх перед умершим был присущ и жителям донецких степей в хазарскую эпоху. На городище у с. Маяки на территории, которая была заселена в IX в., было обнаружено более десяти поздних погребений. Одно из них (№ IV) находилось под верхним камнем от жерновов [15, с. 8]. Такие же жернова были обнаружены и в дромосах салтовских катакомб. Это находит аналогии и в традициях современных осетин. У осетин до сих пор принято класть в могилу последнего представителя мужского пола мельничные жернова [Калоев, 1967в, с. 119].

Из погребений могильника у с. Маяки следует особо выделить групповое захоронение №24, обнаруженное в 1977 г. Оно было совершено в субматерике на глубине 0,55 м. Первое погребение было представлено костяком взрослого мужчины, лежащего на спине в вытянутом положении головой на юго-запад. На животе мужчины обнаружен костяк пятилетнего ребенка в вытянутом положении. Слева у ног мужчины, спиной к ним, в скорченном положении на левом боку головой на запад находился костяк женщины (рис. 11). И хотя данное групповое захоронение было совершено в грунтовой яме и не содержало инвентаря, мы с определенной долей уверенности можем констатировать, что оно было совершено по аланскому обряду, характерному для катакомбных склепов [Копыл, Татаринов 1979, с. 268].

Анализ погребений, обнаруженных на грунтовых могильниках салтовской культуры у сел Маяки и Сидорово, показывает, что наиболее ранними были те, которые совершались в ямах глубиной около 1 м. Для них было характерно вытянутое положение костяков на спине головой на запад, наличие инвентаря. Аналогичные погребения были выявлены на Зливкинском грунтовой могильнике и традиционно связываются с булгарами. Более поздними следует считать погребения, совершенные в вытянутом положении на спине или на правом боку с разворотом лица на юг. Отсутствие в ряде захоронений инвентаря и разворот лица или туловища умершего на юг в сторону Мекки дали основание С. И. Татарину

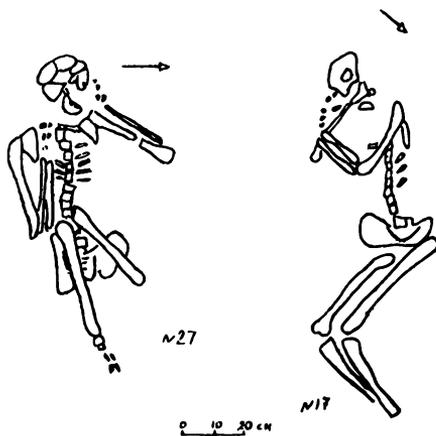

Рис. 10. Скорченные захоронения могильника у с. Маяки
Донецкой обл. (по С. И. Татаринovu и А. Г. Копылу)

Рис. 11. Коллективное захоронение могильника у с. Маяки
Донецкой обл. (по С. И. Татаринovu)

считать данные погребения раннемусульманскими [22, с. 55]. Аналогичный тип захоронений, по его мнению, был распространен в конце X в. на Средней Волге [Иссл. Вел. гор., 1976, с. 119—142], на некрополях Билляра и Болгара. Тем не менее хочется отметить, что на основании только этих данных подобные выводы пока преждевременны. Не исключено, что в среду местного населения проникли аланы, о чем свидетельствуют скорченные погребения на боку и семейное захоронение №24.

Возможно, что о присутствии аланов на городище у с. Маяки может свидетельствовать амулет, найденный вместе с керамикой VIII—IX вв. Надпись на амулете оказалась зашифрованной, чтобы сделать его недоступным для злых духов. По мнению Г. Ф. Турчанинова, надпись была выполнена средневековым осетинским (аланским) письмом и содержала 12 букв. Он прочел ее как: "айсаэд нæ зынты", что означает: "да возьмет он наши тяготы" [Турчанинов, 1977, с. 292—296]. Следует отметить, что весьма проблематично делать выводы о языке надписей лишь на основании очень коротких текстов. К этому следует добавить, что Г. Ф. Турчанинов прочел раннесредневековую надпись на современном осетинском языке. Хотя ясно, что за более чем тысячелетнюю историю язык аланов должен был претерпеть существенные изменения. Вопрос о том, имел ли в хазарскую эпоху аланский язык распространение в среде обитателей среднего Подонечья, остается открытым.

К сожалению, отсутствует заключение антропологов о физических особенностях населения, оставившего могильники у сел Сидорово и Маяки. Информация о краниологической характеристике погребенных на данных могильниках довольно противоречива. В. К. Михеев определил все обнаруженные им погребения как принадлежащие носителям брахикранного антропологического типа [Михеев, 1985, с. 16, 20]. С. И. Татаринов и А. Г. Копыл признали в погребенных на могильнике у с. Маяки долихокранов и объявили большинство исследованных ими погребений аланскими [23, с. 54—55]. Однако спустя некоторое время черепа из раскопок С. И. Татаринова и А. Г. Копыла были переданы в лабораторию палеоантропологии института этнографии в Москве и предварительно были определены В. П. Алексеевым как имеющие выраженные монголоидные черты [Копыл, Татаринов 1979, с. 268].

Таким образом, необходимо отметить, что в идеологии носителей лесостепного и степного вариантов салтовской культуры имелось немало общих черт. Бассейн Северского Донца отличался в хазарскую эпоху распространением единой материальной культуры и общих идеологических воззрений среди местного населения. Следует отметить, что у обитателей Среднего Подонечья в X в. получили распространение традиции, которые до этого имели место среди носителей

катакомбного обряда погребения. Только различие в устройстве погребальных сооружений салтовского населения позволило ряду исследователей выделить в Подонье, Подонечье и степном Поднепровье два локальных варианта салтовской культуры: лесостепной, связываемый с "аланами", и степной, представленный памятниками "булгар". Условность такого деления на сегодняшний день очевидна. Письменные источники X—XIII вв. упоминают в южнорусских степях ясов (асов), в которых многие исследователи склонны видеть потомков аланов, обитавших в хазарскую эпоху в бассейнах Дона и Донца. Создается впечатление, что речь идет о той территории, где в VIII—X вв. получил распространение степной вариант салтовской культуры. Отсюда следует вывод, что происхождение южнорусских ясов XII — начала XIII вв. следует связывать не с носителями катакомбной традиции, а с населением, в среде которого получил распространение обычай хоронить умерших в грунтовых ямах.

Однако при такой постановке вопроса возникает несоответствие с предыдущими выводами исследователей, которые связывают ямные захоронения салтовской культуры с тюркоязычными булгарами, а не с ираноязычным населением. В данном случае можно предположить, что часть тюркоязычного населения бассейнов Дона и Северского Донца подверглась процессу иранизации со стороны аланов лесостепного Подонья. Возможно и другое объяснение: среди обитателей южнорусских степей было население, которое изначально являлось ираноязычным и могло сохранять свою этническую специфику вплоть до XIII в. Чтобы окончательно ответить на этот вопрос необходимо выяснить, почему носителей степного варианта салтовской культуры традиционно связывают только с тюркоязычными булгарами, а не с иными этносами.

Как уже отмечалось, в хазарскую эпоху в степях Подонья и Приазовья получили распространение захоронения, аналогичные зливкинским. Они находились в прямоугольных могильных ямах, в большинстве случаев засыпанных просто землей и иногда имеющих заплечики как следствие присутствия перекрытия из бревен или плах. Погребения были представлены одиночными захоронениями, в которых погребенные лежали вытянуто на спине (рис. 12). Данному типу захоронений была присуща различная ориентация. Иногда эти грунтовые погребения сопровождалась костями коня, а также инвентарем, который носит элементы салтовской культуры [Городцов, 1905а, с. 211—213].

Кроме того в погребальном обряде удалось выявить новые черты: одни могильные ямы были круглой формы, другие имели подбой; иногда погребения совершались в гробу или каменных ящиках; в ряде случаев дно могильной ямы посыпалось углем или устилалось камышом; изредка покойника погребали скорчено на боку; иногда

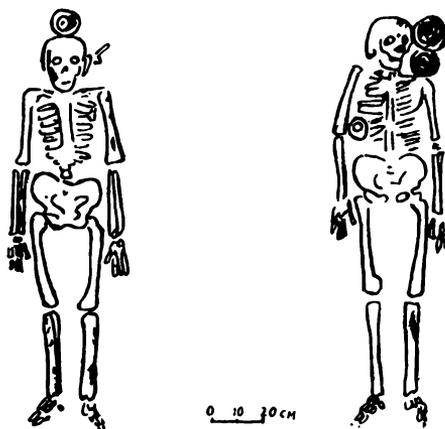

Рис. 12. Погребения Зливкинского могильника (по В. А. Городцову)

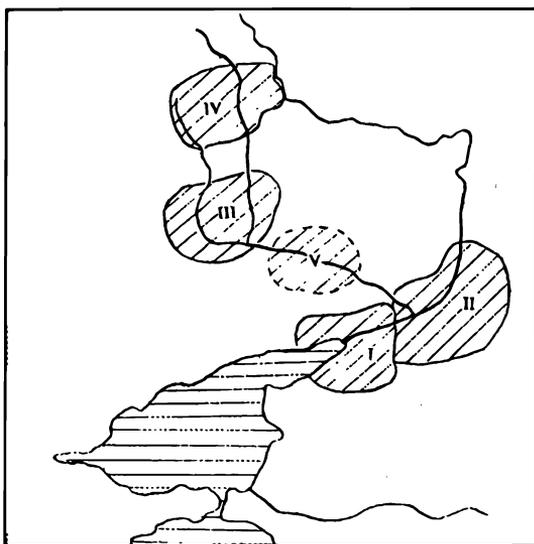

Рис. 13. Районы могильников определенных типов "праболгарского" (степного) варианта салтовской культуры (по С. А. Плетневой): I — нижнедонской; II — пимлянский (саркельский); III — среднеднепецкий; IV — лессостепной; V — намечающийся район могильников в низовьях Северского Донца

встречались коллективные захоронения и т. п. [Плетнева, 1984, с. 9—10]. Исходя из особенностей погребального обряда С. А. Плетнева выделила в данном локальном варианте пять районов (рис. 13): среднедонецкий, нижнедонской, саркельский (цимлянский), лесостепной и формирующийся нижнедонецкий [Плетнева, 1984б, с. 11—12].

Относительно же этнической принадлежности носителей степного варианта салтовской культуры среди исследователей вплоть до середины 50-х годов не было единого мнения. Лишь только Н. Я. Мерперт и И. И. Ляпушкин попытались окончательно решить эту проблему. Н. Я. Мерперт пришел к выводу, что памятники данного типа могли быть оставлены булгарами. Основанием для этого послужило то, что этот тип захоронений был обнаружен на Балканах (на могильнике Нови Пазар в Болгарии) и на могильнике у с. Кайбелы на Средней Волге, т. е. там, где письменные источники эпохи средневековья локализовали булгар. В подтверждение своей гипотезы Н. Я. Мерперт представил антропологический материал, из которого следовало, что обследованные серии из Нови Пазара и Кайбел были представлены черепами смешанного типа, которые сочетали в себе как монголоидные, так и европеоидные черты [Мерперт, 1957, с. 33—35]. В этом мнении Н. Я. Мерперта поддержал И. И. Ляпушкин. Основанием для этого ему послужила информация о распространении сосудов (котлов) с внутренними ушками в местах предполагаемого расселения булгар. Кроме того, И. И. Ляпушкин обратил внимание на существование в среде населения зливкинского типа "явно кочевнических традиций в жилье". Опираясь на эти аргументы, а также исходя из выводов Н. Я. Мерперта, исследователь памятников салтовской культуры пришел к выводу, что во времена раннего средневековья "к моменту появления изучаемой нами оседлости в степной полосе междуречья Дона и Северского Донца, а также в Приазовье из кочевых племен могли обитать лишь болгары" [Ляпушкин, 1958а, с. 146—147]. Окончательное же обоснование тезиса о болгарской принадлежности обитателей степей Подонья и Приазовья получил в работах С. А. Плетневой [Плетнева, 1967, с. 185—186], М. И. Артамонова [Артамонов, 1962, с. 130—166], В. Ф. Генинга, А. Х. Халикова [Генинг, Халиков, 1964, с. 107—148] и других исследователей. Эти выводы базировались в основном на данных письменных источников, которые особо выделяли из обитателей степей Восточной Европы в VI—X вв. булгар. Исходя из того, что в хазарскую эпоху в степях Подонья и Приазовья получили распространение ямные захоронения салтовского типа, делался вывод об их болгарском происхождении.

Однако аргументы сторонников тюркского происхождения болгарских племен с самого начала оказались неубедительными для А. П. Смирнова. Исследователь указал на то, что присущие некоторым черепам зливкинского типа черты монголоидности отнюдь не являются свидетельством центральноазиатского происхождения протоболгар. По его мнению,

брахикранные краниологические серии подобного типа существовали в степях Восточной Европы уже в предыдущую сарматскую эпоху [Смирнов, 1957, с. 7—8]. Данное предположение во многом перекликается с теми выводами, к которым пришли антропологи [Дебец, 1948, с. 252—256; Гинзбург, 1963, с. 262, 263]. А. П. Смирнов также обратил внимание на погребальный обряд, связываемый с протоболгарами. У данной традиции не было отмечено центральноазиатских аналогий, что позволило бы отнести протоболгар к народам гуннского культурного круга. Как отметил А. П. Смирнов, обряд погребения в грунтовых ямах с заплечиками восходит к сарматам и находит аналогии в памятниках ранней сарматской стадии (III—II вв. до н.э.). По мнению исследователя, данная погребальная традиция сложилась еще тогда, когда не могло быть никаких оснований искать тюркские племена [Смирнов, 1957, с. 8].

Необходимо отметить, что сарматские элементы в культуре салтовского населения степей Днепровско-Донского междуречья находят аналогии среди традиций кочевников сарматской эпохи на данной территории. Особо примечателен в этом отношении могильник у р. Молочной в Нижнем Поднепровье, связываемый с сарматами. Там, под курганными насыпями были зафиксированы основные типы погребальных сооружений: 1) квадратные ямы с деревянной конструкцией; 2) прямоугольные узкие ямы, в ряде случаев с заплечиками (рис. 14, 1); 3) ямы с подбоями. Ориентация погребенных была различной [Вязьмитін, 1966, с. 17—21].

Подобный тип погребальных сооружений в позднесарматское время существовал и в бассейне Северского Донца. Для данного региона было характерно наличие подкурганных погребений в виде глубоких, но узких ям, подбоев или катакомб с искусственно деформированными черепами. По мнению Б. А. Шрамко, "наличие двух одновременных, но разных обрядов погребений — в грунтовых ямах и в подбоях (катакомбах) свидетельствует о том, что степное население аланского племенного союза этнически не было совершенно однородно" [Шрамко, 1962, с. 246—249]. Во времена же господства готов (III—IV вв.) особых перемен в бассейне Северского Донца не произошло. Именно в этот период среди придонских памятников черняховского типа продолжали бытовать многие сарматские черты в инвентаре и в других важных этнографических особенностях (погребения под курганами, устройство могил в виде подбоев, искусственная деформация черепа, обычай разбивания зеркала и т. п.). Все это заставило исследователей сделать вывод, что во II—IV вв. и даже позже значительную часть населения в придонском регионе могли представлять сармато-аланы, испытавшие определенное влияние со стороны оседлых племен [Шрамко, 1962, с. 248—249; Луцкевич, 1948, с. 170—171].

Анализ ямных погребений салтовского типа в бассейне Северского Донца свидетельствует, что А. П. Смирнов, говоря о сарматском происхождении носителей данной традиции, выделил не все черты, которые нахо-

дят аналогии в памятниках сарматской эпохи. Доказательством этого может являться распространение среди обитателей придонеских степей скорченных захоронений на боку. Как уже отмечалось, данный обряд был зафиксирован на Маяцком, Сидоровском и Дроновском могильниках (табл. I—III; Татаринов, Копыл, 1981, с. 302). Скорченные погребения на территории степной Украины имели распространение и в сарматскую эпоху (рис. 14, 2). Наиболее ранние из них были зафиксированы в степном Поднепровье [Савовский, 1977, с. 62, 65]. Они были обнаружены Е. П. Трифильевым и в бассейне Северского Донца под курганными насыпями [Трифилев, 1905, с. 134—135]. Инвентарь, найденный в этих захоронениях, позволяет относить их к сарматской эпохе. Примечательно, что скорченные погребения на боку в степях Приазовья, относящиеся как к сарматской, так и к хазарской эпохам, были представлены мужскими и женскими захоронениями. В этом их основное отличие от аналогичных погребений на катакомбных могильниках Подонья и Северного Кавказа, где таким образом хоронили только женщин.

Уже обращалось внимание на то, что среди ямных захоронений салтовской культуры иногда встречались погребения с перекрещенными ногами [Татаринов, Копыл, 1981, с. 304; Иченская, 1982, с. 93]. Характерно, что в некоторых захоронениях первых веков нашей эры, обнаруженных у с. Маслово Кировоградской области, скелеты также были со скрещенными ногами [Кухаренко, 1954, с. 118]. Как отмечалось ранее, на некоторых грунтовых могильниках хазарских времен в бассейне Северского Донца обнаружены погребения с разрушенными скелетами [Иченская, 1981, с. 82, 93; Татаринов, Копыл, 1986, с. 210—220]. Такой же обычай был присущ многим захоронениям сарматской эпохи. Известна данная традиция и в Северном Приазовье на могильнике начала нашей эры "Аккермень" в долине р. Молочной [Рутківська, 1972, с. 46].

Уже акцентировалось внимание на том, что в ряде погребений зливинского типа иногда встречалась посуда. Даже сторонники тюркского происхождения протоболгарских племен вынуждены признать, что керамика носителей "болгарского" варианта салтовской культуры находит аналогии не в центральноазиатских древностях, а в сармато-аланских. Особо показательны в этом отношении кувшинообразные сосуды [Генинг, Халиков, 1964, с. 138].

Особо следует выделить грунтовые погребения, относящиеся к саркельской (цимлянкой) группе памятников. В погребальном обряде и антропологическом типе населения, оставившего после себя наиболее ранние захоронения Саркела, были отмечены черты, которые сближают данную группу памятников, с одной стороны, с традициями аланского населения лесостепного Подонья и Северного Кавказа, а с другой — с культурой сарматов Восточной Европы. К раннему периоду существования Саркела относятся погребения салтовского типа, представленные захоро-

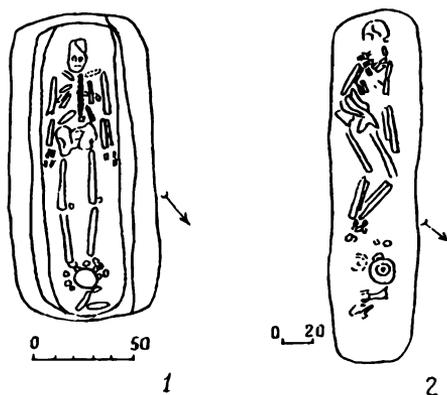

Рис. 14. Погребальные традиции сарматской эпохи, находящие аналогии среди захоронений салтовской культуры (по К. Ф. Смирнову):

1 — погребение в яме с заплечиками (Аккермень, бассейн р. Молочной); 2 — скорченное захоронение на боку (с. Троицкое, бассейн р. Молочной)

нениями в грунтовых ямах разнообразных форм: прямоугольных, круглых и т. д. К хазарскому периоду также относят два погребения в подбоях, подбой для которых были вырыты в стенках заброшенной полуземлянки [Плетнева, 1984б, с. 11]. Следует отметить, что данная традиция имела распространение в местах расселения аланов в лесостепном Подонье [Плетнева, 1989, с. 65—67]. Как отметил В. В. Гинзбург, краниологические серии из данных захоронений находят аналогии среди черепов Зливкинского могильника и погребений сарматской эпохи [Гинзбург, 1963, с. 262—263]. В. В. Гинзбург также обратил внимание на то, что серии долихо-мезокранного типа встречаются среди женских черепов Саркела. Именно такой антропологический тип погребенных был характерен для Верхнесалтовского могильника [Гинзбург, 1963, с. 264]. Все это позволяет утверждать, что население начального периода существования Саркела не было однородным.

Для погребений зливкинского типа было характерно прежде всего то, что они, с одной стороны, имели общие черты с физическими особенностями и традициями осетин и аланов лесостепного Подонья и Северного Кавказа, а с другой — с памятниками сарматской эпохи. Их особенностями являются: 1) долихокранный антропологический тип погребенных (Нетайловский и Саркельский могильники); 2) погребения иногда совер-

шались в узких прямоугольных ямах и в подбоях; 3) различная ориентация погребенных; 4) часто захоронения были с разрушенными скелетами; 5) иногда попадались погребения со скрещенными ногами; 6) скорченные захоронения на боку; 7) дно могилы посыпалось углем или устилалось камышом; 8) иногда в могилы клали кости животных и инвентарь; 9) изредка попадались коллективные захоронения (могильник у с. Маяки); 10) в редких случаях над могилой помещали мельничные жернова (могильник у с. Маяки).

Однако ряду ямных захоронений салтовского типа были присущи черты, которые находят аналогии только в антропологических особенностях и в погребальных традициях догуннской эпохи:

- 1) брахикранный антропологический тип;
- 2) захоронения в грунтовых ямах с заплечиками;
- 3) скорченные погребения были представлены не только женскими, но и мужскими захоронениями.

Кроме того, анализ письменных источников свидетельствует о том, что в идеологии и культуре протоболгар имелось немало общего с традициями скифов, сарматов, аланов и осетин. Все это позволяет предполагать, что определенная часть населения восточноевропейских степей в период раннего средневековья находилась под воздействием иранцев.

Исходя из этого можно допустить, что носители ямной традиции в лесостепной зоне испытали сильное влияние аланов, в среде которых бытовали катакомбные захоронения. Однако данное предположение неприемлемо для характеристики обитателей среднего течения Северского Донца. Как уже отмечалось, катакомбные погребения в данном районе встречаются крайне редко (рис. 7). Это заставляет предполагать, что распространение отмеченных особенностей погребального обряда следует связывать не с присутствием в среднем течении Северского Донца носителей катакомбной традиции, а с расселением населения, в среде которого бытовали ямные захоронения. Ввиду того, что данные традиции получили широкое распространение в догуннскую эпоху, имеются основания видеть в этой общности потомков сарматов Восточной Европы. Таким образом, можно предположить, что в степях Подонья и Приазовья в период раннего средневековья обитали не только протоболгары, но и потомки сарматов, которые долгое время могли сохранять свои этнические и культурные особенности.

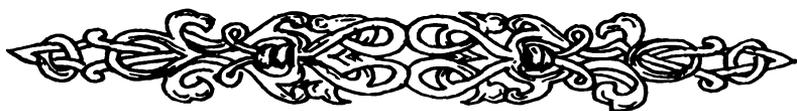
Автор монографии не берется решить проблему, где искать истоки протоболгарского этноса и этнонима "булгары" — в среде сарматского или тюркоязычного населения. Однако вполне очевидно, что памятники степного варианта салтовской культуры не имеют прямых аналогий в Центральной Азии, а находят их среди традиций восточноевропейского населения догуннской эпохи. Не упоминаются письменными источниками булгары и среди обитателей Центральной Азии. Все это заставляет ду-

мать, что формирование протоболгарской этнокультурной общности происходило в степях Восточной Европы. А это предполагает значительное участие не только пришлого тюркского, но и местного иранского элемента.

В конечном итоге необходимо отметить, что имеются основания связывать происхождение ясов (асов) южнорусских степей, упоминаемых письменными источниками в X — начале XIII вв., с носителями степного варианта салтовской культуры. Исходя из того, что традиции этой группы населения имеют прямые аналогии в степях Восточной Европы среди памятников догуннской эпохи, более резонно видеть в южнорусских ясах (асах) потомков восточноевропейских сарматов, а не кавказских аланов. Однако не стоит забывать о существовании в степях Северного Приазовья немногочисленных салтовских катакомб, аналогичных северокавказским. А это может свидетельствовать о том, что определенная, но незначительная часть аланов Северного Кавказа также могла принять участие в формировании общности ясов южнорусских степей.

Полученный результат во многом перекликается с теми выводами, к которым пришли еще в XVIII—XIX вв. В. Н. Татищев [Татищев, 1963, т. II, с. 240—260], Н. М. Карамзин [Карамзин, 1989, т. I, с. 184—185], В. Ф. Миллер [Миллер, 1887, т. III, с. 67—68], Ю. А. Кулаковский [Кулаковский, 1899а, с. 49—72] и другие исследователи. В настоящее время подобных взглядов на происхождение ясов южнорусских степей продолжают придерживаться также некоторые ученые.

Глава II

ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АЛАНО-ЯССКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Относительно этноязыковой принадлежности ясов южнорусских степей среди исследователей до сих пор нет единого мнения. По этому поводу ученые придерживаются диаметрально противоположных взглядов. Одни видели в южнорусских ясах ираноязычный народ, другие — тюркоязычный этнос, третьи — так и не смогли прийти к определенным выводам. Наибольшее распространение получило предположение об ираноязычности южнорусских ясов. В. Ф. Миллер доказал, что кавказские аланы были известны в древнерусских летописях под именем "ясы". Их ираноязычность ни у кого не вызывала сомнения. Поэтому делался вывод об иранском происхождении восточноевропейских ясов. В донских ясах В. Ф. Миллер видел прямых потомков сарматов [Миллер, 1887, т. III, с. 67—68].

Однако в советский период на протяжении нескольких десятилетий специалисты по проблемам этнической истории находились под влиянием идей академика Н. Я. Марра. В связи с этим становится понятным, почему В. В. Мавродин назвал яское население половецких городов булгарами. Ведь оно, по его мнению, происходило от сарматов-аланов. Исследователь не видел большой разницы между тюркоязычными булгарами и ираноязычными аланами [Мавродин, 1940, с. 38]. Необоснованность подобных выводов была доказана со временем.

В середине 50-х годов археологи высказали предположение, что салтовская культура в бассейне Дона и Северского Донца имела два локальных варианта: северный — аланский и южный — болгарский. К этому следует добавить, что ясов X—XII вв. исследователи рассматривали как потомков носителей салтовской культуры и связывали их именно с аланами. Однако все историки локализовали ясов южнее г. Харькова, где археологи до сих пор обнаружили очень мало памятников, идентичных северокавказским и верхнесалтовским. Это расхождение заставило С. А. Плетневу назвать южнорусских ясов потомками аланов и болгар хазарских времен, что однако не помешало ей считать ясов аланами [Плетнева, 1988, с. 26—27].

В последние годы И. М. Мизиевым и его сторонниками были высказаны сомнения относительно ираноязычности как кавказских, так и восточноевропейских ясов. По мнению И. М. Мизиева, ясы — это тюркоязычный народ. Чтобы подтвердить это, он выдвигает ряд положений, которые заслуживают внимания.

Первым аргументом в пользу тюркоязычности ясов (асов) сторонники И. М. Мизиева считают факт распространения термина "ас" (яс) среди тюркоязычных народов. В связи с этим они имеют несколько точек зрения [Мизиев, 1986, с. 85; Байчоров, 1987, с. 59; Закиев, 1990, с. 27; Бахтиев, 1990, с. 10]. Однако предложенные ими этимологии выглядят надуманными и не отражают той исторической реальности, которая имела место в прошлом. Более убедительные аргументы по этому поводу выдвигают сторонники ираноязычности асов (ясов).

Одним из первых начал эти научные поиски В. Ф. Миллер. Еще в XIX в. он выводил этноним "ас" из слова "асу", что на языке "Авесты" значит "быстрый, проворный" [Миллер, 1887, т. III, с. 38]. В. Ф. Минорский считал, что термин "ас" через промежуточную форму "арс" был связан с сарматским этнонимом "аорсы" [Минорский, 1963, с. 193—194]. По мнению Ю. С. Гаглойти и венгерского исследователя Р. Кальмана, племенное название сарматов "языги" идентично наименованию "ясы" [Гаглойти, 1967, с. 78; Kälman, 1977, old. 8—10].

Особого внимания заслуживает подход к этому вопросу Б. А. Алборова. Он считает, что приведенный этноним появился в среде иранцев задолго до новой эры. Племенное название "ас" он выводит через переходные формы "аш — иш — ассе" от авестийского "ишкаты" (ашкузы). При этом исследователь указывает на наличие этого термина у среднеазиатских тюрков. Б. А. Алборов делает предположение, что племенное название с формантой "ас" появилось в среде иранцев и тюрков независимо друг от друга [Алборов, 1960, с. 108—112].

Очень трудно проверить достоверность приведенных этимологий. Поэтому вполне естественно возникает вопрос: где, когда и при каких обстоятельствах впервые упоминается народ или племя под названием "асы"? При этом следует отметить, что среди тюркоязычных этносов термин "ас" получил распространение только в эпоху средневековья, хотя имеются сведения о существовании подобного этнонима в среде ираноязычных народов еще до новой эры.

Первая информация о созвучном с этнонимом "ас" названии племенного объединения содержится в трудах Помпония Трога и Страбона. Помпоний Трог сообщает, что в царствование царя Диодота Бактрию и Согдиану захватили скифские племена сарауков и азианов [Юстин, 1955, с. 223, 242—243]. Помпонию Трогу вторит в своей "Географии" Страбон. Среди племен, которые разгромили Греко-Бактрийское государство, им упомянуты асии [Страбон, 1964, с. 483—484]. Со-

поставление приведенных отрывков доказывает, что азианы Трога и асии Страбона — это один и тот же народ, который в I в. до н. э. жил в Средней Азии.

Сведения о народе "ас", как это ни странно, содержатся у исландского скальда XIII в. Снорри, автора "Младшей Эдды". Г. Моргенштерн, приводя рассказ из этого источника, считает, что под упомянутыми асами следует подразумевать одно из сарматских племен, обитавшее на рубеже нашей эры в бассейне Дона [Morgenstern, 1977, с. 201—205]. Однако данный документ не является исторической хроникой и носит мифологический характер.

Из другого источника мы узнаем о существовании на территории Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. реки и племена, носящих название "Асиак". В данном случае речь идет о "Землеописании" Помпония Мелы [Латышев, 1949, с. 281]. По мнению исследователей, название реки "Асиак" является производным от самоназвания скифского (сарматского) племени асиаков. Ю. С. Гаглойти считает, что речь идет о сарматском племени асов, ибо это нашло отражение в первой части данного этнонима. Во второй же части слова, как полагает исследователь, следует видеть иранский суффикс "ака" [Гаглойти, 1967, с. 78].

Об асиях во II в. н. э. упоминает Птолемей, который указывает, что это племя обитало на левом берегу р. Танаиса, в ее нижнем течении. Он называет их "асии" (осии) и считает сарматским племенем [Кулаковский, 1899б, с. 21, 22; Стрижак, 1991, с. 75].

Информация Птолемея представляет собой последнее сообщение греко-римских авторов об асах. После этого вплоть до VII в. асы не упоминаются в письменных источниках. Причина ясна: сарматские племена, имевшие в качестве своего наименования слово, созвучное с этнонимом "асы", не имели прямого отношения к тем асам, которые упоминались в средневековых документах. В данном случае речь идет только о созвучии этнических наименований. У нас нет оснований связывать происхождение средневековых асов с сарматскими племенами азианов, асиев, асиаков и т. п. Слишком велик диапазон всевозможных вариаций интересующего этнонима, слишком неопределенны хронологические и территориальные рамки для населения, носившего упомянутые этнические наименования. Подобный подход к решению проблемы неприемлем, ибо является упрощенным.

Первая же наиболее достоверная информация об асах относится к VII в. и содержится в "Армянской географии", приписываемой Моисею Хоренскому. Речь идет о разделах, посвященных описанию Кавказа. В тексте "Географии" сказано: "Народы в Сарматии распределены следующим образом, начиная с запада и направляясь к востоку. Во-первых, народ Агванов, Аштигор на юге. С ними вместе живут

хребты, кутеты, аргвелы, мардуйлы и такуйры. За дигорами в области Ардос Кавказских гор живут аланы ..." [Патканов, 1883, с. 30].

Данное сообщение позволяет видеть в аштигорах народ смешанного происхождения, состоявший из асов и дигоров. По мнению В. Ф. Минорского, "аш", как первоначальная форма, вряд ли возможна, так как в современном осетинском языке нет звука "ш". Появление "ш" следует связать с глухим "т" в слове "тигор" вместо "дигор" [Minorsky, 1937, p. 445].

В период с VII по X в. имя асов на Кавказе не упоминается. Объяснить это можно тем, что в это время они не занимали господствующее положение среди кавказских аланов. Само имя аланов несколько столетий не фигурирует в письменных источниках, что можно объяснить тем, что Кавказская Алания находилась в политической зависимости от Хазарского каганата. В X в. ситуация изменилась. Влияние хазар на Аланию значительно ослабло. Это нашло отражение в письменных источниках.

Арабоязычный автор начала X в. Ибн Русте сообщал, что Алания в то время представляла собой отдельное государство, во главе которого стоял царь-христианин, а его подданные еще оставались язычниками. Об этническом составе Алании у арабского путешественника было сказано: "Аланы состоят из четырех племен, но почет и царство принадлежат у них племени, называемому Д.хас ". В. Ф. Минорский предлагает свой вариант написания Д.хас — Р.хас, что позволяет рассматривать данный этноним как осетинское словосочетание "Рухс-Ас"— светлые асы [Минорский, 1963, с. 222]. Информация Ибн Русте позволяет предполагать, что с X в. доминирующее положение среди кавказских аланов стало занимать одно из племен асов.

Сведения Ибн Русте являются, пожалуй, единственным сообщением арабо-персидских авторов домонгольской эпохи о кавказских асах, ибо аланское население Кавказа известно в их записях только в виде "ал-лан". С XIII в. в письменных сообщениях персидских, а иногда и арабских авторов наряду с наименованием "ал-лан" начинает употребляться термин "ас". Именно с этого времени отмечено параллельное употребление этнонимов "ал-лан" и "ас". Все это дало основание В. А. Кузнецову увидеть в аланах и асах два родственных народа. По его мнению, первые, собственно аланы, представляли собой восточную группировку аланских племен на Кавказе, а вторые, асы — западную. В аланах он видел предков современных иронцев, а в асах — дигорцев [Кузнецов, 1962, с. 123—131].

Доказано, что у восточных славян этноним "алан" не был известен. Вместо него в древнерусских документах фигурировал термин "яс". Исследователи единодушны во мнении, что данный этноним происходит от этнического наименования "ас". По мнению И. Г. Добродомо-

ва, в древнерусском языке "в этнониме "ас" "а" был под ударением (и поэтому долгий), он отразился на славянской почве как "а", перед которым закономерно ставился протетический "й". Из этого следовало, что этноним "ас" в древнерусском языке произносился как "яс", "ясин" [Добродомов, 1988, с. 88]. Однако такое объяснение не совсем приемлемо, ибо данные письменных источников свидетельствуют об обратном.

На Руси этноним "яс" начинает фигурировать в тех разделах летописей, где описываются события 965 г. Там речь идет о походе Святослава на Кавказ против хазар. А это значит, что Русь могла заимствовать вариант "яс" (а не "ас") от хазар или болгар. Из этого вытекает, что термин "яс" — хазаро-болгарский вариант иранского этнонима "ас". То же самое можно сказать и о распространении варианта "яс" среди венгров, которые еще в IX в. относились к числу народов хазарского культурного круга. В. И. Ламанский доказал, что венгерская форма "jasz" не является производной от слова "yasz", которая в Венгрии употребляется для обозначения стрелка. По его мнению, венгерское "jasz" и древнерусское "яс" происходят от одного корня "ас", что является синонимом этнонима "алан" [Ламанский, 1902, с. 119].

В связи с этим особого внимания заслуживает мнение О. И. Прицака. Исходя из того, что в чувашском языке, который является современным представителем гунно-болгарских языков, древнее начальное длинное "а-" переходит в "йа-", известный тюрколог также склонен видеть в форме "яс" гунно-болгарский вариант этнонима "ас". В качестве примера можно привести вариант слова "имя", которое у древних болгар имело форму "ат", а у современных чувашей — "ят".

Таким образом, у нас нет оснований связывать распространение этнонима "ас" на Северном Кавказе с миграционным движением тюркоязычных этносов. Термин "ас" имел отношение к северокавказским аланам и мог являться обобщающим наименованием, которым обозначали западную группировку аланских племен.

В I тыс. н. э. владения асов находились не только на Северном Кавказе и в Восточной Европе. Они продолжали сохраняться в Средней Азии. Сведения о среднеазиатских аланах содержатся в китайских источниках, относящихся к первым векам нашей эры. В "Истории младшего Дома Хань" сообщается, что к концу II в. владения Янь-цай в низовьях Сыр-дарьи и Аральского моря стали именоваться Аланья [Бичурин, 1950, т. II, с. 229]. Ряд исследователей склонны видеть в китайском варианте "Яньцай" обозначение аорсов. Считалось, что в древнекитайском языке при передаче иностранных слов фонема R заменялась на N. Отсюда следовало, что "Arsai" переходило в "Jen-tsai" [Мацулевич, 1947, с. 133—134].

Известно также, что на службе у хазарского кагана находился Астархан, предводитель асов [Артамонов, 1962, с. 357—406]. Возможно, что с данными сведениями связана информация Масуди (нач. X в.) о том, что войско хазарского царя главным образом состояло из мусульман, переселившихся в Хазарию из местности, соседней с Хорезмом, вследствие войны и чумы. В Хазарии они были известны под именем "ал-арсии" [Минорский, 1963, с. 193—194]. С данным сообщением перекликается информация Бируни (974—1048 гг.), который сообщает, что в результате изменения течения Аму-дарьи было затоплено много областей, жители которых аланы и асы переселились на берег Каспийского моря [Волин, 1941, с. 19].

В данном случае уместно вспомнить предположение В. Ф. Минорского о том, что этническое наименование "ас" через промежуточную форму "арс" было связано своим происхождением с сарматским этнонимом "аорсы" [Минорский, 1963, с. 193—194]. Данные письменных источников о локализации аорсов вблизи Северного Кавказа в первые века нашей эры не противоречат версии о происхождении северокавказских асов от аорсов [Шилов, 1983, с. 34—48].

В связи с этим особый интерес представляет происхождение племенных названий тюркоязычных народов, обитавших в эпоху средневековья в Средней Азии: "куралас", "барулас", "буркас", "кырыкас", "асиги" и т. п. [Заходер, 1962, т. I, с. 251; Закиев, 1990, с. 26; Мизиев, 1986, с. 30]. Этому могут быть два объяснения. Либо представители упомянутых племенных объединений являлись тюркизированными потомками аланов-асов, либо этнонимы с частицей "ас" могли появиться в среде тюркоязычного населения вне зависимости от иранского влияния. Таким образом, имеются основания связывать происхождение этнонима "ас" (яс) с сармато-аланами Средней Азии, Восточной Европы и Северного Кавказа.

В качестве второго аргумента сторонники тюркского происхождения восточноевропейских ясов приводят сведения о последней жене Андрея Боголюбского, которая принимала участие в убийстве своего мужа. П. Букков называет ее "Ясыней", которая "бе-бо Болгарка родом". При этом он ссылается на В. Н. Татищева и на текст древнерусской летописи [Бутков, 1825, с. 326—327]. Однако упоминания о том, что последняя жена Андрея Боголюбского была "Ясыней" ни в одной летописи нет. В. Н. Татищев в свою очередь ссылается на несохранившийся манускрипт Еропкина [Татищев, 1964, т. III, с. 250], что не совсем убедительно.

У Андрея Боголюбского действительно были две жены, последняя из которых могла выйти за него замуж после похода князя на Каму в 1164 г. Среди убийц Андрея Боголюбского были Анбал Ясин и Яким Кучкович, брат первой жены князя. В летописи имена этих людей

упоминаются вместе, что, очевидно, заставило информатора В. Н. Та-тищева сделать ошибку и увидеть в этих двух лицах одного человека. Отсюда мог последовать ошибочный вывод, что Андрея Боголюбского убил Ясин, который являлся братом жены князя. Происхождение жены при этом не уточнялось. Таким образом, утверждение, что последняя жена Андрея Боголюбского была и болгаркой, и ясыней, является недоразумением.

Последним "аргументом" в пользу тюркоязычности южнорусских ясов является фрагмент отрывка из древнерусского перевода текста "История Иудейской войны" Иосифа Флавия: "... язык же ясеки ведомо есть, яко от печенеженька рода родися ..." [Мещерский, 1958, с. 454]. Этот отрывок у Иосифа Флавия имеет такой вид: "... народ аланы есть есть скифское племия". Можно полностью согласиться с мнением В. Ф. Миллера, что "по стремлению, свойственному вообще средневековым писателям отождествлять современные им названия народов с древними, скифы здесь заменены печенегами, а аланы ясами, которые в XII в. были хорошо известны на Руси" [Миллер, 1887, т. III, с. 40—41]. Следует отметить, что для переводчика конца XII — начала XIII вв. печенеги уже были таким же легендарным народом, как и скифы. Отождествление ясов с аланами только подтверждает предположение об ираноязычности южнорусских ясов.

Приведенные факты заставляют задуматься над происхождением названий половецких городов, основу населения которых составляли ясы. Имеются различия в их написании. При описании событий 1111 г. в Ипатьевской, Первой Новгородской и Воскресенской летописях фигурирует название "Шарукань", а в Никоновской, или Патриаршей летописи — "град Рукань" [Патр. л., 1862, с. 142]. Под 1116 г. название города "Шарукань" отмечено лишь в Ипатьевской летописи. В то же время в Лаврентьевской, Троицкой, Воскресенской и Никоновской летописях под этим годом фигурирует название "Чешуев" (Чешлюев). В Лаврентьевской и Троицкой летописях под 1111 г. сохраняется старое название алано-половецкого центра — "Осенева-град". Сопоставление текстов позволяет утверждать, что в данном случае речь идет об одном половецком городе. Наименование второго половецкого "града" Сутрова неизменно во всех летописях, лишь в Никоновской летописи встречается вариант "Юсогров" [Патр. л., 1862, с. 150]. Третий город Балин известен под этим названием в Ипатьевской, Воскресенской и Никоновской летописях. Он же под названием "Галин" фигурирует в Лаврентьевской и Троицкой летописях. Несмотря на различие в написании названий половецких городов, можно с определенной долей уверенности утверждать, что в летописях речь идет только о трех поселениях, населенных ясами.

Еще в XIX в. В. Ф. Миллер связывал возникновение названия г. Сутрова с приспособленным к восточнославянским диалектам осетинским словосочетанием "Сурх-гау" — "красное село" [Миллер, 1887, т. III, с. 67]. В названии г. Шарукани Б. А. Алборов видит древнерусский вариант иранских слов "сара" и "канд", что должно означать "главный город" [Алборов, 1958, с. 112]. Название г. Балина (Галина) А. Н. Карсанов связывает с осетинскими словами "galwani", "galawæp", "galaon" — "каменная ограда", "крепостная стена", "замок", "дворец" [Карсанов, 1988, с. 68].

Тем не менее приведенные этимологии находятся в противоречии с выводами, к которым пришли В. Н. Татищев и Н. Аристов. По их мнению, название городов Шарукани (Асенева града) и Сутрова происходили от имен половецких ханов, которые этими городами владели [Татищев, 1964, т. III, с. 259; Аристов, 1877, с. 10]. Ссылаясь на приведенные примеры, можно просто опровергнуть данное предположение. Однако анализ отрывков летописей, где упоминаются имена ханов Сутра и Шарукана, позволяют по-новому подойти к решению этой проблемы.

Летопись сообщает, что в 1107 г. "Русь победи" возле г. Лубны половец и при этом перечисляются имена половецких ханов: "Оубиша же Таза, Бонякова брата, а Сутра яша и брата его, а Шарукан едва утече". Из данного отрывка вытекает, что название г. Сутрова резоннее выводить от славянского "Сутров град".

Не менее интересно имя другого половецкого хана Шарукана, который в летописи упоминается на протяжении довольно значительного промежутка времени. Это позволяет рассматривать его не как антропоним, а как родовое имя. Близкое имя Шарагас существовало в Грузии в начале новой эры. Принадлежало оно картлийскому вельможе и упоминалось в арамейской надписи с. Армази. Г. В. Цулая интерпретирует Шарагас при помощи осетинского языка как "невредимый, живой, здоровый" [Цулая, 1984, с. 192].

Возможно, что на связь Шаруканидов с ясами указывает имя хана Атрака (Отрока), который происходил именно из этого рода. Древнерусский летописец сообщает, что Владимир Мономах загнал сына Шарукана хана Атрака (Отрока) "во Обезы, за железные врата" [ПВЛ, 1846, с. 187]. В грузинских документах он известен как "Атрак сын Шарукана" или "Шараганис-дзе" (сын Шарагана). Г. В. Цулая переводит это имя с осетинского как "добрый молодец Шарукан" [Цулая, 1984, с. 201].

Неизвестно, в каком отношении к Шаруканидам находился хан Асень (Осен), который в древнерусской летописи упоминается под 1082 и 1107 гг. По мнению некоторых исследователей, имя этого половецкого хана свидетельствует о его яском происхождении [Абаев,

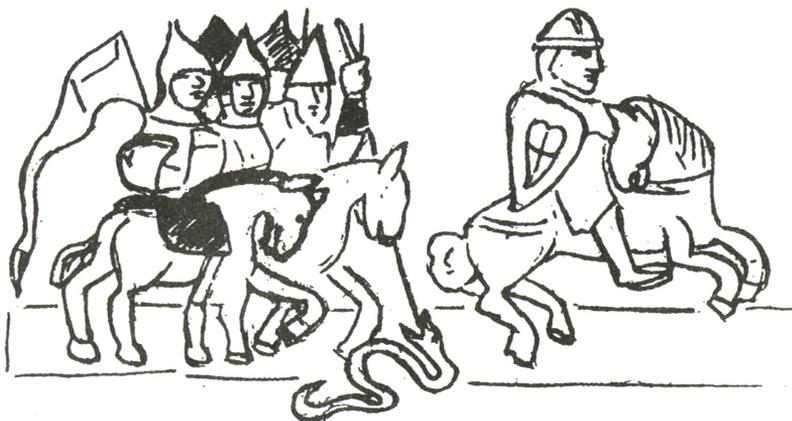

Рис. 15. Владимир Мономах и его войско во время похода 1111 г.
Миниатора Радзивилловской летописи

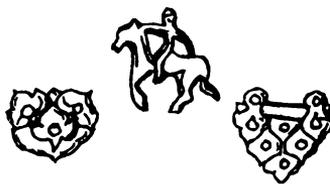
1979, с. 281]. При этом следует вспомнить предположение Н. Аристова о том, что старое название г. Шарукани "Асенев град" происходит именно от имени этого хана [Аристов, 1877, с.10]. Однако по мнению О. О. Сеницына, в названии "Асенев град" прямо чувствуется этническое имя [Сеницын, 1907, с. 75]. Представляется, что в данном случае говорить о происхождении названия города от имени хана можно с большой осторожностью.

Подытоживая сказанное, следует отметить, что приведенные этимологические исследования носят лишь гипотетический характер. Проверить их правильность весьма сложно. Объяснить упомянутые имена половецких ханов и названия городов можно не только при помощи иранистики. Противники иранского происхождения указанных антропонимов и топонимов могут привести объяснения из других языков. Так, О. И. Прицак считает, что слово "Шарукан" имеет не иранское или тюркское, а монгольское происхождение. По его мнению, в состав половецкого этнополитического объединения, кроме кипчаков и аланов, входили и протомонголы, которые занимали среди донецких половцев довольно влиятельное положение. Поэтому имя династии половецких ханов "Шарукан" логичней перевести с монгольского как "дракон" [Pritsak, 1982, р. 335]. Подобного мнения придерживается и И. Г. Добродомов, который, однако, выводит данное родовое наименование от болгарско-чувашского названия для змея [Доб-

родомов, 1982, с. 81—83]. В связи с этим становится понятным почему древнерусский летописец назвал город Шарукань Чешуевым. Ведь это название представляло собой перевод родового имени половецких ханов. Вполне возможно, что напоминание о г. Чешуеве сохранилось в названии современного г. Змиева. Наверное не случайно на миниатюре Радзивилловской летописи, посвященной походу Владимира Мономаха в 1111 г. против половцев, изображен поверженный на земь Змей (рис. 15).

Однако имеется один весомый аргумент в пользу иранского происхождения восточноевропейских ясов. Речь идет об именах ясов, которые упоминаются в летописях на Руси после событий 1116 г. Возможно, что это были потомки тех восточноевропейских аланов, которые переселились на Русь в XII в. Из летописей мы знаем, что ключником Андрея Боголюбского был Амбал Ясин, имя которого в разных летописях имеет два варианта: Анбал и Амбал. Еще В. Ф. Миллер перевел это слово с осетинского как "товарищ" [Миллер, 1887, т. III, с. 68]. При этом форма "Амбал" соответствует нормам иронского диалекта, а "Анбал" — дигорского. Характерно, что это же имя, причем в двух формах "Анбал" и "Амбал", было зафиксировано И. Г. Добродомовым среди эпитафий XIV в. на территории Волжской Булгарии [Добродомов, 1993, с. 130—150]. В контексте алано-буртаской проблемы данная информация вызывает особый интерес, ибо свидетельствует в пользу того, что в Восточной Европе аланы могли быть расселены не только в степях Подонья, но и на Средней Волге по соседству с булгарами.

Таким образом, имеются основания связывать происхождение восточноевропейских ясов X — начала XIII вв. с ираноязычным населением предшествовавшей хазарской эпохи. В X — начале XIII вв. ясы южнорусских степей входили в состав печенежского и половецкого политических объединений и поэтому нет ничего удивительного, что в древнерусских летописях они были сокрыты под покровом имен печенегов и половцев. Только в 1116 г. летописец один раз проговорился, назвав население Шарукани, Сугрова и Балина ясами.

Г л а в а Ш

АЛАНЫ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЬЯ И ИХ ОТНОШЕНИЕ К ЯСАМ ЮЖНОРУССКИХ СТЕПЕЙ (VIII—X вв.)

Говоря о происхождении ясов южнорусских степей, не следует забывать, что в непосредственной близости от степной зоны в VIII—X вв. на территории лесостепного Подонья существовал значительный массив населения, находившегося в генетической связи с аланами Северного Кавказа. Однако предстоит выяснить, могли ли аланы лесостепи в послехазарский период переселиться в южнорусские степи и принять непосредственное участие в этногенезе степных аланов-ясов. Не ясно также при этом, на каком языке могли разговаривать обитатели Верхнего Салтова и Маяцкого городища во времена, предшествовавшие падению Хазарского каганата.

Ряд исследователей считают, что аланское население лесостепного Подонья в это время перешло на один из языков тюркской группы, ибо, по их мнению, основу населения Хазарского каганата составляли тюркоязычные этносы. В качестве основного аргумента они приводят надписи на стенах Маяцкого замка, которые якобы были выполнены на одном из тюркских языков. Неубедительны в этом отношении выводы А. М. Щербака, который, опираясь на мнение М. И. Артамонова о хазарской принадлежности салтовской культуры [Артамонов, 1962, с. 313], принял первоначально маяцкие надписи за хазарские. Несколько позже его мнение изменилось — он стал считать, что рунические надписи на стенах Маяцкого городища были выполнены на печенежском языке [Щербак, 1954, с. 262—282; 1959, с. 386—388].

Совершенно иного мнения по этому поводу придерживается Г. Ф. Турчанинов. Он не согласен с выводами А. М. Щербака о том, что "надписи на камнях Маяцкого городища являются фрагментами значительных по своим размерам текстов" [Турчанинов, 1964, с. 76]. Г. Ф. Турчанинов привлек для сравнения танаисские надписи, выполненные греческим письмом, и пришел к выводу, что маяцкие надписи

могли быть средневековыми аланскими, ретроспективно — сарматскими [Турчанинов, 1964, с. 72—86].

Если А. М. Щербак видит в маяцком письме продолжение письма тюрков, возникшего "где-то в районе Таласа в результате заимствования или преобразования какого-то другого алфавита", то Г. Ф. Турчанинов считает, что данный вид письма связан с "арамейским, а в дальнейшем частично с древними и квадратными еврейскими письменами достаточно старых форм" [Щербак, 1959, с. 398; Турчанинов, 1964, с. 77]. Такие диаметрально противоположные выводы говорят лишь в пользу того, что данная проблема еще далека от разрешения. Причина этого — отсутствие билингвы и фрагментарность надписей. Но даже если в будущем удастся доказать, что надписи выполнены на одном из тюркских языков, то это ни в коей мере не будет означать, что жители лесостепного Подонья в эпоху хазар подверглись тотальной тюркизации. Данный вид письма мог носить лишь официальный характер. Не исключено, что в таком полиэтничном государственном образовании, как Хазарский каганат, представители знати различных этнокультурных общностей использовали единую систему письма — восточноевропейскую рунику на неизвестном языке [Афанасьев, 1991, с. 3—4].

Доказательством того, что среди обитателей лесостепного Подонья имел распространение язык иранской группы могут служить гидронимы "Потудань", "Хворостань" и "Созон". По мнению И. Г. Добродомова, во второй части названия правого притока Дона — "Потудань" отчетливо узнается осетинское "дан", а в первой — "фугаг" — "лебедь", что в конечном итоге позволяет объяснить данное наименование как "лебединая река" [Добродомов, 1992, с. 112—114]. Подобным же образом объясняет И. Г. Добродомов и название левого притока Оскола — "Хворостань". По мнению исследователя, название реки первоначально имело вид "фэросагдон", что означает "боковая река, приток"¹.

Позднеиранским является и название реки Созон. Оно впервые фигурирует в одном из документов 1637 г. А в "Книге Большому Чертежу" речь идет о целом "пучке" Созонов в бассейне Оскола, выше его левого притока Валуя: "Пали в Оскол 12 речек одним прозвищем — все Созоны" [КБЧ, 1950, с. 60]. По мнению И. В. Муромцева и Е. С. Отина, название "Созон" следует рассматривать как видоизмененное осетинское "сæдзæн" — "болотистый", что хорошо согласуется с данными археологии. Ибо "данный район междуречья Дона и Северского Донца, среднее и нижнее течение р. Оскола и бассейн Тихой Сосны изобилуют памятниками салтовской культуры, этническая при-

¹ Выражаю благодарность И. Г. Добродомову за предоставленную информацию.

надлежность которой рядом исследователей определяется как алано-тюркская (алано-булгарская)" [Муромцев, 1966, с. 48; Отин, 1977, с. 129, 132, 138; Отин, 1979, с. 143—145].

В качестве второго аргумента сторонники идеи тюркизации аланов лесостепного Подонья приводят ямные погребения, которые встречаются на территории некоторых катакомбных могильников [Плетнева, 1967, с. 71—103; 1972, с. 108—118; 1979, с. 80; 1984а, с. 73; Флеров, 1990, с. 140—170; Афанасьев, 1979, с. 49; Николаенко, 1977, с. 63—64]. Н. Я. Мерперт, анализируя вещевой комплекс из грунтового погребения, обнаруженного С. А. Семеновым-Зусером в Верхнем Салтове, где был найден дирхем Махди, отчеканенный в 778 г., доказал, что ямные погребения Верхнего Салтова одновременны катакомбным захоронениям. Данный автор, опираясь на предположение И. И. Ляпушкина о булгарской принадлежности грунтовых захоронений салтовской культуры, высказался в пользу булгарской принадлежности ямных погребений Верхнесалтовского могильника [Ляпушкин, 1958а, с. 147; Мерперт, 1957, с. 33—36]. Исследовавший в конце 50-х — начале 60-х годов Верхнесалтовский комплекс Д. Т. Березовец также поддержал версию о полиэтничности обитателей Верхнего Салтова. В иноэтничном элементе он видел булгар, проникавших в Верхний Салтов с противоположного берега Северского Донца [Березовец, 1962, с. 22; Березовец 1975, с. 421—435].

Совсем иного мнения по этому поводу придерживается Г. Е. Афанасьев. Им отмечена традиция существования разнотипных погребальных сооружений на аланских могильниках Кавказа. Некоторые из этих могильников, на которых среди катакомб были зафиксированы ямные погребения, относятся к первым векам нашей эры [Афанасьев, 1987, с. 147—149]. Это говорит в пользу того, что ямные захоронения уже существовали на территории катакомбных могильников за несколько столетий до того времени, когда в степях Восточной Европы появились первые булгарские переселенцы. Объяснить данный факт можно лишь исходя из идеологии и уровня социального развития аланского общества. Анализ 30 ямных погребений, обнаруженных в Верхнем Салтове, показывает, что данный тип захоронений нельзя связывать с булгарами. Погребения в длинных узких ямах Нетайловского грунтового могильника, расположенного по соседству с Верхним Салтовым, на противоположном, левом берегу Северского Донца, совершенно не идентичны захоронениям из Верхнего Салтова, которые совершались в небольших прямоугольных ямах, имевших в ряде случаев вдоль одной из длинных стенок подбой (рис. 16, 7—14). Инвентарь ямных погребений Верхнего Салтова (рис. 16, 1—6) не похож на находки из Нетайловского могильника [Пархоменко, 1983, с. 75—88]. Другой характерной особенностью Верхнего Салтова является наличие

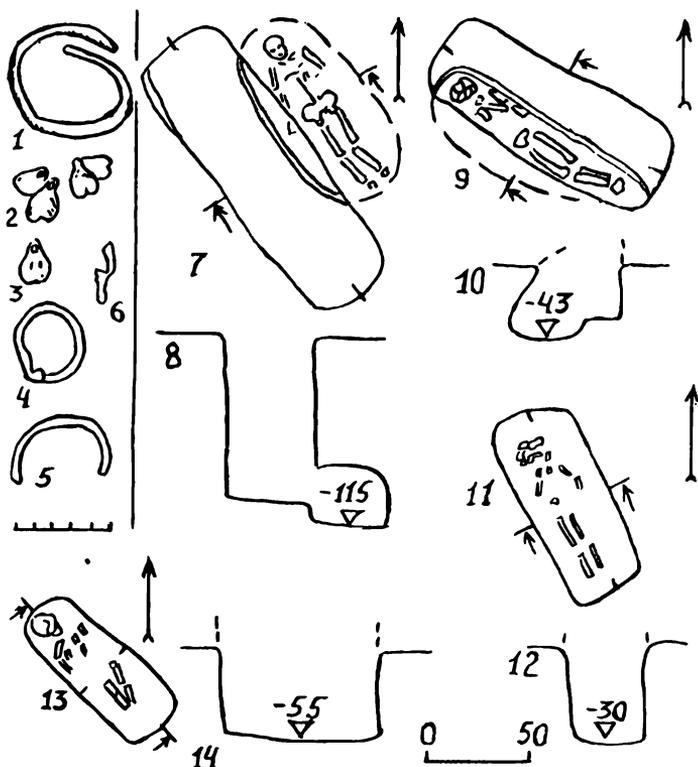

Рис. 16. Ямные погребения Верхнесалтовского могильника и вещи из них:
 пог. №3: 1 — бронзовый браслет; 2 — бубенцы; пог. №7:
 3 — бронзовый бубенец; 4 — серебряный браслет; пог. № 10:
 5 — бронзовый браслет; 6 — серебряная сережка; 7, 8 —
 погребение №10 (1986 г.); 9, 10 — погребение №4 (1986 г.);
 11, 12 — погребение №5 (1986 г.); 13, 14 — погребение №6
 (1986 г.)

в могильных ямах исключительно детских захоронений. Антропологические исследования костных остатков из ямных погребений Верхнего Салтова показывают, что данные захоронения принадлежали только детям (табл. IV). Признаков того, что дети и взрослые относятся к различным антропологическим типам, нет [20, с. 3]. В Верхнем Салтове, как и на Дмитриевском катакомбном могильнике, детские по-

гребения обнаружены не только в грунтовых ямах, но и в дромосе или в самой катакомбе (очень часто вместе со взрослыми). В результате анализа детских погребений в грунтовых ямах из Верхнего Салтова было установлено, что почти все они являются одиночными. Преобладает вытянутое положение погребенных на спине, 60 процентов из них имеют северо-западную ориентировку (в ряде случаев — с незначительными отклонениями). Редкий инвентарь, обнаруженный в ямных погребениях (рис. 16, 1—6) имеет аналогии среди находок из катакомб [1, с. 27; 2, с. 15—16; 3, с. 36—38; 4, с. 42—45; 5, с. 41—43; 6, с. 11—12; 7, с. 22—23].

Как отмечалось выше, в одном из грунтовых погребений был найден арабский дирхем, датированный 778 г. А в другом ямном захоронении найдена серебряная монета, отчеканенная наместником Табаристана Омаром в 129 г. Табаристанской эры, что соответствует 780 г. н. э. [Семенов-Зусер, 1949, с. 120—123; 5, с. 43]. На сегодняшний день для датировки салтовских погребений наиболее достоверным является нумизматический материал. И поэтому резонно предположить, что участки могильника, где были найдены ямные погребения, относятся к VIII—IX вв. Участки же, где были обнаружены детские захоронения в семейных склепах-катакомбах, датируются IX — началом X вв. В данном случае возможно изменение погребального обряда с течением времени.

Возможно, что наиболее ранними являлись отдельные детские погребения. Захоронения же детей в катакомбах вместе со взрослыми относятся к более позднему времени. Характерно, что на могильнике в Верхнем Салтове иногда встречаются отдельные катакомбы исключительно с детскими захоронениями. Погребения в этих небольших катакомбах бывают как одиночные, так и групповые. Промежуточное положение между отдельными могилами детей и детскими погребениями в семейном склепе занимают захоронения в дромосе.

Выше было отмечено наличие грунтовых погребений на территории других катакомбных могильников лесостепного Подонья. Следует отметить, что ямные захоронения Маяцкого и Ютановского могильников аналогичны Верхнесалтовским. Они представлены преимущественно детскими погребениями в прямоугольных ямах. На Маяцком могильнике имеются также и подбойные захоронения. Детей здесь хоронили не только в грунтовых ямах, но и в отдельных небольших катакомбах [Плетнева и др., 1979, с. 80; Флеров, 1984, с. 142—199].

На Дмитриевском и Нижнелубянском катакомбных могильниках ямные и подбойные захоронения представлены преимущественно погребениями взрослых. За период исследований Дмитриевского могильника было обнаружено 9 ямных захоронений и 3 погребения в подбоях. Характерно, что ямные и подбойные захоронения находи-

лись на окраинах родовых участков. Доказано, что у аланов в VIII—X вв. существовали участки, где хоронили родственников, членов одной большой патриархальной семьи. Погребенные на окраинах родовых участков в грунтовых ямах и подбоях, по мнению С. А. Плетневой, не являлись "полноправными членами общества". Об этом свидетельствует и бедность инвентаря в грунтовых могилах. По-видимому, данные погребения можно считать погребениями слуг или рабов [Николаенко, 1977, с. 63—64; Плетнева, 1967, с. 71—103; 1972, с. 110; 1989, с. 211, 214, 265—266].

Аналогичную ситуацию мы наблюдаем и при анализе детских погребений в Верхнем Салтове. Здесь также погребения детей в грунтовых ямах и в отдельных небольших катакомбах располагались по краям родовых участков. Отдельные детские захоронения по краям родовых участков свидетельствуют, что дети и подростки у аланов не являлись полноправными членами общества. Они не могли быть погребенными в семейном склепе вместе со взрослыми.

Как уже отмечалось, ямные погребения встречаются и на территории катакомбных могильников Северного Кавказа. Они обнаружены на более позднем Змейском могильнике [Фидиров, 1983, с. 136; Кузнецов, 1959, с. 93—94], на могильнике IV—VI вв. у "Острого мыса" вблизи г. Кисловодска [Афанасьев, 1987, с. 149]. Присутствие грунтовых захоронений отмечено на более ранних Клинь-Ярском и Подкумском катакомбных могильниках, датированных соответственно II—IV вв. [Виноградов, 1969, с. 118—120; Абрамова, 1974, с. 91—92; 1983, с. 60—69]. Мы видим, что данная традиция значительно опережает появление булгар на исторической арене. Остается связать данный тип погребений с проникновением кавказского элемента в среду аланов или его следует рассматривать как проявление древней иранской традиции на новой кавказской почве.

На Клинь-Ярском могильнике захоронения были в неглубоких ямах овальной формы. Здесь уместно вспомнить, что погребения в Верхнем Салтове совершались в грунтовых прямоугольных ямах. Овальные очертания были присущи лишь некоторым погребальным сооружениям Верхнего Салтова, имеющим подбой вдоль одной из длинных стенок. Наличие грунтовых ямных погребений на Клинь-Ярском могильнике, "можно считать результатом исконно местных погребальных традиций". Характерно, что в грунтовых ямах этого могильника встречаются преимущественно погребения взрослых [Виноградов, Рунич, 1969, с. 118].

Для нас особый интерес представляет исследованный М. П. Абрамовой Подкумский катакомбный могильник, который датирован I—III вв. Исследователь данного памятника выделяет два хронологических периода в истории могильника: первый — I — началом II вв. и

второй — II—III вв. Могильник относится к сарматской эпохе, что помогает решить ряд вопросов, связанных с этногенезом кавказских аланов. На территории могильника обнаружено 40 катакомб и 7 грунтовых могил, которые четко вписываются в предложенную М. П. Абрамовой хронологическую классификацию. Грунтовые захоронения присутствуют в обоих выделенных хронологических периодах. Катакомбы и грунтовые ямные погребения оставлены одной и той же группой населения. Для ямных погребений характерно прежде всего то, что они содержали обычно захоронения детей и подростков [Абрамова, 1974, с. 91—92; 1983, с. 60—69].

Отголоски данной традиции прослеживаются в погребальных обычаях осетин. У осетин отец не имел права оплакивать своего сына, а мать — малолетних детей. Умерших от оспы детей не оплакивали, "побаиваясь гнева Аларды — покровителя оспы, их даже хоронили отдельно" [Калоев, 1984, с. 74]. Известно также, что детям до трех лет не разрешалось посещать кладбища. Более того, умерших до трехлетнего возраста мальчиков по обычаю осетин не полагалось хоронить на кладбищах. Их хоронили на окраине возделываемого поля или в углу приусадебного огорода [Чочиев, 1985, с. 59]. Характерно, что в Верхнем Салтове часть грунтовых захоронений была представлена именно погребениями детей в возрасте от одного до трех лет (табл. IV). Объяснение данных обычаев необходимо искать в идеологии родового строя, игравшей на протяжении долгого времени огромную роль в семейном быту не только осетин, но и всех народов Кавказа.

Известно, что у аланов в раннем средневековье существовала большесемейная община, то есть большая патриархальная семья, которая подвергалась распаду. Это проявилось впоследствии в обособленности малых семей [Афанасьев, 1984а, с. 66—82]. У осетин, прямых потомков кавказских аланов, вплоть до недавнего времени продолжала существовать большая патриархальная семья [Магомедов, 1962, с. 3]. Между родителями и детьми сохранились отношения, подчиненные определенным правилам внутрисемейного этикета. Согласно обычаям осетин и других кавказских народов, отец никогда не проявит родственных чувств к своим детям. Для отца считалось предосудительным держать своего ребенка на руках. Боязнь быть заподозренным в неумении скрывать своей любви к детям доходила до того, что многие отцы не произносили никогда их имен. Даже к взрослым сыновьям отец был строг. Ласкать же детей своих ближайших родственников считалось допустимым и даже похвальным. Это однако не говорит о том, что у народов Кавказа между родителями и детьми не устанавливались близкие взаимоотношения. Перед нами пережиток эпохи, когда семья как самостоятельная единица была покрыта еще родовым началом и понятие "мое" уступало понятию "наше". Это отголо-

сок тех времен, когда у аланов дети семьи, доходившей до нескольких десятков человек, считались общеродовыми. Естественно, в этих условиях считалось неприемлемым, чтобы отец и мать выделяли своего ребенка среди других детей [Гаглойти, 1974, с. 42—43; Магометов, 1962, с. 14—15; 1968, с. 332]. У осетин, как и у аланов, существовали родовые участки, где продолжали хоронить членов общины [Магометов, 1968, с. 378]. Преемственность традиций осетин от аланов несомненна. Исходя из этого, отдельное захоронение ребенка в грунтовой яме или небольшой яме на родовом кладбище аланов должно было подчеркнуть, что ребенок принадлежит не отдельной семье, а целому роду. Погребения в дромосах катакомб могли символизировать этап постепенного перехода от большой патриархальной семьи к малой семье. Захоронения же детей в катакомбах вместе со взрослыми означали, что этот процесс уже завершен.

Очевидно, у аланов юноша или девушка становились полноправными членами большой патриархальной семьи лишь при прохождении обряда инициации. Они переставали быть собственностью рода и получали право быть погребенными в семейном склепе, а не в грунтовой яме или небольшой катакомбе по краям родового участка. Существование традиции инициаций у аланов не вызывает сомнения. В связи с этим особый интерес представляет анализ поясов, которые носили аланские воины. Пояс для аланов являлся знаком воинской доблести и с течением времени заменялся другим с большим количеством бляшек, что свидетельствовало о заслугах воина. Естественно, что юношу при посвящении в воины могли просто опоясать ремнем с пряжкой, но без поясных бляшек [Макарова, Плетнева 1983, с. 62—77]. В данной традиции мы видим отражение обряда посвящения у скифов, который описал Геродот. Из описания Геродота мы знаем, что Геракл, покидая земли будущей Скифии, в качестве одного из испытаний для своих сыновей наказал им опоясаться его поясом [Геродот, IV, 9—10]. Неудивительно, что аланы могли сохранить этот древний обычай, ибо они имели общие со скифами иранские корни. О существовании традиции инициации у аланов свидетельствует также нартовский эпос. Так, в цикле о Батразе речь идет о соревнованиях будущих воинов в стрельбе из лука. А в цикле, посвященном Сослану, говорится об испытаниях, через которые прошел в молодые годы Сослан. Он должен был поднять наковальню, выдержать экзамен в искусстве танца, борьбы и т. д. Только после этого он получил коня и меч [Нарты, 1957, с. 191; Нартский эпос, 1957, с. 75].

Интересно, что к подобным выводам пришел и В. А. Кузнецов, которому удалось выявить на Змейском могильнике среди катакомб 10 грунтовых погребений. Одна их часть была представлена захоронениями взрослых без инвентаря, а другая - детскими погребениями с

инвентарем, который позволяет относить их к тому же времени, что и катакомбы, т. е. к XI—XII вв. Автор раскопок В. А. Кузнецов, считает, что погребенные не по аланскому обряду, вне семейно-родовых усыпальниц (катакомб) и без инвентаря не могли быть полноправными членами аланского общества. Грунтовые же погребения детей, по его мнению, свидетельствуют о том, что какие-то обстоятельства иногда не допускали захоронений детей вместе со взрослыми в катакомбах. Исследователь приводит этнографические данные о том, что в Сванетии права захоронения на родовой земле лишались незаконнорожденные дети, как не принадлежащие к данному роду [Кузнецов, Милорадович, 1961, с. 93—94].

К этому следует добавить, что традиции обособления подростков и детей, столь типичные для ираноязычных народов, хорошо прослеживаются на примере курганного могильника скифской эпохи Сагла-Бажи II в Туве. Здесь под насыпью одного из курганов был исследован семейный некрополь, представленный разнотипными погребальными сооружениями. В "глубоких" камерах-срубах были захоронены люди старшего возраста, а в "мелких" — более молодые. На особых местах, в ногах у взрослых погребены дети в возрасте от 1 года до 7—8 лет. В ряде случаев на "взрослых" местах были захоронены подростки в возрасте 9—10 лет. Инвентарь, обнаруженный в этих погребениях, отражает некоторое их обособление от взрослых [Грач, 1980, с. 58]. Отголоски данной возрастной градации до сих пор прослеживаются в осетинском обществе. Как отметил А. Р. Чочиев, в возрасте до трех лет мальчики у осетин не относились к разряду мужчин. Лишь только прохождение обряда "цауагга" снимало с мальчиков скверну младенчества. Именно с трех лет и по девятый год включительно имел место первый уровень самостоятельности. Второй уровень начинался на десятом году жизни и заканчивался шестнадцатым включительно. Третий уровень охватывал период с семнадцати до двадцати трех лет. Завершался весь цикл подготовки взрослого воина в возрасте тридцати лет. Именно на данном этапе молодой человек, пройдя все испытания, занимал почетное место в обществе [Чочиев, 1985, с. 59—78].

Отмеченная погребальная традиция еще долгое время продолжала существовать у узбеков левобережного Хорезма, которые являются прямыми потомками ираноязычных обитателей Средней Азии. Они погребали умерших в надземных семейных склепах, аналогичных погребальным сооружениям осетин и ингушей. Вполне возможно, что эти семейные усыпальницы произошли от аланских катакомб [Калоев, 1967а, с. 110]. Детей там хоронили на перекрытии надмогильного сооружения, отдельно от взрослых. Одна-

ко при этом придерживались правила, согласно которому потомки должны были находиться недалеко от предков [Снесарев, 1960, с. 60—71].

До конца не ясно, почему аланы использовали для захоронения своих детей разнотипные погребальные сооружения: грунтовые ямы, ямы с подбоями и небольшие катакомбы. Для Верхнего Салтова характерно сохранение отдельными родами определенных традиций при сооружении детских могил. Грунтовые ямы и небольшие детские катакомбы никогда не встречаются на одном и том же родовом участке. Могилы с подбоями вдоль одной из длинных стенок на Верхнесалтовском и Дмитриевском могильниках имеют сходство с погребальными сооружениями поздних сарматов. Они продолжали существовать в эпоху раннего средневековья на Северо-Восточном Кавказе и на Нижней Волге [Магомедов, 1983, с. 62—63; Максимов, 1956, с. 65—89; Мерперт, 1951, с. 14—30; Плетнева, 1982, с. 24; Сеницын, 1960, с. 165]. Погребения же в простых грунтовых ямах получили распространение на Северо-Восточном Кавказе в первые века нашей эры. Захоронения там совершались в ямах прямоугольной формы, сопровождалась инвентарем, который позволяет считать их сарматскими [Виноградов, 1968, с. 71—86]. Широко известно, что в формировании аланского этноса на Северном Кавказе принимали участие как местные кавказские, так и пришлые, иранские племена [Виноградов, 1967, с. 177—185; Крупнов, 1967, с. 22—41]. Среди пришельцев были не только собственно аланы, но и другие сарматские этносы, в среде которых получили распространение традиции погребать умерших в простых грунтовых ямах или в подбоях. Этим-то и можно объяснить существование на аланских могильниках разнотипных погребальных сооружений.

Таким образом, говорить о полиэтничности обитателей Верхнего Салтова не приходится. Возрастная стратиграфия Верхнесалтовского могильника доказывает, что ямные погребения, как и катакомбы, были оставлены аланами. Налицо факт трансформации древних иранских традиций, имевших место внутри аланской общности. Исходя из этого мы видим, что конструкция погребальных сооружений не всегда является основным этномаркирующим признаком. Показательны в этом отношении погребения в грунтовых ямах на других могильниках салтовской культуры в бассейне Северского Донца.

Особое место среди памятников салтовской культуры занимает Нетайловский грунтовой могильник, находящийся на противоположном от Верхнего Салтова левом берегу Северского Донца. Первые исследователи этого памятника Д. Т. Березовец и О. В. Ичен-

ская отметили отличие Нетайловского некрополя от других грунтовых могильников салтовской культуры. Погребения в Нетайловке совершались в глубоких (2,2—2,4 м, а иногда и 3 м), узких и длинных (в среднем 0,9 x 2,2 м) ямах, напоминающих дромосы аланских катакомб. В этих могилах редко встречаются кости человека, расположенные в анатомическом порядке. Иногда вместе с человеком погребался конь (рис. 17). Инвентарь Нетайловского могильника идентичен находкам из других памятников салтовской культуры. Анализ погребального обряда Нетайловского могильника показывает, что у местного населения, как и у обитателей Верхнего Салтова, получил распространение обычай разрушения костяков. Это было вызвано страхом перед злой силой, воплощенной в покойнике. Об этом же свидетельствуют перекрещенные и связанные в голенях ноги умершего, что находит аналогии на Верхнесалтовском и Дмитриевском катакомбных могильниках [Березовец, 1962, с. 22; Березовец, 1975, с. 421—435; Пархоменко, 1983, с. 75—88; Иченская, 1981, с. 80—95].

Сочетание на данном памятнике черт, присущих погребальному обряду как булгар, так и аланов, вызвало в среде исследователей различные мнения относительно этнической принадлежности данного могильника. Погребения в грунтовых ямах и присутствие на могильнике конских захоронений явились тем аргументом, который заставил Д. Т. Березовца, О. В. Иченскую (Пархоменко) и С. А. Плетневу считать данный памятник булгарским [Березовец, 1975, с. 429; Пархоменко, 1983, с. 89; Плетнева, 1967, с. 95]. Особенности погребального обряда и долихокранный тип погребенных позволили Г. П. Зиневич и Г. Е. Афанасьеву считать население, оставившее Нетайловский могильник, генетически связанным с носителями катакомбного обряда погребения. В данном случае ставится под сомнение версия о булгарской принадлежности могильника [Афанасьев, 1987, с. 150; Зиневич, 1967, с. 152].

На примере Нетайловского могильника также отчетливо видно, что на основе анализа особенностей конструкции погребального сооружения нельзя делать выводы об этнической принадлежности населения, оставившего после себя археологический памятник. Установить на основе археологического материала язык обитателей Нетайловского поселения не представляется возможным. Тем не менее у нас есть основания говорить о миграции носителей катакомбного обряда погребения с правого на левый берег Северского Донца. Это, в конечном итоге, могло выразиться в присутствии на Нетайловском могильнике краниологических серий верхнесалтовского типа. Разрушенные и связанные костяки могут свидетельствовать в пользу того, что идеология населения левобережья находилась под сильным воздействием аланов.

Рис. 17. Погребения Нетайловского могильника (по Д. Т. Березовцу)

В связи с вышеизложенным возникает естественный вопрос: под каким именем в хазарскую эпоху в письменных источниках фигурировали жители Подонья и близлежащих территорий? С. А. Плетнева по этому поводу писала: "Богатый, развитый и воинственный народ как будто совершенно не участвовал в общеевропейской жизни. Это наводит на мысль, что имя аланов скрыто в источниках под каким-то другим общим названием" [Плетнева, 1967, с. 186]. Исследователями неоднократно предпринимались попытки решить данную проблему. Первооткрыватель салтовской культуры В. А. Бабенко видел в ее носителях хазар [Бабенко, 1914]. М. И. Артамонов аланов Подонья рассматривал как асиев Кембриджского документа X в. [Артамонов, 1962, с. 356—358]. Д. Т. Березовец связывал с жителями Подонья русов [Березовец, 1970].

Авторы данных гипотез не учли тот факт, что население лесостепного Подонья в основной массе происходило с Северного Кавказа и являлось по этнической принадлежности аланским. Вполне логично, что имя салтовских аланов могло иметь распространение не только в Подонье, но и в Предкавказье. Не исключена возможность его объяснения на основе данных осетинского языкознания. В данном случае могло бы подойти имя "асиев", упоминаемых в Кембриджском анониме. Тем более, что потомки салтовского населения известны в Подонье под именем ясов. Однако не ясно, о каких асах идет речь: о северокавказских или восточноевропейских. В связи с этим нельзя пренебрегать мнением П. К. Коковцова о том, что под именем "асиев" могли быть сокрыты узы-гузы [Коковцов, 1932, с. 111—123].

На фоне вышеизложенного особый интерес представляет этническое наименование "буртас", которое хорошо этимологизируется на иранской почве. Во второй части слова можно видеть старый иранский этноним "ас", что значит "алан" или "яс". Ряд исследователей обращают внимание на две разновидности написания термина "буртас": ф-рдас, ф-ртас. Т. Левицкий и Г. Е. Афанасьев видят в первой части слова осетинское *furt, furt* — "сын" и соответственно переводят "фуртас" как "потомки асов" или "сыны аские" [Lewicki, 1965, s. 1—14; Афанасьев, 1984б, с. 39]. О. И. Прицак и И. Г. Добродомов соотносят первую часть слова с осетинским *furd, ford* — "большая река" и переводят "фурдас" как "речные асы" [Pritsak, 1978, p. 264; Добродомов, 1980а, с. 40]. В. А. Бушаков предлагает рассматривать данный этноним как видоизмененное осетинское словосочетание "фардæг ас", что должно означать "отделившиеся асы" [Бушаков, 1995, с. 38—40]. В связи с этим вспоминается замечание восточных авторов о языке буртасов: "... язык булгар походит на язык хазар, у буртасов — другой язык, равно как язык русов — не язык хазар и буртасов" [Захoder, 1962, т. I, с. 239]. Булгарский и хазарский языки являлись тюркскими, и они, ес-

тественно, не могли походить на славянский или скандинавский язык русов или на загадочный язык буртасов. Исходя из этого, в буртасах мы можем видеть прежде всего носителей одного из финно-угорских или иранских языков.

У сторонников аланского происхождения буртасов найдется немало противников. Данные письменных источников, где буртасы локализируются по соседству с Волжской Булгарией, заставили некоторых исследователей думать, что буртасы — это мордва-мокша. Другие видели в буртасах тюркский народ, ссылаясь при этом на сообщения Масуди, Ибн Хусейна и на данные русских ясачных книг XVII в. Наибольшее число приверженцев в последнее время нашло мнение, согласно которому буртасы представляли собой группу угорских племен, заброшенную волею судьбы на Среднюю Волгу и Северный Кавказ. Версия же о северокавказском происхождении буртасов перекликается с предположением о том, что буртасы — это аланы, носители лесостепного варианта салтовской культуры, которые являлись выходцами из прикавказских степей. Характерно, что все исследователи в своих логических построениях опирались на данные письменных источников и были в чем-то правы. Однако не все, кто занимался буртасской проблемой, подошли критически к такому вопросу, как время написания источников. Как справедливо заметил Б. Н. Заходер, уже в X в. "союз племен, именуемый буртасами, не существовал более" [Заходер, 1962, т. I, с. 243—244]. Поэтому наибольшего доверия заслуживают сведения авторов IX—X вв. Жившие позже информаторы пользовались фиксированным, но мертвым материалом своих предшественников, добавляя при этом новые сведения о буртасах, условия жизни которых к этому времени уже значительно изменились. М. Р. Полесских и Г. Е. Афанасьев предложили различать в истории буртасов два периода: ранний — VIII—X вв. и поздний — XI—XIII вв. [Полесских, 1971, с. 215—216; Афанасьев, 1984б, с. 32].

Гипотеза о буртасах как об аланах, носителях лесостепного варианта салтовской культуры, требует подтверждения со стороны письменных источников. Насколько сложен вопрос о локализации буртасов, свидетельствует тот факт, что Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков, используя данные письменных источников, выделили только для локализации буртасов в Среднем Поволжье 64 возможных варианта [Калинин, Халиков, 1954, с. 44—63].

В связи с этим особого внимания заслуживает мнение Г. Е. Афанасьева, который опираясь на сообщения Джейхани, Ибн Русте и их более поздних компиляторов Бакри, Марвази, Идриси и Гардизи [Хвольсон, 1869, с. 19; Minorsky, 1958, р. 33; Заходер, 1962, т. I, с. 233; Бейлис, 1984, с. 217; Бартольд, 1897, с. 121], увидел в местах обитания буртасов земли лесостепного Подонья, где, как известно, обитали ала-

ны [Афанасьев, 1984б, с. 32—34]. Кроме того, информация Масуди о протоке, соединяющем Итиль с Русским морем [Минорский, 1963, с. 196—197] позволила исследователю соотнести реку Буртас, упоминаемую восточными авторами, с современным Доном [Афанасьев, 1984, с. 33]. С версией Г. Е. Афанасьева об аланском происхождении буртасов перекликаются сведения арабо-персидских информаторов, которые позволяют локализовать буртасов также вблизи Северного Кавказа, откуда аланы переселились в Подонье.

Этнографические сведения о буртасах не отличаются определенностью. Их можно соотнести как с аланами Подонья, так и с другими народами Восточной Европы. Как уже было отмечено исследователями, известия, оставленные Ибн Хусейном, Бакри, Масуди, Ибн Русте, Химйари, Мирхондом и другими средневековыми авторами [Захочер, 1962, т. I, с. 233, 241; Минорский, 1963, с. 196; Хвольсон, 1869, с. 21; Левицкий, 1960, с. 135; Вейсберг, 1908, с. 403], позволяют видеть в буртасах обитателей лесостепной и лесной зон, которые в прошлом могли быть кочевниками.

Однако информация иного порядка может служить доказательством в пользу отождествления буртасов с аланами. Одним из этих аргументов является сообщение Гардизи о вооружении буртасов: "Буртасы не носят панциря и кольчуги, их оружием являются два дротика, топор и лук" [Хвольсон, 1869, с. 19—21]. Как справедливо отметил Г. Е. Афанасьев, в период раннего средневековья боевой топор имел распространение на территории Хазарского каганата именно благодаря широкому расселению аланов, выходцев с Северного Кавказа. Показательны в этом отношении катакомбные захоронения аланов лесостепного Подонья, где часто находят боевые топоры [Афанасьев, 1985, с. 168]. В связи с этим хочется обратить внимание на наблюдение А. В. Крыганова, который отметил почти полное отсутствие этого вида вооружения у савроматов и сарматов предшествовавшей эпохи. Вполне можно согласиться с его предположением, что боевые топоры аланы в I тыс. могли заимствовать на Северном Кавказе от местного населения, ибо данная традиция существовала там еще со времен канбанской культуры [Крыганов, 1993, с. 56].

Замечание Ибн Русте, Бакри и Гардизи о том, что главное богатство буртасов составляет мед и вино у них из меда [Хвольсон, 1869, с. 21; Бартольд, 1897, с. 62; Куник, Розен, 1878, с. 121], не противоречит информации об аланах. У предков осетин хмельной напиток из меда был известен под названием "ронг". Упоминание о ронге встречается только в осетинской национальной версии нартовского эпоса. Исчезновение ронга у аланов относится к послемонгольскому периоду, что явилось следствием упадка у них пчеловодства [Калоев, 1967в, с. 113; Дюмезиль, 1990, с. 182—186].

Еще в начале X в. Ибн Русте отметил привилегированное положение женщин у буртасов. Буртасская девушка "перестает повиноваться своему отцу, сама выбирает того из мужчин, кто ей понравился" [Хвольсон, 1869, с. 21]. Данное сообщение перекликается со сведениями Геродота о савроматах [Геродот, IV, 117]. В связи с этим следует отметить, что равноправное положение женщин и мужчин было характерно не только для кочевых обществ. Анализ материалов, полученных при исследовании Дмитриевского катакомбного могильника, свидетельствует в пользу того, что женщина у аланов лесостепного Подонья продолжала играть ведущую роль в жизни общества. Нартовский эпос характеризует аланских женщин как хранительниц домашнего очага, выполнявших функции домашних жриц. Примечателен в этом отношении образ Сатаны, которая пользовалась равными правами с мужчинами-воинами [Плетнева, 1983, с. 9—20; Калоев, 1959, с. 43—51; Дюмезиль, 1976, с. 235—251].

Информация о том, что одни из буртасов сжигают покойников, а другие хоронят, позволяет говорить о них как о довольно неоднородном объединении племен [Хвольсон, 1869, с. 19]. Г. Е. Афанасьев видит в буртасах "метаэтническую общность, которую представляют носители лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры в целом и в которой аланский компонент превалировал". В лесостепном Подонье уже известно несколько могильников с трупосожжениями, относящихся к салтовской культуре [Афанасьев, 1985, с. 168]. Однако можно предположить, что восточные авторы буртасами называли ираноязычное население Восточной Европы, в среде которого могли бытовать и катакомбы, и грунтовые ямные захоронения, и трупосожжения салтовского типа. В данном случае может идти речь о представителях одной этнической общности, в состав которой могли входить, помимо переселенцев с Северного Кавказа, также автохтоны степи и лесостепи.

Приведенные факты позволяют видеть в основе буртасской этнокультурной общности аланов. Потомки салтовских аланов были известны под именем "асы" или "ясы", что дало основание В. А. Кузнецову и Г. Е. Афанасьеву считать носителями лесостепного варианта салтовской культуры выходцев не с территории Дагестана, а из Пятигорья. У западных аланов-асов с VIII в. получил распространение обряд захоронения в скальных склепах, а у салтовских — в катакомбах. Это упомянутые исследователи объясняют фактом миграции аланов-асов с катакомбным обрядом захоронения из Кисловодской котловины на территорию Хазарского государства вследствие давления носителей скального обряда захоронения [Кузнецов, 1969, с. 296—300; Афанасьев, 1981, с. 48—64].

Мы можем только предположить, что первоначальную основу буртаского племенного союза в середине VIII в. составили северокавказские аланы-асы, которые переселились или были переселены в лесостепное Подонье, где термин "буртас" распространился не только на аланское население. Определенное количество буртасов должно было остаться в прикавказских степях, по соседству с хазарами, от которых они могли воспринять многие элементы культуры и религию — иудаизм. С буртасами в Подонье следует связывать лесостепной вариант салтовской культуры. Выделить же памятники прикавказских буртасов из общей массы памятников аланской культуры в Предкавказье и на Кавказе не представляется возможным. Исходя из вышесказанного, мы можем определить буртасов как одно из подразделений северокавказских аланов-асов, по воле судьбы оказавшихся за пределами Кавказа.

В контексте буртасской проблемы следует особо остановиться на алано-мордовских взаимоотношениях. Уже в VI в., по мнению В. И. Вихляева, установились постоянные торговые контакты мордовских племен с кавказскими аланами. В результате этого в среде мордвы получили распространение аланские однолезвийные мечи, наконечники копьев, стрел и конское снаряжение в виде стремян и удила. Как считает данный исследователь, именно в этих изделиях нуждались мордовские дружинники, ибо вынуждены были оборонять южные рубежи своих племен от участвовавших набегов кочевников [Вихляев, 1988, с. 17]. Следует отметить, что эти выводы В. И. Вихляева преимущественно построены на наблюдениях М. Р. Полесских.

М. Р. Полесских, в свою очередь, удалось выделить из инвентаря Армиевского могильника, датированного им V—VI вв., мечи, которые находят аналогии в вооружении северокавказских аланов того же периода. Мечи там были двулезвийные и с однолезвийной полосой и напушенной перекладной удлинненно-овальной формы (рис. 18). М. Р. Полесских считает, что "исходной формой первого типа являются мечи позднесарматского времени" [Полесских, 1968, с. 198]. Кроме мечей, в мохшанских погребениях были найдены и другие предметы вооружения, а также поясные наборы VI—VII вв., имеющие сходство с изделиями населения Северного Кавказа. Найденные на Борковском, Поломском, Армиевском и Младшем Селиксенском могильниках поясные наборы состоят из ремней с набором продолговатых бляшек и пряжек с квадратной обоймицей (рис. 19). По мнению М. Р. Полесских, все эти предметы находят аналогии в материалах аланского могильника у с. Гжигета, которые экспонируются в Нальчикском краеведческом музее [Полесских, 1968, с. 203—204]. Южное происхождение имеют ряд браслетов, обнаруженных в вещевых комплексах Армиевского, Серповского и других могильников. Найденные там бронзовые круглые разомкнутые браслеты с обрубленными концами

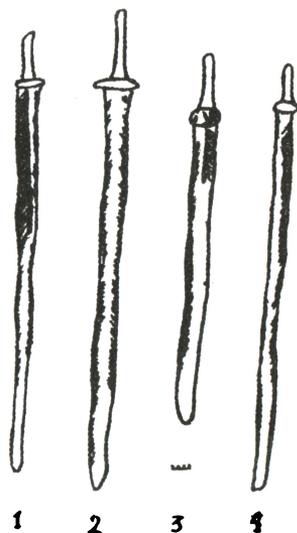

Рис. 18. Мечи из Армиевского могильника (по М. Р. Полесских)

во многом подобны изделиям из катакомб северокавказских могильников Чми, Гиляч и др. [Вихляев, 1974, с. 57].

От аланов мордва в V—VI вв., кроме предметов вооружения и украшений, получала и предметы конского снаряжения в виде стремян и удил. Примечательны в этом отношении стремяна из Серповского могильника. Они имеют арочную форму с изогнутой или прямой расширенной подножкой и прямоугольным ушком с отверстием для ремня. Все это имеет место и среди древностей Северного Кавказа. Кроме стремян, из материалов Серповского могильника вызывают интерес и удила, которые относятся к тем же типам, что и аланские. Все они двусоставные с прямыми псалями. Подобные удила имеются в инвентаре Галиатского склепа начала VIII в. [Крупнов, 1940, табл. V, 31].

Таким образом, приведенные аналогии позволяют предполагать, что все перечисленные вещи имеют аланское происхождение. На основании этого М. Р. Полесских придерживается мнения, что в среду древней пензенской мокши могли внедриться аланы. В качестве доказательства он приводит погребения №191 и 215 (мужское и женское) Армиевского могильника, совершенные по местному ритуалу, которые сильно выделяются иноземным обликом могильного инвентаря [Полесских, 1968, с. 207]. Однако В. И. Вихляев считает такое утверждение необоснованным и полагает, что в V—VI вв. отношения между мордовскими и аланскими

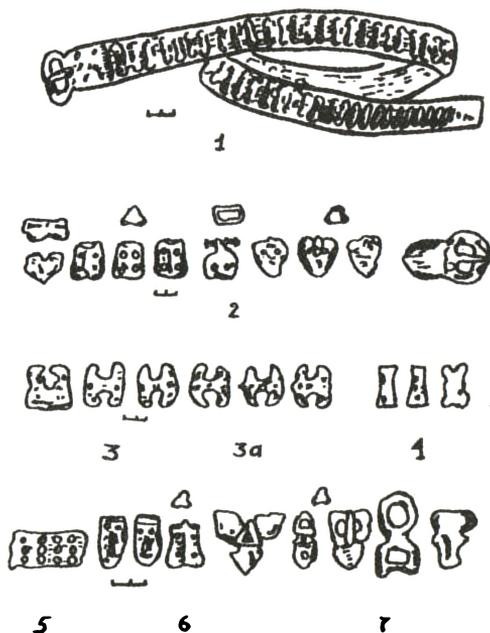

Рис. 19. Поясные наборы из погребений Армиевского (1–5; 7) и Младшего Селиксенского (6) могильников (по М. Р. Полесских)

племенами носили лишь торговый характер [Вихляев, 1974, с. 58].

В VIII в. ситуация начинает резко меняться, что было связано в первую очередь с переселением аланских племен с Северного Кавказа в лесостепное Подонье. В это время на обширных пространствах Восточной Европы образовалось крупное государство Хазарский каганат, в состав которого вошли не только территории, прилегавшие к Северному Кавказу и Нижней Волге, но и земли Подонья и Среднего Поволжья. Принадлежность к одному государственному образованию, территориальная близость мордовских и аланских племен должны были способствовать развитию между ними не только торговых и культурных, но и этнических связей.

К этому времени относится распространение в среде мордвы бронзовых и серебряных серег салтовского типа с подвесками из одного или нескольких шариков с зернью (рис. 20, 1–2). Серьги подобного типа были найдены во многих погребениях Крюковско-Кунковского, Лединского, Пановского и Елизавет-Михайловского могильников [Вихляев, 1974, с. 60]. Аналогичные изделия были обнаружены в Подонье в катакомбах Верхнесалтовского и Дмитриевского могильников [Бабенко, 1911,

рис. 157; Плетнева, 1967, рис. 38]. Кроме того, аналогии с изделиями аланов VIII—X вв. имеют кожаные пояса, которые часто находят в погребениях мордвы-мокши (рис. 21). У мордвы, как и у аланов, они украшались металлическими бляшками, к которым иногда подвешивались кожаные ремни, также украшенные металлическими бляшками и наконечниками [Алихова, 1969, с. 12]. Прямые аналогии имеются среди инвентаря катакомбных могильников Подонья [Плетнева, 1967, с. 161—166].

В VIII—XI вв. в междуречье Суры и Цны получили широкое распространение и предметы вооружения аланов. К ним в первую очередь следует отнести сабли с изогнутыми клинками, сохранившие прежнее брусковидное перекрытие, расширяющиеся в середине и сужающиеся к концам. Идентичные изделия были обнаружены в катакомбах Верхнесалтовского и Галиатского могильников [Мерперт, 1956, с. 23, рис. 1, 1; 2, 1]. Из предметов вооружения мордовского воина следует также особо выделить топоры-молоты, имеющие удлиненный обушок и круглую молоточковидную головку (рис. 20, 3—5). Аналогичные предметы имели широкое распространение в местах повсеместного расселения аланов. Из конского снаряжения мордовских племен VIII—X вв. необходимо отметить удила с прямыми и эсовидными псалиями и стременами, подобные тем, которые были найдены в более раннем Серповском могильнике. Близкие по форме изделия имели распространение как в Подонье, так и на Северном Кавказе.

В конечном итоге хочется подчеркнуть, что материальная культура мордвы-мокши в VIII—X вв. испытала значительное воздействие со стороны аланов Подонья. В соответствии с этим возникает закономерный вопрос: какой характер носили отношения между мордвой и аланами в этот период? А. Е. Алиховой было отмечено, что у мордвы-мокши с VIII в. получил распространение погребальный обряд, в соответствии с которым женщина захоранивалась на правом боку с подогнутыми ногами (рис. 22), в так называемом "скрюченном положении", с руками, расположенными у лица [Алихова, 1949, с. 138; 1959, с. 31—32]. Характерно, что подобный обычай был широко распространен у аланов Подонья [Плетнева, 1967, с. 91]. А. Е. Алихова первой высказала мнение, что обряд скорченности в цнинской группе могильников свидетельствует об этнических контактах мордовских и аланских племен [Алихова, 1959, с. 32; 1969, с. 5]. Обычай хоронить покойников скорченно на боку в последующее время распространился еще больше и в XII—XIV вв. стал типичным для женских погребений мордвы-мокши. Все это дало основание А. Е. Алиховой считать, что часть аланов после падения Хазарского каганата продвинулась на северо-восток, в среду мордвы-мокши, принеся с собой традицию хоронить женщин на боку в скорченном положении и племенное название "буртас" [Алихова, 1959, с. 32; 1969, с. 5].

По мнению лингвистов, мордва в период раннего средневековья пред-

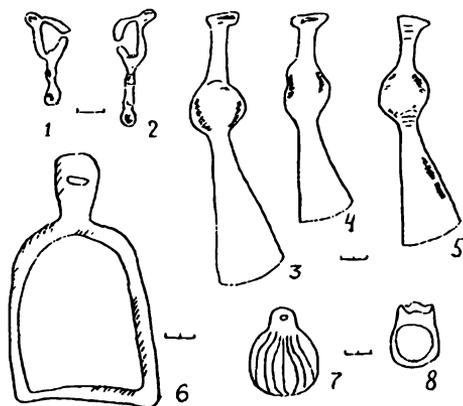

Рис. 20. Инвентарь из захоронений сурско-днинской мордвы (по П. П. Иванову):

1—2, 6 — Елизавет-Михайловский могильник;

3—4, 7—8 — Пановский могильник

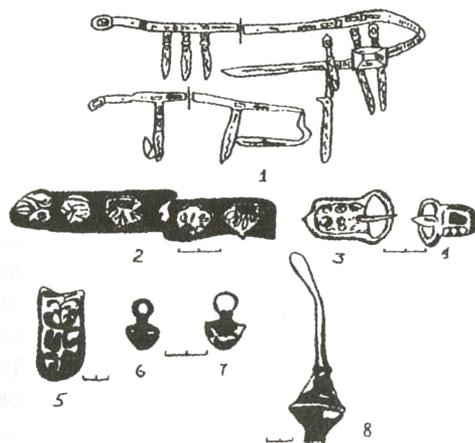

Рис. 21. Кожаные пояса с накладными фигурными бляшками:

1 — мужской пояс современных кавказских горцев

(по Е. Н. Студенецкой); 2—8 — поясные наборы из

погребений сурско-днинской мордвы (по П. П. Иванову)

Рис. 22. Женское погребение №7 Пановского могильника (по П. П. Иванову)

ставляла единый этнический массив, который впоследствии был разрезан каким-то пришлым из южнорусских степей народом. Этим они объясняют возникновение двух этноязыковых общностей: эрзи и мокши. В пришельцах они видят буртасов [Серебренников, 1965, с. 255—256], о чем свидетельствуют данные топонимики, которые подтверждают пребывание буртасов преимущественно на правом берегу Волги, в ее среднем течении [Попов, 1948, с. 203]. По мнению А. И. Попова, название местностей с именем "буртас" лишний раз свидетельствует о выделении пришельцев-буртасов из общей массы коренного населения [Попов, 1973, с. 119]. Исследователю удалось довольно-таки детально проследить распространение буртасской топонимии на Волге. Им было отмечено почти полное отсутствие данного типа наименований на левом берегу Волги. Этот ученый считает, что из этого не следует, что буртасы там вовсе не жили. На правом берегу Средней Волги А. И. Поповым было зафиксировано значительное количество наименований типа "Буртас", "Буртасы" и т. п. Упомянутый исследователь отметил "значительное буртасское топонимическое гнездо близ Казани на самой Волге". Наименования на местности, содержащие корень "буртас", доходят на юге до Ульяновска и даже к территории бывшей Нижегородской губернии [Попов, 1948, с. 200—203].

И. Г. Добродомов высказал предположение, что топонимы, содержащие этноним "Буртас" — "это следы границ, сложившихся к моменту

исчезновения буртасов, когда ассимиляция этого народа соседями шла от окраин к центру, где буртасы исчезли в последнюю очередь" [Добродомов, 1989, с. 18—19]. На этом фоне особый интерес вызывают наблюдения Б. А. Васильева, который отметил широкое распространение буртаской топонимии в Мещерском крае, в местах расселения татар-мишарей. Это дало ему основания говорить об этнической преемственности буртасов и татар-мишарей [Васильев, 1960, с. 206—207]. Однако сам факт широкого распространения термина "Буртас" в Поволжье заставляет думать, что в указанном регионе под данным этническим наименованием могли фигурировать не только пришельцы-буртасы, но и подвластное им местное население.

Возможно, что о пребывании аланов-буртасов в Среднем Поволжье свидетельствует ряд наименований на местности, имеющих явно иранское происхождение. Однако данный аспект проблемы еще в достаточной мере не затрагивался в исследованиях лингвистов и требует дальнейшего разрешения. В связи с этим следует особо выделить попытку И. Г. Добродомова связать происхождение топонима Казань с осетинским словом "къæдзон" — "кривой, извилистый" [Добродомов, 1990, с. 45—53].

В X в. с падением Хазарского государства памятники аланов исчезают из лесостепного Подонья. В это время перестает существовать салтовская культура. В бассейне Северского Донца, в районах севернее г. Харькова на салтовских поселениях жизнь полностью замерла. С. А. Плетнева считает, что на Дмитриевском поселении это произошло где-то в промежутке между концом IX — первым десятилетием X вв. [Плетнева, 1989, с. 283]. Из Верхнего Салтова, по мнению О. В. Иченской, переселение аланов имело место во второй половине X в. О. В. Иченская подкрепляет свои выводы нумизматическим материалом [Иченская, 1982, с. 145—146].

Исчезновение аланов из лесостепного Подонья и внедрение в среду мордвы-мокши салтовского населения в X в. — это взаимосвязанные явления. Следует отметить, что этот процесс был постепенным и не носил характер одновременного массового переселения. Именно в начале X в. письменные источники начинают упоминать на Средней Волге народ "буртас". Тот факт, что племена мордвы-мокши в хазарскую эпоху не фигурировали в письменных источниках, наводит на мысль, что аланы-буртасы могли занимать среди мордвы-мокши господствующее положение. Данную версию подтверждают археологические исследования, которые свидетельствуют в пользу того, что идеология и материальная культура сурско-дзинской мордвы в IX—XI вв. испытали сильное влияние со стороны аланов лесостепного Подонья. Таким образом, пока нет оснований говорить о том, что после падения Хазарского государства значительная часть населения лесостепного Подонья могла продвигаться на юг в южнорусские степи и принять участие в формировании общности ясов, обитавших там в XI — начале XIII вв.

Иных взглядов по этому поводу придерживаются С. А. Плетнева и А. З. Винников. По их мнению, основная масса салтовского населения вследствие давления печенегов могла передвинуться на север в среду славянских племен [Плетнева, 1964а, с. 24—33; 1989, с. 283; Винников, 1984а, с. 72—128]. Однако результаты археологических исследований памятников древнерусского периода бассейна Северского Донца и Оскола могут свидетельствовать лишь о продвижении незначительной части салтовского населения на территорию славян.

Относительно миграции аланов существует и другое мнение. На возможность переселения аланов с Подонья, но в обратном направлении на Северный Кавказ указывал А. Гакстгаузен, делавший ссылку на грузинские летописи. Однако он не сообщал, какие грузинские источники он имел в виду, поэтому проверить достоверность данных ссылок не представляется возможным [Кузнецов, 1969, с. 300].

В итоге хочется отметить, что ни результаты археологических раскопок, ни данные нарративных документов не несут в себе информации, которая бы подтверждала участие аланов лесостепного Подонья в этногенезе ясов южнорусских степей.

Глава IV

АЛАНЫ И ПЕЧЕНЕГИ В КОНЦЕ IX — НАЧАЛЕ XI ВВ.

В конце IX в. господствующие позиции в степях Восточной Европы заняли новые пришельцы с востока — печенеги. Относительно происхождения печенегов существуют различные версии и предположения. Одна из них связывает этногенез данной группы кочевников с сармато-аланскими племенами Средней Азии и Восточной Европы. Данные письменных и археологических источников не опровергают этого.

Как считают исследователи, печенеги до своего грандиозного движения на запад изначально обитали на территории Средней Азии между Аральским и Каспийским морями, вблизи Хорезма [Волин, 1941, с. 196; Федоров-Давыдов, 1966, с. 136]. В начале XI в. Бируни выдвинул свою версию относительно причин переселения печенегов и аланов из Средней Азии на запад. Он взял за основу сведения многовековой давности о том, что Аму-дарья первоначально впадала в Каспийское море и впоследствии изменила свое русло. Как сообщает арабоязычный автор, река повернула в землю печенегов, а потом она затопила территории между Хорезмом и Джурджаном (Гирканией. — О. Б.). Жители этих мест вследствие стихийного бедствия переселились на побережье Хазарского (Каспийского. — О. Б.) моря. Хорезмийский ученый далее сообщает, что “это род аланов и асов, и язык их теперь смешанный из хорезмийского и печенежского”¹ [Волин, 1941, с. 194].

Оказавшись в конце IX в. в междуречье Волги и Яика печенеги подверглись нападению со стороны узов и в конечном итоге переселились на запад в южнорусские степи [Константин Багрянородный, 1991, с. 155]. Анонимный автор “Худуд аль-Алам” (X в.) упоминал в связи с этим так называемых “Хазарских Печенегов”, владения которых находились на север от Кавказской Алании [Minorsky, 1937, p. 160]. Однако в процессе своего расселения печенеги заняли земли не только в Предкавказье, но и в Северном Причерноморье.

¹ فعمر بقا كثيره رمنا مديدا وخرّب ايضا فانتقل سكانها الى ساحل بحر الخزر وهم جنس اللان والاس ولقتهم الآن متركبة من الخوارزمية والبيحناكية

Особого же внимания заслуживает фрагмент древнерусского перевода “Истории иудейской войны” Иосифа Флавия. Данный перевод был выполнен на рубеже XII—XIII вв. и в нем нашли отражение знания переводчика о различных народах, в том числе об обитателях южнорусских степей. О ясах и печенегах там сказано: “Язык же ясеский ведомо есть, яко от печенеженька рода родился, живущие подле Таны и Меотского моря” [Мещерский, 1958, с. 454].

Такая противоречивая информация об аланах и печенегах, а также результаты археологических изысканий породили в среде исследователей диаметрально противоположные мнения относительно происхождения печенегов и их взаимоотношений с аланами-асами. Еще в 1930 г. Ю. В. Готье писал по этому поводу следующее: “Жизнь алан на Донце продолжалась, пока продолжался хазарский мир. Он был нарушен впервые появлением угро-мадьяр в начале IX в...Если они (аланы. — О. Б.) уцелели при мадьярах, то судьба их была решена печенегами, еще более хищными, чем мадьяры. Когда Святослав побеждал в 965 г. ясов и касогов, он, вероятно, уже не нашел ясов на Донце и дрался с ними за Доном” [Готье, 1930, с. 87].

У Л. П. Зяблина относительно взаимоотношений печенегов и сармато-аланов, наоборот, наметился иной подход. В 1952 г. в своей кандидатской диссертации “Археологические памятники кочевников X—XIV вв. в Восточной Европе” он высказал мнение, что ряд элементов погребального обряда кочевников южнорусских степей в X в. наследовал традиции номадов предшествовавшей сарматской эпохи. Пережитками сармато-аланских традиций в печенежско-торческо-половецком обряде Л. М. Зяблин считал наличие мела и огненный ритуал, а также решетчатые гробы. Однако эти аргументы не явились убедительными для Г. А. Федорова-Давыдова, который считал, что огненный ритуал и куски мела в позднесарматских погребениях “вырождаются и фактически исчезают”. Относительно же решетчатых гробов исследователь отметил, что это было в погребениях кочевников предмонгольского периода довольно редким явлением. В конечном итоге Г. А. Федоров-Давыдов подчеркнул, что позднесарматские и алано-булгарские племена в I тыс. н.э. могли оказать какое-то влияние на антропологический тип, культуру и обычаи более поздних кочевников, но “это воздействие было очень незначительно и в археологических материалах не оставило следа” [Федоров-Давыдов, 1966, с. 165].

В 1958 г. С. А. Плетнева со своей стороны в работе “Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях” высказала предположение, что печенежский племенной союз образовался в результате захвата печенегами-канглами заволжских земель, принадлежавших сарматским племенам. Опираясь на сообщение Константина Багрянородного, что печенеги делились на восемь округов, три из которых называ-

лись “кангар” (канглы) и были знатнейшими, исследователь пришла к выводу, что остальные пять округов были “сильно сарматизированы”. В качестве доказательства этого С. А. Плетнева приводит сильную европеоидность печенегов, что, по ее мнению, “объясняется большим количеством влившихся в печенежский союз сарматов” [Плетнева, 1958, с. 162].

Относительно же характера взаимоотношений печенегов и аланов, обитавших в Донецко-Днепровском междуречье, С. А. Плетнева, подобно Ю. В. Готье, высказала предположение, что в конце IX — начале X вв. салтовское население подверглось нападению со стороны печенегов. Исследователь аргументировала свое предположение тем, что военизированное население верховий Северского Донца, Оскола и Дона представляло для печенегов крайнюю опасность [Плетнева, 1989, с. 182—183]. В качестве доказательства военного и политического господства этих кочевников в X — начале XIII вв. С. А. Плетнева приводит так называемые погребения пятой группы, которые, по ее мнению, были оставлены “отюреченным, завоеванным населением донецких степей” [Плетнева, 1958, с. 182—185].

Мнение М. И. Артамонова отличалось от предположений Ю. В. Готье и С. А. Плетневой. Он считал, что в народе “Пайнила” Кембриджского документа следует видеть печенегов, а в асиях — носителей салтовской культуры, впоследствии известных в древнерусских летописях под названием ясов. По предположениям исследователя, совместное выступление асиев и печенегов на стороне Византии против хазар могло привести к тому, что хазары стремились уничтожить бывших своих подданных. М. И. Артамонов считал: “Уцелевшие асы, по-видимому, искали спасения у своих союзников печенегов. Утратив многое из своего культурного достояния, они сохранили племенную самостоятельность и в дальнейшем вновь обосновались на части прежней своей территории” [Артамонов, 1962, с. 357—358]. Следует отметить, что сам М. И. Артамонов признал спорность предложенной версии и указал на возможность отождествления Азии Кембриджского документа с территорией аланов Северного Кавказа [Артамонов, 1962, с. 358]. Весьма спорно также утверждение М. И. Артамонова, что язык аланов-асов, упоминаемый в начале XI в. Бируни как “смешанный из хорезмийского и печенежского” [Волин, 1941, с. 194], представлял собой “незавершенный процесс перехода от языка иранской семьи к тюркскому” [Артамонов, 1962, с. 467]. В данном случае уместна версия о двуязычии аланов-асов, которые к началу XI в. могли находиться в политической зависимости от печенегов.

Нетрадиционно к решению алано-печенежской проблемы подошел О. И. Прицак. Исходя из того, что в одной тюркской рунической надписи от 732 г. упоминается этноним *kangaras*, он предложил рас-

смагивать данное слово как составной термин, где первая часть kang имела тохарское происхождение и означала камень, а вторая представляла собой восточноиранское племенное название “Асы”(от Аорсы). Таким образом, он предложил интерпретировать Kangar As как “Каменные Асы”. Основываясь на этом, а также на информации Бируни и древнерусского переводчика “Истории иудейской войны” о языке асов и печенегов, О. И. Прицак пришел к выводу, что первоначально правящий слой печенежского общества был тохароязычен, а к концу X в. перешел на язык восточноиранской подгруппы. Однако ученый не отрицает того, в среде печенежского этнополитического объединения имели также широкое распространение алтайские (тюркские) языки [Pritsak, 1976, p. 21—24]. Относительно же фрагмента Кембриджского текста (так называемого документа Шехтера), где речь идет о союзниках хазар — аланах и о членах антихазарской коалиции 'SY' и PYYNYL, О. И. Прицаком было высказано предположение, что данный источник являлся компиляцией из более ранних арабоязычных текстов. Отсюда последовал вывод, что в аланах следует видеть обитателей Северного Кавказа, в объединении 'SY'(Asia) — средневожских аланов-буртасов, а в народе PYYNYL (P-c-n-k) — печенегов [Golb, Pritsak, 1982, p. 128, 133—134].

Необходимо отметить, что среди некоторых исследователей наметился диаметрально противоположный подход к решению поставленных вопросов. Это касается в первую очередь И. М. Мизиева, который, оперируя фрагментами текстов Бируни и древнерусского перевода “Истории иудейской войны”, где речь идет о языке асов (ясов) и печенегов, полностью отрицает присутствие иранского элемента в печенежском союзе. Он утверждает, что асы (ясы), как и печенеги, изначально являлись тюркоязычным народом [Мизиев, 1986, с. 75—76].

В сложившейся ситуации весьма сложно дать однозначную оценку отношениям аланов-асов и печенегов. Однако необходимо исходить из того, что племена печенегов продвинулись в южнорусские степи из-за Волги в конце IX в. (факт четко фиксируется письменными документами) и могли застать на новом месте автохтонное ираноязычное население. Не стоит при этом забывать, что соседями печенегов в степях Средней Азии могли быть аланы-асы.

Возможно, что тесные взаимоотношения между кангарами и аланами-асами установились в начале нашей эры. В “Истории младшего Дома Хань” говорится о переменах, происшедших к концу II в. н. э. в западных от Китая землях: “Владенье Яньцай переименовалось в Аланья; состоит в зависимости от Кангюя” [Бичурин, 1950, т. II, с. 229]. Если в Кангюе видеть этнопоним Kangar [Pritsak, 1976, p. 6], а в Яньцай-Аланье — аланов-асов, то предложенная версия может оказаться верной.

Информация Бируни об аланах-асах и печенегах как нельзя лучше указывает на то, что их прародиной являлись земли, сопредельные с Хорезмом [Волин, 1941, с. 194—196]. Это находит подтверждение в сообщении Бакри (XI в.), который писал, что в IX в. владения печенегов находились вблизи Хорезма [Куник, Розен, 1878, с. 59—60]. И нет ничего удивительного в том, что Бируни язык аланов-асов охарактеризовал как “смешанный из хорезмийского и печенежского”. Как показали исследования лингвистов, из всех восточноиранских языков наиболее близким к хорезмийскому является современный осетинский. А это, по мнению А. А. Фреймана, “является лишним подтверждением происхождения аланов-асов из Хорезма” [Фрейман, 1951, т. I, с. 10—11]. Относительно того, что часть аланов-асов говорила на печенежском языке, следует отметить, что это сообщение Бируни отражает ситуацию, сложившуюся к началу XI в., а не относится к более раннему времени.

Если принять во внимание сведения письменных документов, то можно констатировать, что уже во второй половине IX в. местом обитания печенегов были степи между Волгой и Яиком. Как свидетельствует Константин Багрянородный и некоторые восточные авторы, печенеги вследствие давления гузов (узов) перешли Волгу и расселились в южнорусских степях [Константин Багрянородный, 1991, с. 155; Заходер, 1967, т. II, с. 70—76]. Сведения того же Константина Багрянородного и сообщение Ибн Фадлана позволяют утверждать, что часть печенегов могла остаться в Заволжье и они должны были продвнуться на север от своих прежних владений в степи Приуралья [Константин Багрянородный, 1991, с. 157; Ковалевский, 1956, с. 130].

“Худуд аль-Алам” сообщает нам о неких “Хазарских Печенегах”, которые на юге граничили с аланами [Minorsky, 1937, p. 160]. Очевидно, что владения этих союзных хазарам печенегов должны были располагаться где-то в Нижнем Подонье и в Предкавказье. Не исключено, что упоминаемые в Кембриджском документе этнопонимы “Пайнила” и “Асия” [Коковцов, 1932, с. 116, 123] относились к печенегам и аланам-асам, обитавшим в данном районе. Уместно в данном случае вспомнить сведения из трактата Константина Багрянородного “О церемониях византийского двора”, где Асия в начале X в. фигурирует в качестве составной части Кавказской Алании [Constantinus Porphyrogenitus, 1829, p. 680]. Возможно, что в данном случае речь идет о территории Северо-Западного Кавказа, ибо до сих пор осетины называют соседнюю с ними Балкарию не иначе как “Аси” [Волкова, 1973, с. 94, 97, 107].

Древнерусские летописи сообщают о походе Святослава в 965 г. против хазар, в результате чего была захвачена на Нижнем Дону их крепость Белая Вежа (Саркел. — О. Б.) и побеждены ясы и касоги,

обитавшие где-то поблизости [Воскр. л., 1856, с. 287; Ипат. л., 1843, с. 246; Лавр. л., 1846, с. 27; Новгород. л., 1848, с. 41]. Характерно, что там же на Нижнем Дону печенеги сохранялись вплоть до XII в. Ипатьевская летопись свидетельствует, что еще в 1116 г. “бишася Половци с Торки и с Печенеги у Дона, и секошася и две ноши, и придоша в Русь к Володимеру Торци и Печенежи” [Ипат. л., 1843, с. 204].

Археологические раскопки, проведенные на могильнике Саркел—Белой Вежи, позволяют предполагать, что в конце IX — начале X вв. на данном укрепленном поселении существовали по крайней мере две этнографические группы населения. Одна из них оставила после себя курганный могильник, который, по мнению исследователей, следует связать с пребыванием здесь узов и печенегов [Артамонов, 1962, с. 312—313; Плетнева, 1990а, с. 92—97]. В Саркеле имелась и другая группа памятников — салтовские. Как уже отмечалось, погребения салтовцев были представлены преимущественно захоронениями в ямах разнообразных форм, а также двумя подбойными погребениями в стенках заброшенных землянок [Плетнева, 1984, с. 11]. Именно последняя особенность, а также доли- мезокранный антропологический тип, аналогичный верхнесалтовскому [Гинзбург, 1963, с. 264], позволяют предполагать, что в Саркеле могло находиться население, генетически связанное с аланами лесостепного Подонья и Северного Кавказа.

Константин Багрянородный сообщает, что в своем продвижении на запад, где-то на западных рубежах Хазарии в Приазовье, печенеги столкнулись с венграми в местности, называемой Леvedией, и оттеснили венгров в Северо-Западное Причерноморье в Ателькузу. И в дальнейшем венгры были вытеснены печенегами в Паннонию [Константин Багрянородный, 1991, с. 160—163, 165]. После этих событий печенеги широко расселились в степях Северного Причерноморья. Как уже отмечалось, византийский информатор поместил на левом берегу Днепра фемы Куарцицур, Сирукалпей, Вороталмат и Вулацопон. Они находились в нескольких днях пути от Узии, Хазарии и Алании. На запад от Днепра в непосредственной близости от Дунайской Болгарии находилась фема Гиазихопон, рядом с Венгрией — Нижняя Ги́ла, поблизости Руси (Руси. — О.Б.) — Харавои, восточнее и южнее по соседству с ультинами (уличами. — О.Б.) и древлинами (древлянами. — О.Б.) и другими славянскими племенами — Иавдиертим [Константин Багрянородный, 1991, с. 157].

Информация Константина Багрянородного о расселении печенегов в X в. перекликается со сведениями восточных авторов. Масуди в начале X в. писал, что соседями аланов и хазар являлись четыре тюркских народа, из которых третий — печенеги. Из его сообщения известно, что эти тюркские племена жили в мире с хазарским каганом и

правителем аланов [Заходер, 1967, т. II, с. 70—76; Минорский, 1963, с. 135, 149, 151, 209]. Анонимный автор “Худуд аль-Алам” указывал, что тюркские печенеги живут в районе, который с востока ограничен землей гузов, с юга — буртасами или барадасами, на западе — землей мадьяров и русов, на севере — рекой Ругой [Minorsky, 1937, p. 101].

Несколько десятилетий тому назад Г. А. Федоров-Давыдов указал на то, что не представляется возможным выделить в отдельные группы торческие (узские) и печенежские древности [Федоров-Давыдов, 1966, с. 141]. Однако В. А. Иванов попытался разрешить данную проблему. Он обратил внимание на то, что обряд погребения торков-узов был подробно описан Ибн Фадланом: курганная насыпь, перекрытие могилы досками, растягивание шкуры коня и т. п. [Ковалевский, 1956, с. 128]. Именно такие подкурганные захоронения получили распространение на территории, традиционно связываемой с узами. Однако в X в. в степях Приуралья и Северного Причерноморья имели распространение и другие погребения, совершаемые в курганах, для которых было характерно отсутствие в могилах каких-либо внутренних конструкций. Именно в местах распространения данного типа памятников европейские и восточные авторы традиционно локализовали печенегов. Все это дало основания В. А. Иванову связать первую группу погребений с узами, а вторую — с печенегами [Иванов, 1995, с. 42—44].

Предложенная В. А. Ивановым этнокультурная карта Европейской Печенегии позволяет уточнить границы расселения печенегов. По его данным, на севере печенежские курганы доходили до р. Орели, на юге — до степей Крыма, на западе — до низовий Буга, Днестра и т. д., а на востоке граница между владениями печенегов и хазар проходила по р. Северский Донец (рис. 23). Как отметил исследователь, в первой половине X в. по правому берегу Северского Донца тянулась цепь городищ салтовской культуры, которые образовывали западную линию обороны Хазарского каганата: Верхний Салтов, Мохнач, Сухая Гомольша, Богородичное, Сидоровское, Маяки и т. д. [Иванов, 1995, с. 42—43]. На фоне этого предположение С. А. Плетневой о том, что салтовские поселения в конце IX в. в результате нашествия печенегов прекратили свое существование, выглядит несколько неубедительным [Плетнева, 1989, с. 282—283]. Весьма примечательно, что анализ нумизматического материала с Верхнего Салтова позволяет говорить о том, что жизнь на данном поселении прекратилась лишь во второй половине X в. [Иченская, 1982, с. 145—146]. О том, что владения печенегов не могли заходить дальше течения Северского Донца, может свидетельствовать топоним “Печенеги”, находящийся в нескольких десятках километров южнее Верхнего Салтова.

Продолжая разговор об аланах и печенегах Приазовья, следует вспомнить о сообщении Константина Багрянородного, который

отмечал, что “другой народ из тех же самых пачинакитов находился рядом с областью Херсона” [Константин Багрянородный, 1991, с. 40—41]. Обитали в домонгольский период в Крыму вблизи Херсонеса и аланы [Кулаковский, 1899а, с. 62—63]. Как уже отмечалось, в X в. аланы-ясы могли находиться и в Нижнем Подонье [Воскр. л., 1856, с. 287; Ипат. л., 1843, с. 246]. И поэтому сообщение византийского императора о том, что “эксусиократор Алании не живет в мире с хазарами и нападает на них, когда те направляются к Саркелу, Климатам и Херсону” [Константин Багрянородный, 1991, с. 53], позволяет включить в число этих аланов обитателей Южного Крыма и Северного Приазовья. Именно на основании этого, а также исходя из сообщения Николая Мистика от 922 г. об аланах и других причерноморских народах, Ю. А. Кулаковский сделал вывод, что “аланы должны были составлять часть населения припонтийских степей” [Кулаковский, 1899а, с. 54]. Однако не стоит при этом забывать о мнении В. А. Кузнецова, который считает, что в данном случае сочинение Константина Багрянородного отражает общую политическую ситуацию в Центральном Предкавказье, где аланы установили к середине X в. свой контроль над степями Северного Кавказа [Кузнецов, 1971, с. 23].

Таким образом, данные нарративных документов и результаты археологических исследований позволяют приблизительно очертить границы между владениями печенегов и аланов восточнее Днепра. Исходя из информации “Худуд аль-Алам”, можно предположить, что “Хазарские Печенеги” могли обитать в Западном Предкавказье и Нижнем Подонье на север от кавказских аланов [Minorsky, 1957, p. 60]. При этом владения печенегов на Нижнем Дону должны были соприкасаться с территорией ясов, упоминаемых древнерусскими летописями в 965 г. “Тюркские Печенеги” занимали территорию степей Северного Приазовья, и их кочевья могли заходить в Крым, где их соседями с юга должны были выступать аланы, обитавшие вблизи Херсонеса. На северо-востоке в X в. граница между салтовскими аланами и печенегами должна была проходить по течению Северского Донца.

Особый интерес представляют топонимические сведения, содержащиеся в трактате Константина Багрянородного “Об управлении империей”. В данном источнике приведены русские и славянские названия 7 днепровских порогов: Эссупи, Улворси — Островунапряг, Геландри, Айфор — Неясыть, Варуфорос — Вулнипрах, Леанти — Веруци, Струкун — Напрези [Константин Багрянородный, 1991, с. 49—51]. Исследователями уже давно предпринималась попытка объяснить эти русские наименования из данных германских языков. Однако М. Ю. Брайчевский указал на возможную связь этих топонимов с осетинским языком [Брайчевский, 1985, с. 19—30]. По сравнению с предыдущими этимологиями, его варианты выглядят менее убедительны-

ми, хотя особый интерес вызывает объяснение названия порога Эссу-пи. Исходя из того, что в осетинском языке частица “æ” несет в себе отрицательный оттенок, а термин “spru” употреблялся в значении “спать”, М. Ю. Брайчевский предложил свой вариант объяснения названия “Эссупи” — “не спи” [Брайчевский, 1985, с. 24—25].

Повествуя далее о местности, где живут печенеги византийский император писал: “...по сю сторону реки Днестра, в краю, обращенном к Булгарии, у переправ через эту реку, имеются пустые крепости: первая крепость названа пачинакитами Аспрон, так как ее камни кажутся совсем белыми; вторая крепость Тунгаты, третья крепость Кракнакаты, четвертая крепость Салмакаты, пятая крепость Сакакаты, шестая крепость Гиэукаты” [Константин Багрянородный, 1991, с. 494]. Примечательно, что названия всех крепостей, кроме первого, тюркские и поддаются переводу [Баскаков, 1960, с. 129]. Однако знаменательно то, что вторая часть этих топонимов “гатый” или “катый” означает укрепление и можно вполне согласиться с мнением комментатора данного фрагмента источника Т. М. Калининой, что упомянутый термин имеет древнеиранское происхождение [Константин Багрянородный, 1991, с. 391].

Продолжая данную тему, следует обратить внимание на приведенные Константином Багрянородным названия рек в местности печенегов, ранее заселенной венграми: Варух, Куву, Трулл, Брут, Серет. И если первые три названия являются тюркскими эквивалентами названий Днепра, Буга и Днестра, то в двух последних угадываются соответственно гидронимы Прут и Сирет иранского и древнего индоевропейского происхождения [Константин Багрянородный, 1991, с. 394]. Это может свидетельствовать о том, что по берегам этих рек долгое время могло сохраняться прежнее аборигенное население.

Данные археологических исследований, проведенных М. Комшей свидетельствуют о том, что в Днестровско-Прусском междуречье в IX—X вв. имели распространение памятники салтовского типа (рис. 24), традиционно связываемые с алано-булгарским населением Хазарского каганата и Дунайской Болгарии [Сомса, 1960, с. 393—422]. В связи с этим уместно вспомнить об информации Николая Мистика относительно того, что аланы, печенеги, русы и венгры могли нападать на Дунайскую Болгарию [Златарски, 1895, с. 149—150]. Исходя из этого можно предположить, что перечисленные народы в начале X в. могли находиться в районе Северо-Западного Причерноморья.

Быть может не случайно в VIII в. Алания была изображена на карте Беата (рис. 1) на север от устья Дуная [Райт, 1968, с. 68—70]. Известно, что на данных землях еще во времена античности находилось аланское население [Кулаковский, 1899а, с. 9—49]. Не случайно в античных источниках река Прут была названа не иначе как “река аланов”

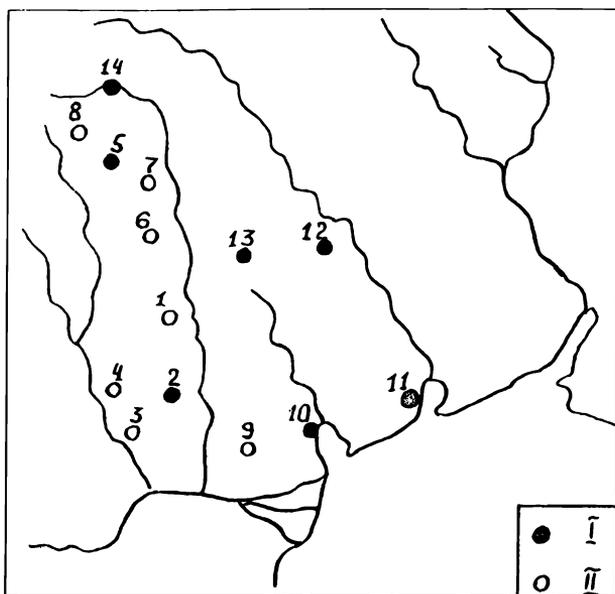

Рис. 24. Распространение памятников салговского типа в Днестровско-Прутском междуречье в IX—X вв. (по данным М. Комши):

I — поселения Балкано-Дунайской культуры с салговской керамикой; II — салговские поселения; 1 — Бледжой; 2 — Тидор Владимиреска; 3 — Серханешти; 4 — Драганешти; 5 — Спимаса; 6 — Данешти; 7 — Хлипца II; 8 — Сукеава; 9 — Криничное; 10 — Глубокая; 11 — Белгород-Днестровский; 12 — Каффой, р-н Бендер; 13 — Чауска, р-н Котовска; 14 — Била, р-н Черновцов

[Абаев, 1958а, т. I, с. 486]. Весьма примечательно то, что в “Повести временных лет” территория Днестровско-Прутского междуречья была названа летописцем “Великая Скуфь” [ПВЛ, 1950, ч. I, с. 14, 24, 210, 220]. Все это заставляет думать, что в данном районе к началу X в. могли сохраниться аланы, происхождение которых является предметом отдельной дискуссии. Возможно не случайно во времена позднего средневековья в Северо-Западном Причерноморье находились поселения аланов-ясов [Кулаковский, 1899а, с. 66—71].

Европейские источники сообщают, что в конце IX в. венграм помогали их аланские союзники. Известно также, что эти аланы были переселены венграми для охраны территории между реками Laborozu и Ung [Kucharsky, 1938, s. 8]. В связи с этим особый интерес представляет мнение тех исследователей, которые

считают, что в Подунавье вместе с венграми вследствие давления печенегов переселились аланы Подонья и Предкавказья [Магомедов, 1981, с. 30; Эрдели, 1984, с. 20—25]. Однако Константин Багрянородный и восточные авторы ничего не сообщают о том, что венгры, теснимые печенегами, в своем продвижении на запад из Лебедии, находившейся вблизи Хазарии, в Ателькузу, локализованную в Северо-Западном Причерноморье, имели в качестве своих союзников аланов [Константин Багрянородный, 1991, с. 158—163; Заходер, 1967, т. II, с. 70—76]. Исходя из этого можно предположить, что вместе с венграми в Паннонию могли продвинуться те аланы, владения которых находились в Северо-Западном Причерноморье.

В сложившейся ситуации уместно вспомнить, что древнерусские летописи в качестве обитателей Северо-Западного Причерноморья X в. упоминают племена тиверцев и уличей. Они известны в “Повести временных лет” как обитатели земель, находившихся близ Дуная в бассейне Днестра, что, по определению летописца, “зваху от грекъ Великая Скуфь” [ПВЛ, 1950, ч. I, с. 14, 24, 210, 220]. В Радзивилловской летописи их владения находились также “по Бугу и по Днепру” [Радз. л., 1989, с. 14]. Данные племенные объединения фигурируют в летописях при описании событий 885, 907, 940 гг. [ПВЛ, 1950, ч. I, с. 226, 254, 263]. Обращает на себя внимание то, что тиверцы и уличи стоят как-то особняком от остальных славянских племен и фактически не включаются летописцем в их число. В сложившейся ситуации уместно высказать предположение о неславянском происхождении тиверцев и уличей. Быть может они являлись потомками аборигенов Северо-Западного Причерноморья.

Обращает на себя внимание то, что аланы и печенеги постоянно упоминаются в нарративных документах как племенные объединения, входившие в состав одних и тех же военных коалиций. В связи с этим хочется вспомнить замечание древнерусского переводчика “Истории иудейской войны” Иосифа Флавия относительно того, что “язык же яеский ведома есть, яко от печенеженька рода родился” [Мещерский, 1958, с. 454]. Данный отрывок уместно рассматривать как указание на то, что ранее (до XII в.) аланы-ясы могли входить в состав политического объединения, возглавляемого печенегами. Само выражение “язык яеский” может означать, что в данном случае речь идет не о языке, а об аланском этносе. Необходимо исходить из психологии средневекового переводчика, для которого понятия о языке и об этнической принадлежности могли являться адекватными. Не случайно у Иосифа Флавия данный фрагмент имеет вид: “народ аланы есть скифское племя” [Миллер, 1887, т. III, с. 40].

Вспоминая сообщение Бируни и других авторов о переселении аланов-асов (ал-арсиев) и печенегов из Средней Азии в Европу [Во-

лин, 1941, с. 19; Минорский, 1963, с. 193—194; Константин Багрянородный, 1991, с. 155—156; Заходер, 1967, т. II, с. 70—76], хочется высказать предположение относительно того, что вместе с печенегами-кангарами в южнорусские степи могла продвинуться и часть среднеазиатских аланов-асов. Недаром еще в начале нашей эры автор “Истории младшего Дома Хань” писал, что владение Аланья “состоит в зависимости от Кангюя” [Бичурин, 1950, т. II, с. 229]. Таким образом, этногенез ясов южнорусских степей выглядит довольно сложным, ибо в формировании данной этнической общности могли принять участие по крайней мере три компонента: потомки ираноязычных сарматов восточноевропейских степей, аланы Северного Кавказа и аланы-асы Средней Азии.

В первой половине XI в. торки-узы, теснимые половцами, обосновались в степях Северного Причерноморья, положив тем самым конец господству печенегов. Но торки ненадолго задержались на завоеванных землях. В середине XI в. их сменяют половцы, в дальнейшем сыгравшие заметную роль в истории Древней Руси и народов южнорусских степей. Обитавшие ранее в степях аланы-ясы не ушли со своей территории вместе с печенегами и узами, а, как свидетельствуют исторические хроники, остались на прежних местах.

Глава V

АЛАНЫ-АСЫ В СОСТАВЕ ПОЛОВЕЦКОГО ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ (середина XI — начало XIII вв.)

В XI—XII вв. ясы все чаще стали упоминаться в древнерусских летописях. И в этом нет ничего удивительного, ибо Русь и ясы продолжали оставаться непосредственными соседями. Именно этот фактор способствовал тому, что ираноязычные жители степей постоянно входили в сферу жизненных интересов Древней Руси. За счет ясов и других степных народов древнерусские князья стремились укрепить южные рубежи своего государства от участвовавших набегов торков, половцев и других кочевников.

Ясы, как соседний с Русью народ, упоминаются в тех разделах летописей, где речь идет о походе Ярополка, сына Владимира Мономаха, в 1116 г. против половцев на "Дон". Летописец сообщает: "... Ярополк ходи на половецкую землю, к реке Дону, и ту взя полон мног и города пойма Половецкие, Галин, Чешуев, Сугров; и Ясы поймав с собою приведе, и жену полони себе Ясыню". В летописях также сказано, что пленница Ярополка была "красна вельми" и являлась "яского князя дщерь" [Воскр. л., 1856, с. 24; Ипат. л., 1843, с. 7, 8, 291; Моск. л., 1949, с. 24; Патр. IX л., 1862, с. 150; Приселков, 1950, с. 207]. В Ипатьевской летописи уточняется, что Ярополк взял не только три града, но и "сел много" [Ипат. л., 1843, с. 291].

С данным сообщением перекликается другое, где повествуется о походе 1111 г. против половцев на "Дон" Владимира Мономаха. В результате этой блестяще осуществленной военной операции половецкая крепость Шарукань была захвачена без боя, а другой город Сугров был сожжен. В итоге половцы потерпели окончательное поражение на р. Сальнице. Наиболее подробные сведения об этом походе содержатся в Ипатьевской и Воскресенской летописях. Однако между ними имеются различия. В Ипатьевской летописи сказано, что войско Владимира Мономаха достигло Дона во вторник "в неделю поста" [Ипат. л., 1843, с. 2]. В то же время Воскресенская летопись сообщает, что данное событие произошло на неделю раньше во вторник "в пятую же

неделю поста" [Воскр. л., 1856, с. 22]. Данные расхождения значительно усложняют возможность восстановления маршрута похода и вызывают диаметрально противоположные точки зрения относительно локализации половецких городов Шарукани и Сугрова.

По мнению Б. А. Рыбакова, Шарукань, Сугров и Балин изображены на карте, составленной Идриси в 1154 г. Данный исследователь отождествил Таркумуху Идриси с Шаруканью, Бусару — с Сугровым, а Баруну — с Балиным. Все три города на карте арабского информатора располагались по берегам р. Руси, в которой Б. А. Рыбаков видит р. Дон — Северский Донец. Основанием для данного вывода он считает предположение о том, что начертание слов "Дон" и "Русия" в арабской графике очень близки между собой [Рыбаков, 1952, с. 22—25]

Совершенно иного мнения по этому поводу придерживается В. М. Бейлис. Он считает, что работа Идриси носит в основном компилятивный характер и многие сведения о народах Восточной Европы к моменту написания источника уже устарели. Относительно же отождествления р. Руси, то, по мнению В. М. Бейлиса, здесь "отразились сведения о Кубани" [Бейлис, 1984, с. 222]. В конечном итоге получается, что сведения Идриси не вносят ничего нового в решение данной проблемы.

Сведения о локализации ясов в южнорусских степях содержатся не только в летописях, но и в древнерусском переводе "Истории иудейской войны" Иосифа Флавия. Как уже отмечалось, данный перевод был выполнен на рубеже XII—XIII вв. и отразил знания переводчика о расселении современных ему народов. О ясах в древнерусском переводе сказано, что они находятся "подле Таны и Меотского моря" [Мещерский, 1958, с. 454].

Данные древнерусских авторов подтверждают персидские истории, жившие в XIII—XV вв. Они рассказывают о походах монгольских полководцев в первой половине XIII в. и при этом упоминают народы, которые подверглись нападению со стороны монголов. Одно из ранних свидетельств подобного рода было написано во второй половине XIII в. Джувейни. В своей "Истории завоевания мира" персидский историк пишет: "Когда каан (Угетай. — О.Б.) вошел на престол (монгольского. — О. Б.) царства, он (Бату. — О. Б.) подчинил и покорил сплошь все те края, которые были по соседству его: остальную часть (земли. — О. Б.) кипчаков, аланов, асов, русов и другие страны, как то: Булгар, М.к.с. и другие" [Тизенгаузен, 1941, т. II, с. 21]. В другом отрывке труда Джувейни упоминаются "Булгар, страна асов и Русь" [Тизенгаузен, 1941, т. II, с. 22]. Джувейни также сообщает, что каан Угетай "отправил Менгу-каана, Бату и других царевичей для овладения пределами и областями Булгара, асов, Руси и племен кипчак-

ских, аланских и других" [Тизенгаузен, 1941, т. II, с. 24]. Исходя из этого в асах следует видеть не только соседний с кавказскими аланами народ. Имеются основания также локализовать асов в Восточной Европе между Русью и Волжской Болгарией, а также в южнорусских степях.

В связи с этим особого внимания заслуживает рассказ Рашид ад-Дина (XIII — начало XIV в.) о борьбе половцев и асов против Менгукаана. В сборнике летописей, приписываемых Рашид ад-дину, в разделе, посвященном истории Угетай-каана, подробно описываются эти события. Монголы, возглавляемые эмиром Сабадаем, пошли "с войском в страну асов и в пределы Булгара". Местные властители Баян и Джикю первоначально покорились им. Однако затем они восстали. В отместку монголы предприняли повторный поход. Причем они покорили не только восставших, но и население попадавших им по пути областей. Среди подвергшихся нападению и оказавших упорное сопротивление были кипчакский эмир Бачман из рода Ольбурик и эмир асов Качир-укулэ. Монголы долго их преследовали, но настичь не могли. Последним убежищем для Бачмана и асов стал один из островов на р. Итиль (Волга. — О. Б.). Но неожиданно поднялся ветер, воды реки отступили и монголы по обнажившемуся дну подобрались к беглецам. Не ожидавшие нападения кипчаки и асы проиграли последнее сражение. Их предводители были взяты в плен. "Бачман просил, чтобы Менгукаан собственною благословенною рукою порешил дело (жизнь. — О. Б.) его; он (Менгукаан. — О. Б.) приказал брату своему Бучеку разрубить Бачмана на две части. Качир-укулэ, (одного. — О. Б.) из эмиров асов, также убили". Каан Бату, восхваляя заслуги своего кандидата каана Угетая, отметил, что тот, "покорив и усмирив племена ольбурик и кипчаков и племена Укасакана и черкесов, захватил предводителя кипчакского Бачмана, предводителя черкесского Тукбаши, предводителя асского Иджиса" [Тизенгаузен, 1941, т. II, с. 35—36]. На основании изложенного хорошо видно, что речь идет не о кавказских, а о восточноевропейских асах. Джувейни и Рашид ад-Дину вторит Казвини, живший в XIV в. В его "Избранной истории" говорится, что по приказу Чингисхана его старшему сыну Туши "вверены были область Хорезм, Дешт-и-Хазар, Булгар и Саксин, аланы, асы, русские, Микес, башкирды и те пределы" ¹ [Тизенгаузен, 1941, т. II, с. 90, 219].

По соседству с Русью и черкесами помещает асов и автор первой половины XV в. Йезди. "Книга побед" Йезди о монгольских полковод-

¹ توشی خان بن چنگیز خان مهتر پسر او بود و بحکم پدر ولایت خوارزم و دشت خزر و بلغار و سمسین و آلان و آس و روسی و مکس و بشقرد و آن حدود بدو مفدضی گشت

цах содержит следующую информацию: "Всею этой областью до (земли — О. Б.) асов, русских, черкесов, Крыма, Аздака и Булгара они овладели через некоторое время, после многих битв"¹ [Тизенгаузен, 1941, т. I, с. 144—145, 248]. Последние два сообщения позволяют видеть в асах народ, отличный от кавказских аланов, широко расселившихся на степных просторах между Кавказом и Русью.

Таким образом, мы видим, что асы персидских авторов и ясы древнерусских летописей — это один и тот же народ. Исходя из анализа процитированных источников, можно с определенной долей уверенности утверждать, что наиболее достоверная информация о восточноевропейских ясах (асах) содержится в тех местах древнерусских летописей, где речь идет о походах Руси против половцев в 1111 и 1116 гг., а также в сообщениях персидских информаторов Джувейни, Рашида ад-дина, Казвини и Йезди, живших в XIII—XV вв.

Особый интерес представляют также сведения европейских авторов об аланах, обитавших в Половецкой степи накануне нашествия монголо-татар. Живший в начале XIII в. Бартоломей Английский сообщал: "...первой частью Сифии является Алания, которая тянется до Меотских озер и простирается до самой Дации. Область эта — обширнейшая, в ней обитает много жестоких варварских народов, (и) расположена она в холодном климате, на востоке отклоняясь к северу". Характерно, что восточные рубежи Алании западноевропейский автор традиционно поместил вдоль течения Дона [Матузова, 1979, с. 72, 81]. На основе этого можно предположить, что Бартоломей Английский исходил не только из ситуации, сложившейся в южнорусских степях к началу XIII в., но и пользовался устаревшими к тому времени сведениями античных авторов. Его современник епископ Феодор писал, что кавказские аланы "возлюбили посылать некие многолюдные выселки, так что наполнили почти всю Скифию и Сарматию" [Кулаковский, 1898, с. 17, 26]. Об аланском населении, которое существовало в г. Сумеркенте на Нижней Волге, сообщал Г. Рубрук [Рубрук, 1957, с. 185]. Перед нашествием монголов обитали аланы и в устье Дона, о чем мы узнаем из сообщения И. Барбаро [Барбаро, 1971, с. 139—140].

В отечественной литературе неоднократно поднимался вопрос о местонахождении половецких городов, населенных ясами. Еще в прошлом веке В. Ф. Миллер на основании упоминания ясов в русских летописях, где речь идет о событиях 965 и 1116 гг., локализовал этот этнос в нижнем течении Дона [Миллер, 1887, т. III, с. 68]. В этом мнении В. Ф. Миллера поддержали Ю. В. Готье и Ю. А. Кулаковский, которые также считали, что в эпоху Киевской Руси ясы продолжали

¹ فرستاد تا تمامن آن تا آس وروس وجرکس وقرم وازدق وبلغار بمدتی بعد از محاربه بسیار استخلاص نمودند

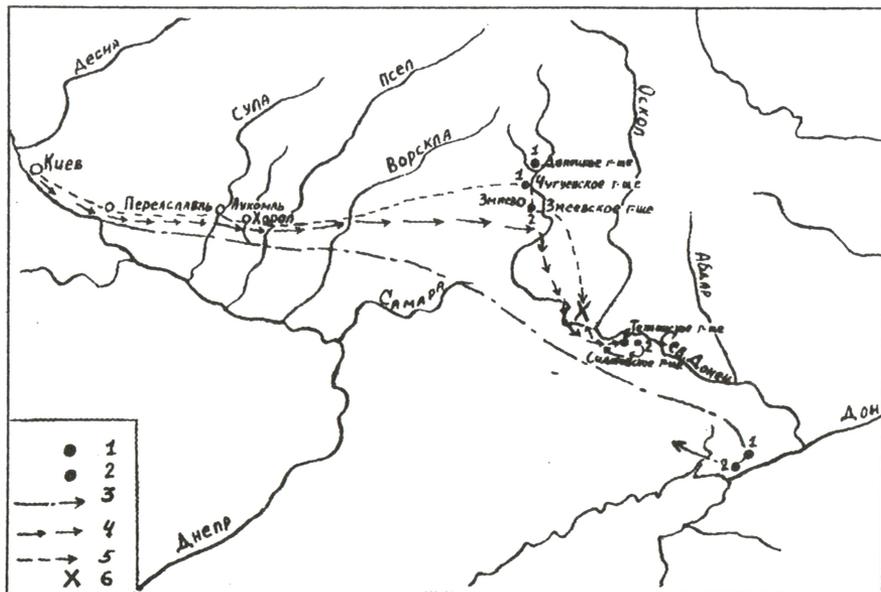

Рис. 25. Маршрут похода Владимира Мономаха против половцев в 1111 г.:
 1 — предполагаемое нахождение Шарукани; 2 — предполагаемое нахождение Сугрова; 3 — версия В. Ф. Миллера и Ю. А. Кулаковского; 4 — версия М. В. Сибилева и К. В. Кудряшова;
 5 — версия С. А. Плетневой; 6 — место битвы на р. Сальнице

обитать не только на Кавказе, но и на Нижнем Дону [Готьѣ, 1927, с. 17; Кулаковский, 1899а, с. 46]. Выводы В. Ф. Миллера и Ю. А. Кулаковского базировались на предположении о том, что южнорусские ясы являлись прямыми потомками сарматов, которые могли сохраниться в послегуннскую эпоху на Нижнем Дону и в местах своего прежнего обитания (рис. 25). Упомянутые исследователи видели в "Доне" древнерусских летописей современную им р. Дон.

Однако анализ текстов летописей показывает, что это не совсем так. Как уже отмечалось, в Ипатьевской и Воскресенской летописях по поводу похода 1111 г. имеются расхождения. В обеих летописях сказано, что в среду 8 марта войско Владимира Мономаха выступило с Ворсклы и, перейдя много рек, подошло наконец к "Дону". По данным Ипатьевской летописи, это произошло "в шестую неделю" (воскресенье. — О. Б.) поста, а согласно Воскресенской летописи - в пятую "неделю". Исходя из этого русь могла достичь "Дона" в ночь с вос-

кресенья 12 марта на понедельник 13 марта или на неделю позже — 19 марта. Данный факт заставил многих исследователей полагать, что речь здесь идет не о современном Доне, а о Северском Донце. Ибо хорошо известно, что р. Дон в древнерусских летописях выступала под именем "Дона Великого". Впервые к этому выводу пришел еще в XVIII в. В. Н. Татищев [Татищев, 1963, т. II, с. 259]. В XIX в. такого же мнения придерживались Н. П. Барсов, В. Г. Ляскоронский, А. А. Шахматов и Н. О. Аристов. Все они считали, что Шарукань и Сугров следует искать не на Дону, а на Северском Донце [Барсов, 1885, с. 303; Ляскоронский, 1907, с. 24; Шахматов, 1916, т. I, с. 338; Аристов, 1877, с. 9]. В ясах древнерусских летописей они видели аланов, что дало основание связать их происхождение с населением салтовской культуры [Спицын, 1909].

В 1902 г. на XII Археологическом съезде, который проходил в г. Харькове, В. А. Городцов высказал предположение о том, что Донецкое городище, расположенное вблизи этого города в половецкую эпоху, и было г. Шаруканью. Основанием для этого послужило утверждение одного старожила о том, что остатки данного поселения в былые времена "будто бы именовались Шаруканью" [Городцов, 1905в, с. 110].

Несколько оригинальным был подход В. В. Мавродина. Он считал, что "точное нанесение на карту Шарукани, Чешуева, Сугрова и Балина едва ли сейчас представляется возможным". Однако данное утверждение не помешало ему связать с Шаруканью Донецкое городище, где, по его мнению, обитало "смешанное яско-русско-тюркское население" [Мавродин, 1940, с. 214].

Б. А. Рыбаков также разделял мнение В. А. Городцова и В. В. Мавродина об идентичности Шарукани и Донецкого городища. А так как другой город — Сугров должен был находиться вблизи Шарукани, то Сугровым, по его мнению, являлось Каганово (Кабаново) городище. Связать летописный Балин с каким-либо археологическим объектом он не решился [Рыбаков, 1952, с. 20—25].

Совершенно противоположных взглядов по данному вопросу придерживались М. В. Сибилев и К. В. Кудряшов. Они не пренебрегали данными археологии, но в своих выводах опирались прежде всего на текст древнерусских летописей и на знание местности, где происходили описываемые события. К. В. Кудряшов попытался полностью восстановить во времени поход 1111 г. По его мнению, войско Мономаха вышло из г. Переяславля 26 февраля и достигло Ворсклы 7 марта, 8 марта оно находилось уже в Половецкой степи. Он особо выделяет сообщение летописи о том, что русские подошли к Шарукани вечером, а на следующий день "в неделю" местные жители "выидоши из города, и поклонишася". К. В. Кудряшов полностью согласен с мнением А. А. Шахматова, что переписчиком была допущена ошибка и вместо

"в неделю выидоша из города" стояло, вероятно, "в ночь выидоша", с чем согласуется и весь последующий летописный текст [Шахматов, 1916, т. I, с. 338]. Таким образом, Шарукань была захвачена вечером во вторник 21 марта, а Сутров — в среду 22 марта.

На путь от Ворсклы до "Дона", где находилась Шарукань, по мнению К. В. Кудряшова, понадобилось бы 12 дней (8—19 марта), т. е. воины Мономаха могли пройти за этот период около 250 верст. От р. Ворсклы до г. Змиева — 140 верст, а от Змиева до Изюмского переезда — 95. Из этого следует, что Шарукань и Сутров находились в непосредственной близости от современного г. Изюма, т. е. в среднем течении Донца, на 100 верст южнее Харькова.

После взятия Шарукани и Сутрова произошло сражение воинов Мономаха с половцами на потоке Дегея. Это могло быть 24 марта (в пятницу). В понедельник, 27 марта состоялась битва на р. Сальнице. Местонахождение этой реки четко определяется благодаря анализу двух фрагментов, содержащихся в "Книге Большому Чертежу". Там сказано, что р. Сальница впадает в р. Донец не только ниже г. Изюма, но и выше р. Изюма, т. е. между ними [КБЧ., 1950, с. 76]. Как известно, на потоке Дегея состоялась первая битва, а на р. Сальнице — вторая, в результате чего половцы были разбиты. Определить местоположение Дегея трудно, а нахождение р. Сальницы под Изюмом ни у кого не вызывает сомнения (рис. 26).

По мнению М. В. Сибилева, русские после победы на Дегее, узнав о приближении основных сил половцев, стали отходить назад, на р. Сальницу, в удобную для защиты местность, где впоследствии окончательно разгромили половцев. В этом отступлении М. В. Сибилев видел военную операцию, блестяще задуманную и осуществленную Владимиром Мономахом и его сподвижниками. Исходя из этого, Шарукань, Сутров и Балин следует искать южнее г. Изюма, всего в нескольких десятках километров от него. М. В. Сибилев считал, что Шарукань — это Теплинское городище, Сутров — Сидоровское, а остатки третьего города — Балина — Маяцкое городище. Расстояния между Теплинским и Сидоровским городищами равно 10 км, что, по мнению М. В. Сибилева, составляло половину одного перехода (рис. 25). Таково мнение М. В. Сибилева и К. В. Кудряшова относительно локализации трех половецких городов [Кудряшов, 1948, с. 112—121; Сибильов, 1950, с. 99—114]. В среднем течении Северского Донца также локализовал половецкие центры и Б. А. Шрамко. Однако его предположение несколько отлично от версии М. В. Сибилева и К. В. Кудряшова. Сутров он поместил в устье р. Айдара, а Шарукань — у устья р. Красной. Основанием для этого послужили сведения, почерпнутые им из карты, которая прилагалась к книге А. И. Мусина-Пушкина "Исторические исследования о местоположении древнего Российского

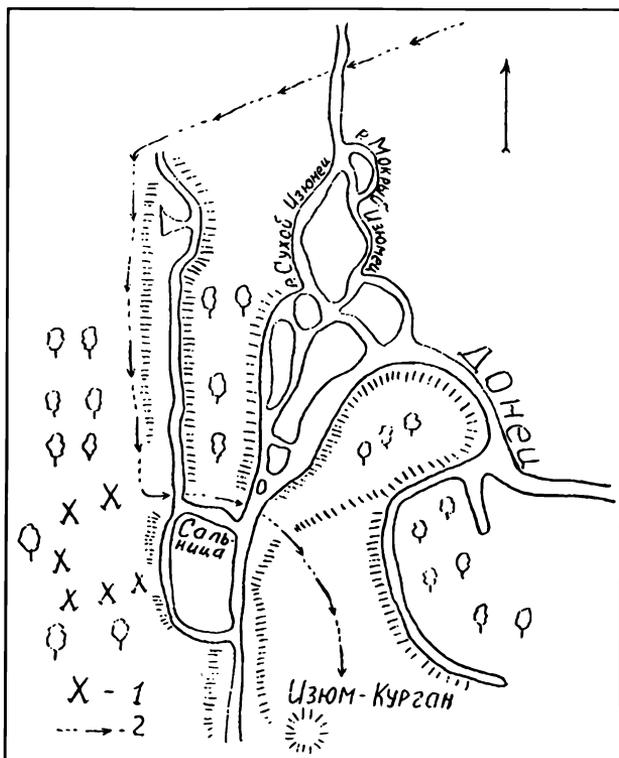

Рис. 26. Локализация р. Сальницы (по М. В. Сибилеву):
 1 — место битвы Владимира Мономаха в 1111 г. ;
 2 — путь войска Игоря Северского в 1185 г.

Тмутараканского княжения" (1794 г.). Как отметил Б. А. Шрамко, "эти указания следует принимать во внимание, учитывая, что П. И. Мусин-Пушкин был обладателем прекрасного собрания старинных рукописей и мог пользоваться источниками, которые не сохранились до наших дней" [Шрамко, 1962, с. 329].

Совершенно не согласна с выводами М. В. Сибилева и К. В. Кудряшова С. А. Плетнева. Она считает неподтвержденным "возвращение князей из степной глубинки после взятия городков". Данный исследователь отмечает, что битвы с половцами не могли происходить на обратном пути (рис. 25), ибо это не соответствует решению князей на Долобском съезде. В 1111 г. русские князья приняли решение вытеснить половцев с их зимовищ, которые располагались почти вплотную

к русской границе. Исходя из этого она локализовала Шарукань на месте Чугуева, Сугров — на месте Змиева, а Балин связала с укрепленным поселением XII в. у с. Гайдары [Плетнева, 1990б, с. 60—62].

Если принять во внимание данную версию, то можно предположить, что войско Владимира Мономаха достигло р. Северский Донец не во вторник "в 6 неделю поста", т. е. 19 марта, как сказано в Ипатьевской летописи, а на неделю раньше, 12 марта, что соответствует данным Воскресенской летописи. В ночь с 7 на 8 марта войско Мономаха форсировало р. Ворсклу, а 12 марта могло прибыть к р. Северский Донец. За такой короткий период дойти до района современного г. Изюма войско Руси просто не смогло бы. Из этого следует, что искать половецкие города Шарукань и Сугров следует не возле г. Изюма, а под г. Харьковом.

Расхождения между Ипатьевской и Воскресенской летописями о дате прибытия войска Мономаха на берега "Дона" (Северского Донца. — О. Б.) значительно осложняют разрешение данной проблемы. В связи с этим неожиданным является подход Н. Я. Аристова. Он считал ошибочным известие Ипатьевской летописи о прибытии войска Мономаха на "Дон" (Донец) на 6-ой неделе поста и на основании этого он помещает Шарукань в районе современного г. Харькова, на месте г. Чугуева. По мнению Н. Я. Аристова, сообщение летописи о том, что к Сугрову пришли "завтра в среду", нужно трактовать как "в среду утром". А из этого следует, что Сугров находился от Шарукани на расстоянии не одного дневного перехода, а трех. Это дало основание Н. Я. Аристову локализовать Сугров в районе современного г. Изюма [Аристов, 1877, с. 8—11].

В конечном итоге не ясно, где содержится достоверная информация — в Ипатьевской или Воскресенской летописи. Вполне закономерен вывод, что решить данную проблему на основании только данных письменных источников не представляется возможным.

Решить вопросы, связанные с локализацией ясов в южнорусских степях, невозможно без данных археологии. Несколько десятилетий тому С. А. Плетнева попыталась выделить среди памятников кочевников, получивших распространение в бассейне Северского Донца в X — начале XIII вв., следы присутствия салтовского населения. Данный тип памятников получил название "погребения 5-ой группы". Эти погребения располагались на Северском Донце в районе распространения памятников салтовской культуры. Для них были характерны следующие общие с погребениями носителей салтовской культуры черты: а) одинаковая ориентировка погребенных; б) наличие камышевой подстилки; в) присутствие извести, углей и керамики; г) редкие подбои [Плетнева, 1958, с. 181—186].

Г. А. Федоров-Давыдов подверг критике выводы С. А. Плетневой и доказал, что черты, присущие памятникам этой группы, были в XI—XIII вв. распространены среди кочевников далеко за пределами бассейна Северского Донца [Федоров-Давыдов, 1966, с. 163—165]. Исходя из этого, погребения 5-ой группы в бассейне Северского Донца нельзя связывать с потомками салтовского населения. То, что это так, подтверждает анализ письменных источников, в которых содержится информация о южнорусских ясах.

Как отмечалось выше, Ю. А. Кулаковский, анализируя сообщение летописи о походе 1111 г., где речь идет о жителях Шарукани, которые встретили в день поста русских вином и рыбой, пришел к выводу, что население этого города было представлено христианами [Кулаковский, 18986, с. 17—18]. Таким образом, на основании этого мы можем прийти к выводу, что ясами в XI—XII вв. в южнорусских степях могли быть оставлены погребения, совершенные по христианскому обряду. Христианские захоронения в то время совершались в неглубоких ямах. Умерших погребали в вытянутом положении на спине, головой на запад. Для них было характерно отсутствие курганных насыпей и инвентаря. В XI—XII вв. христианское население южнорусских степей могло быть представлено только славянами и ясами. Выделить яские погребения из общей массы христианских захоронений той эпохи можно, опираясь, в первую очередь, лишь только на данные антропологии.

Возможно, что по христианскому обряду были совершены некоторые захоронения в бассейне Северского Донца на могильниках у сел Сидорово и Маяки, на которых в половецкую эпоху продолжало обитать прежнее салтовское население. Из 11 погребений, обнаруженных на Сидоровском могильнике, 6 могли являться христианскими (табл. III).

Эти погребения были совершены в менее глубоких ямах, чем погребения хазарского периода. Найденные на территории Сидоровского городища четырехконечные железные кресты позволяют вспомнить выводы Ю. А. Кулаковского о христианском населении половецких городов. Аналогичная картина наблюдается на Маяках. Из 69 погребений, обнаруженных там, 13 соответствовали канонам Восточной христианской церкви (табл. III). Данный тип захоронений (рис. 27) встречается там на территории, которая была заселена в хазарскую эпоху. Это свидетельствует об их более позднем происхождении [Михеев, 1985, с. 23; Копыл, Татаринов, 1979, с. 29].

О распространении христианства среди обитателей Среднего Подончья в эпоху Древней Руси могут свидетельствовать также данные, полученные при исследовании некрополя у х. Зливки [24, с. 19]. Кроме классического могильника салтовской культуры, здесь был обнаружен

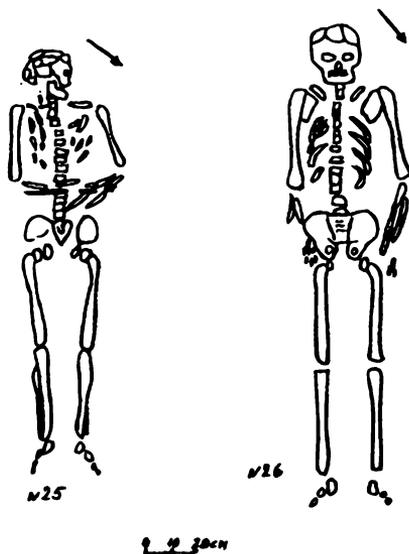

Рис. 27. Поздние захоронения могильника у с. Маяки Донецкой обл.
(по С. И. Татарину)

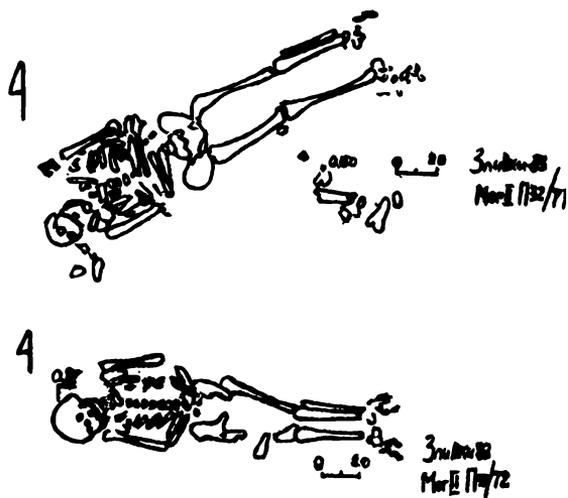

Рис. 28. Поздние захоронения Злывкинського могильника
(по М. Л. Швецову)

могильник XII—XIII вв., где погребения во многих чертах походили на синхронные им захоронения Древней Руси (рис. 28).

Жизнь на салтовских поселениях Среднего Подонечья не прерывалась и в послехазарскую эпоху, о чем может свидетельствовать наличие не только более поздних некрополей. Так, при обследовании городища у с. Маяки были обнаружены обломки амфор с рифленной поверхностью, аналогичных саркельским IX—XII вв. Там же в подъемном материале были найдены фрагменты амфор и обломок ручки красноглиняного кувшина, фрагмент венчика кухонного горшка эпохи Киевской Руси. Все находки относятся к X—XIII вв. [18, с. 13].

Кроме того, В. К. Михееву в 1979 г. удалось исследовать участок на Теплинском городище, расположенном вблизи Сидоровского и Маяцкого поселений. Был раскопан один из курганов поздних кочевников около Теплинского городища. В итоге удалось установить, что данное поселение возникло в хазарскую эпоху и продолжало существовать во времена Киевской Руси как кочевнический зимовник, очевидно половецкий [19, с. 5, 11—12].

Менее изученным в археологическом отношении оказался район, непосредственно примыкающий к г. Харькову. Тем не менее культурный слой, обнаруженный на Донецком и Чугуевском городищах, говорит в пользу того, что там в VIII—X вв. существовало население, связанное своим происхождением с роменской культурой. Жизнь на данных укрепленных поселениях не прерывалась и в эпоху Киевской Руси. Находившееся вблизи них Каганово (Кабаново) городище предоставило исследователям пока лишь фрагменты салтовской керамики. Сведения о том, что жизнь на данном поселении продолжалась в эпоху Киевской Руси, нет. Результаты разведок у с. Гайдары показали, что здесь в хазарскую эпоху существовало неукрепленное поселение салтовского типа, а во времена Киевской Руси — городище. На последнем была найдена древнерусская керамика, что однако не свидетельствует о наличии здесь в XI—XII вв. только славянского населения. Совершенно неизученным оказалось расположенное рядом Змеевское городище [Шрамко, 1977, с. 73, 137—138].

Казалось бы, данные археологии свидетельствуют в пользу отождествления Теплинского, Сидоровского и Маяцкого городищ с летописными городами Шаруканью, Сугровым и Балином. Об этом же свидетельствует и факт существования населения на данных поселениях не только в хазарскую, но и в половецкую эпохи. Упомянутые городища возникли как укрепленные поселения салтовской культуры в VIII в. и жизнь на них не прекращалась до XII в., о чем свидетельствует подъемный материал. Резкой смены населения на указанных поселениях не было зафиксировано. На могильниках Среднего Подонечья, относящихся к XI—XII вв., было отмечено существование близких по об-

сящихся к XI—XII вв., было отмечено существование близких по обряду к христианским захоронений, что вполне согласуется с выводами Ю. А. Кулаковского о христианском населении Шарукани. Однако не стоит забывать, что неизученными остаются поселения XI—XII вв. вблизи г. Харькова. Вполне вероятно, что и в данном районе в половецкую эпоху продолжало существовать салтовское население, которое по своему вероисповеданию могло быть христианским.

Несмотря на вышеуказанное, хочется отметить, что версия К. В. Кудряшова и М. В. Сибилева об отождествлении Шарукани, Сугрова и Балина с Теплинским, Сидоровским и Маяцким городищами не согласуется с данными летописей. Ибо известно, что жизнь на этих поселениях не прерывалась с хазарской эпохи вплоть до XIV в. В противовес этому в тексте древнерусской летописи сказано, что Ярополк в 1116 г. захватил укрепленные пункты половцев и переселил на Русь яское население этих городов. После 1116 г. половецкие центры Шарукань, Сугров и Балин более не упоминаются. В 1120 г. снова "Ярополк ходи на половци за Дон, и не обрете их, и возвратися". Это заставляет полагать, что в результате похода 1116 г. упомянутые города перестали существовать, ибо основу их населения составляли ясы. Городища же в среднем течении Северского Донца функционировали и после 1116 г., что в конечном итоге исключает данный район из числа тех мест, где мог находиться летописный город Шарукань. Отсюда следует вывод, что локализовать города Шарукань и Сугров резоннее вблизи современного г. Харькова.

В связи с этим особый интерес представляет славянизированная форма названия Шарукани, известного в летописях как "Чешуев". По мнению О. Прицака, Чешуев является переводом родового имени половецких ханов "Шарукан", что на языке половцев значит "дракон" [Pritsak, 1982, p. 379]. В 1116 г. в последний раз упоминается летописью на Дону-Донце г. Чешуев (Шарукань), а во второй половине XII в. на Донце начинает фигурировать Змеевское городище. Как свидетельствует летопись, новгород-северский князь Игорь Святославович, ведя борьбу против половцев, использовал ряд городищ вдоль Донца, среди которых было и Змеевское [Ипат. л., 1843, с. 129—132]. Исходя из этого, можно предположить, что Змеевское городище возникло на месте половецкого центра Чешуева, о чем свидетельствует название нового укрепленного пункта Руси. Однако во время татаро-монгольского нашествия городище было уничтожено, подтверждением чего является факт отсутствия названия "Змеево городище" в документах татарской эпохи. Лишь во второй половине XVI в. на этом месте упоминается Змеевский сторожевой пост. В царском указе 1571 г. отмечен путь сторожевых разъездов от Путивля до р. Мжи и вниз к "Змееву кургану" [Городские поселения, 1865, с. 353]. В XVII в. в "Книге Большому Чертежу" упоминается Змеево городище и Змеев

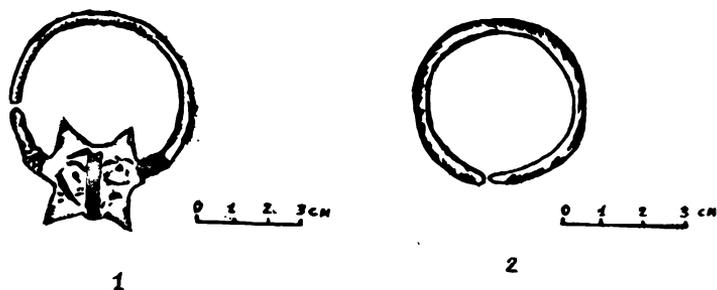

Рис. 29. Серебряные серьги из захоронений могильника у с. Гайдары Харьковской обл. (по В. К. Михееву)

курган, расположенные на берегу Донца, на территории, прилегавшей к современному г. Харькову [КБЧ, 1950, с. 74]. Созвучие названий "Чешуев" и "Змеево городище" вполне очевидно. Исходя из этого можно с определенной долей уверенности видеть в Змеевом городище остатки половецкого центра, известного в летописях под именем Шарукань (Чешуев). Вполне вероятно, что память о Чешуеве сохранилась в названии современного Змиева, расположенного там же.

В связи с этим особый интерес представляют результаты археологических исследований городища и некрополя у с. Гайдары, находящихся неподалеку от г. Змиева. В 1993 г. данный памятник исследовался В. К. Михеевым и А. Г. Дьяченко. В результате удалось установить, что поселение функционировало преимущественно в XII в., о чем свидетельствуют находки древнерусской керамики этого же времени. В непосредственной близости от городища находился могильник, где погребения были совершены по христианскому обряду. Из данных захоронений особо примечательными оказались два погребения женщин, сопровождавшиеся серебряными серьгами (рис. 29), которые находят аналогии в украшениях кочевников XI—XII вв. [Плетнева, 1981, с. 216, 261, рис. 84, 1; Артамонова, 1963, с. 86, 142—144, рис. 98, 1]¹. К сожалению, пока трудно сказать, кто были обитатели Гайдар. Сочетание на данном памятнике черт, присущих славянским памятникам (древнерусская керамика) и древностям кочевников (серебряные серьги), затрудняет разрешение проблемы. В то же время существование христианского некрополя позволяет вспомнить, что христианами в бассейне Северского Донца в XII в. являлись не только славяне, но и ясы.

¹ Выражаю благодарность В. К. Михееву и А. Г. Дьяченко за предоставленную информацию.

Данные топонимики также позволяют локализовать аланов-ясов в данном регионе. Известно, что тюркоязычные обитатели восточноевропейских степей называли аланов асами. Исходя из этого можно объяснить многие гидронимы и топонимы. К числу этих гидронимов можно отнести название р. Оскол, которое И. Г. Добродомов переводит с тюркских языков как "река асов". Вполне логичным поэтому кажется предположение, что "название реки по живущему в ее бассейне народу естественнее в устах соседей, чем в устах этого народа". К этому следует добавить, что географический термин *qol* (река, долина) связан с тюркскими языками и на ирано-аланской почве не прослеживается. По мнению И. Г. Добродомова, в русской язык тюркский гидроним *asqol* попал в то время, когда переход "о" в "а" во втором слоге еще не закончился и звук "о" по степени его открытости приблизился к славянскому открытому "о", но не совпал с "а". Это изменение было вызвано слиянием двух составных частей словосочетания в единое сложное слово. Начальное же "а" в тюркском гидрониме "Аскол" являлось безударным и поэтому восточные славяне восприняли его как "о" [Добродомов, 1988, с. 81–91].

Кроме того, И. Г. Добродомов сделал одно немаловажное наблюдение относительно последовательности заселения бассейна Оскола и прилегающих территорий аланским и тюркоязычным населением. По мнению данного исследователя, турки-булгары назвали эту реку по населению, которое предшествовало их приходу в эти места. Из этого последовал вывод, что аланская культура в этих местах древнее, чем болгарская [Добродомов, 1989, с. 17].

Аналогичным образом И. Г. Добродомов охарактеризовал название "Ворскла". Во второй части гидронима "Ворс-кла" он видит тот же тюркский элемент, что и в названии "Оскол". Происхождение первой части данного наименования он связывает с сарматским племенем аорсов. В итоге Ворскла должна означать - "река аорсов". Исследователь полагает, что "судя по ударению на начальном слоге и появлению в самом его начале приставочного (протетического) "В" — это название было сформировано на болгарской почве" [Добродомов, 1989, с. 17–18].

Необходимо подчеркнуть, что поход 1116 г. явился причиной упадка алано-половецких центров, находившихся в верхнем течении Северского Донца, в непосредственной близости от границ древнерусских княжеств. И тем не менее данные археологии свидетельствуют в пользу того, что южнее отмеченного района, в среднем течении Северского Донца вплоть до XIV в. продолжали существовать поселения, населенные потомками салтовского населения предшествовавшей хазарской эпохи. Данная информация вполне согласуется со сведениями персидских авторов о восточноевропейских ясах.

Походы 1111 и 1116 гг. могли привести к тому, что алано-половецкое население пограничных с Русью районов в бассейне Северского Донца перестало представлять для древнерусских княжеств опасность. Надолго была ликвидирована угроза нападения на Русь половцев и их союзников. Как уже отмечалось в 1120 г. Ярополк снова ходил на половцев за Дон, и не найдя их, возвратился. Несмотря на это данные письменных источников и археологии свидетельствуют в пользу того, что яское население в среднем течении Северского Донца продолжало обитать вплоть до монгольского нашествия.

Антиполовецкая кампания Мономаха и его сыновей стала страшным ударом для половцев. Сын Шарукана хан Атрак (Отрок), которого Мономах загнал "в Обезы, за Железные врата", ушел в 1118 г. "в бедственном состоянии" с 40 тыс. воинов на службу к своему тестю, грузинскому царю Давиду IV [ПВЛ, 1846, с. 187]. Последний использовал придонцевских половцев в борьбе против турок-сельджуков и местных грузинских феодалов. Ушли ли с Атраком из Подончья на Кавказ ясы, неизвестно. После смерти грозного для половцев Владимира Мономаха, в конце 20-х годов XII в. Атрак вновь откочевал на берега Донца. Многие половцы не последовали за Атраком, а остались на Кавказе [Ипат. л., 1843, с. 716; Плетнева, 19906, с. 97]. Можно предположить, что в новом объединении придонцевских половцев значительное место могло принадлежать ясам. Преемником Атрака на Донце был хан Кончак, благодаря которому в придонцевских степях вновь возвысился род Шарукана. С. А. Плетнева считает, что Атрак был отцом Кончака, который родился спустя два десятилетия после того, как его отец хан Атрак вернулся на берега Донца в период 1126—1130 гг. [Плетнева, 19906, с. 156].

В 1185 г. против Кончака совершает свой поход новгород-северский князь Игорь. Данное событие нашло широкое освещение в древнерусской письменной традиции. Первое сражение с половцами для Руси имело удачные последствия. Воины Игоря разбили половцев у р. Сюрлий (рис. 30), в результате чего "половцы же пробегоша веже, и русь же дошедшие веж и ополонишася, друзии же ночь приехаша к полкам с полоном" [Ипат. л., 1843, с. 639—640]. В Лаврентьевской летописи захват половцевких "веж" описан более подробно и красочно [Лавр. л., 1846, стб. 397]. М. В. Сибилев, анализируя приведенные сообщения, пришел к выводу, что описываемые события происходили в 30 км южнее г. Изюма, недалеко от реки Голой Долины (Сюрлия). По его мнению, половцы бежали мимо своих городов, остатками, которых являются расположенные на берегах Донца Маяцкое, Сидоровское и Теплинское городища (рис. 31). От р. Сюрлия—Голой Долины на расстоянии 6 км находилось Теплинское городище, 8 км — Сидоровское и на расстоянии 16 км — Маяцкое [Сибильов, 1950, с. 109—110].

Рис. 30. Победа над половцами на р. Скуурлий в 1185 г.
Миниатюра Радзивилловской летописи

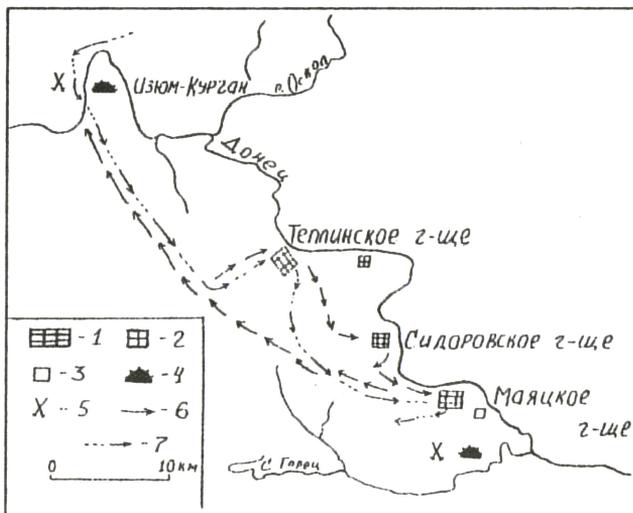

Рис. 31. Места битв древнерусских князей с половцами во время походов в 1111 и 1185 гг. (по М. В. Сибилеву):

- 1 — городище; 2 — селище; 3 — стоянка; 4 — курганы кочевников; 5 — места битв; 6 — путь Владимира Мономаха в 1111 г.; 7 — путь Игоря Северского в 1185 г.

М. В. Сибилева полностью поддерживает М. Ф. Гетманец, который считает, что при завершении боя Игорь поручил своим полкам развивать наступление в направлении этих городов. Полк Святослава вернулся позже других и оказался наиболее утомленным, что позволило предполагать, что он атаковал самое отдаленное Маяцкое поселение [Гетманец, 1989, с. 94]. Если принять во внимание, что половецкие вежи располагались вокруг упомянутых стационарных поселений, то приведенные предположения покажутся убедительными.

Данные археологии подтверждают версию М. В. Сибилева и М. Ф. Гетманца. Как отмечалось выше, упомянутые населенные пункты возникли в хазарскую эпоху и относятся к памятникам салтовской культуры. Кроме того, на Теплинском, Сидоровском и Маяцком городищах жизнь не прекращалась и во времена половцев, о чем свидетельствует найденный на поселениях инвентарь, имеющий аналогии в памятниках Древней Руси и поздних кочевников. Как установлено, на городищах не было резкой смены жителей. Обитатели этих укрепленных пунктов вплоть до XIV в. были представлены потомками салтовского населения [Михеев, 1985, с. 23].

Известно, что события 1185 г. легли в основу древнерусского эпического произведения “Слово о полку Игореве”. В связи с этим особый интерес представляют наблюдения К. Г. Менгеса, которому удалось выделить в лексике произведения слова явно иранского происхождения. К ним следует отнести: Донь, Дивь, богъ, Стрибогъ, касожьскыи, Хърсь и т. п. Как, отметил исследователь, данные термины могли являться древними заимствованиями или могли появиться в древнерусском языке уже в эпоху средневековья как результат контактов с аланами [Менгес, 1979, с. 191—196]. И в этом нет ничего удивительного, ибо в XII в. древнерусские князья очень часто совершали походы и набеги в Половецкую степь, где находились поселения аланов-ясов. Естественно это предполагало наличие контактов, в том числе и лингвистического характера.

О том, что ясы (асы) в XIII в. еще продолжали обитать на территории придонских половцев, свидетельствуют персидские историки. В их трудах повествуется о походах монголов против народов Восточной Европы. Асы, как реально существовавший народ, который находился в начале XIII в. в непосредственной близости от Руси и кипчаков, фигурирует в записях Джувейни (XIII в.), Рашид ад-Дина (XIII—XIV вв.), Казвини (XIV в.) и Йезди (XV в.) [Тизенгаузен, 1941, т. II, с. 21—22, 35—36, 90, 219, 144—145, 248]. Персидские авторы всегда помещают народ “ас” по соседству с Русью. Не может вызывать сомнения тот факт, что асы персидских авторов и ясы древнерусских летописей — это один и тот же народ, владения которого находились в непосредственной близости от древнерусских княжеств.

У Рашид ад-Дина содержится рассказ о том, как половецкий "эмир" Бачман и асский князь Качир-укулэ долго метались по южно-русским степям, спасаясь от преследовавших их монголов. В итоге они попали на берег Итиля (Волги. — О. Б.), где и были достигнуты преследователями. По мнению исследователя алано-монгольских отношений XIII—XIV вв. М. К. Джioева, в данном случае речь идет об аланах, живших в то время на берегах Волги [Джioев, 1982, с. 13]. Однако М. К. Джioев не учел сообщение Рашид ад-Дина о том, что половецкий "эмир" Бачман был из племени "ольбурик". О. Прицак считает, что представители правящей династии донецких половцев как раз и происходили из рода *Ölberü* — "ольбурик" [Pritsak, 1982, p. 369]. Это наводит на мысль, что в данном случае речь идет именно о племенном объединении придонских асов (ясов), которое к тому времени могло сохраниться в среднем течении Северского Донца.

В асах, упоминаемых Рашид ад-Дином, С. А. Плетнева также видит придонских ясов, однако при этом она считает, что племенное название "ольбурик" следует читать как "эльбури", т. е. объединение Бурчевичей, известных в восточных источниках под наименованием "бурдж-оглы". Исходя из этого в Бачмане, по мнению С. А. Плетневой, следует видеть предводителя приднепровских половцев. Параллельное упоминание Бурчевичей и асов должно навести на мысль об их проживании на одной территории. В данном случае речь может идти о локализации асов в степном междуречьи Донца и Днепра. Естественно возникает вопрос: каким образом два "эмира" со своим окружением попали из указанного региона на берега Волги. С. А. Плетнева объясняет это тем, что Бачман и Качир-укулэ долго метались по степям, в конечном итоге оказавшись в лесных массивах Волги. Если бы они действовали только в пределах нижеволжского района, монголы смогли бы их быстро окружить и уничтожить [Плетнева, 1990, с. 178—179].

Предположение о расселении асов в степях между Северским Донцом и Днепром возможно находит подтверждение в археологическом материале. Выше уже обращалось внимание на существование салтовского населения в среднем течении Северского Донца в половецкую эпоху. Аналогичным образом можно охарактеризовать и жителей степного Поднепровья.

Несколько десятилетий тому назад у с. Каменки Запорожской области был обнаружен и исследован могильник XI—XIII вв. (рис. 32), представленный 83 погребениями, которые были совершены по христианскому обряду. Редкий инвентарь, найденный в захоронениях, имеет аналогии среди вещей кочевников (рис. 33—34). Вполне вероятно, что могильник существовал на протяжении двух-трех столетий и был оставлен оседлым населением.

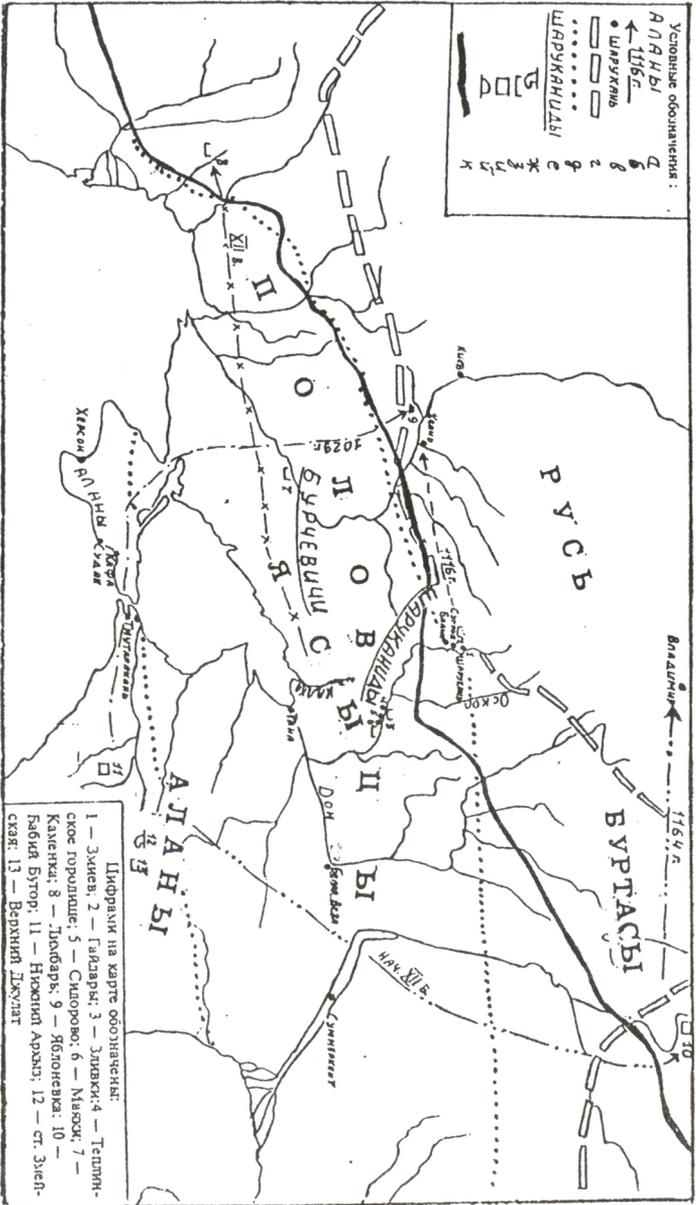

Рис. 32. Данные письменных и археологических источников о расселении и миграциях ираноязычного населения Восточной Европы в XI — начале XIII вв.:

а — названия народов; б — время и направление миграций ираноязычных племен; в — города с алано-яским населением; г — границы государств; д — границы распространения кочевий половцев (по С. А. Плигевской); е — крупные роды, пограничные с асами; ж — казачьи захоронения; з — грунтовые могильники; и — захоронения в каменных ящиках; й — курганные могильники; к — современная граница степи и лесостепи

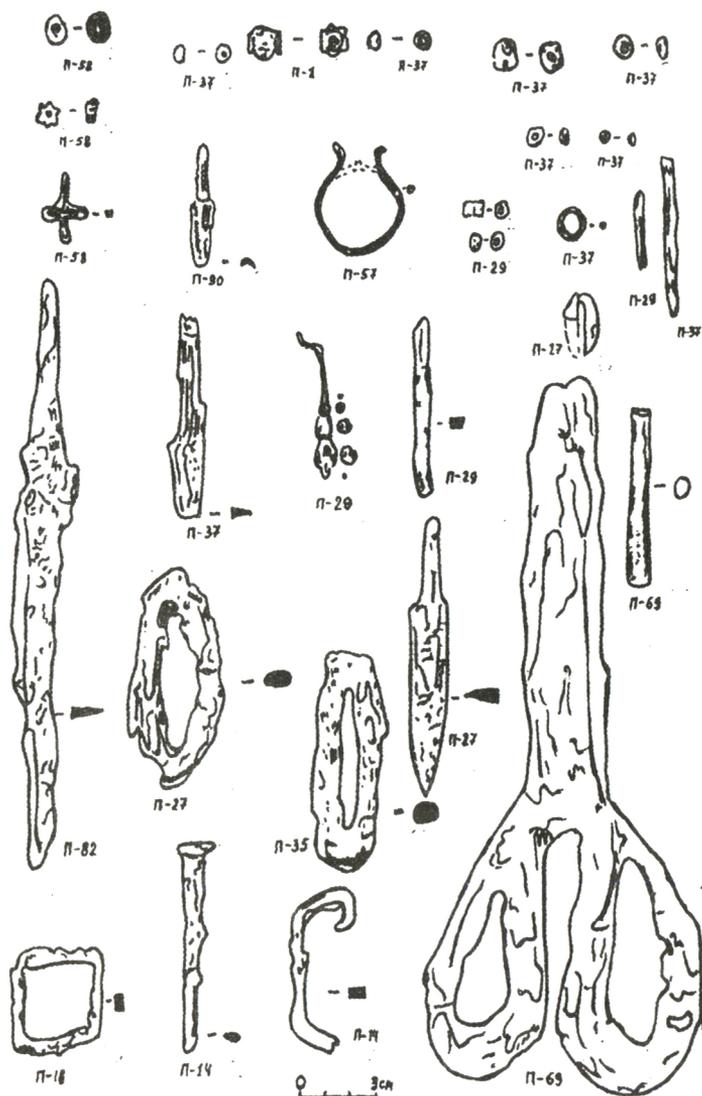

Рис. 33. Инвентарь из погребений могильника у с. Камски
Запорожской обл. (по Э. А. Сымоновичу)

Рис. 34. Костяная накладка от колчана из погребения №82
Каменского могильника (по Э. А. Сымоновичу)

Антропологический материал Каменского могильника, по заключению Г. Ф. Дебеца и Т. С. Кондукторовой, находит аналогии в краниологических сериях Зливкинского могильника салтовской культуры [Сымонович, 1956, с. 99—106]. Таким образом, версия о славянской принадлежности могильника является неубедительной. В связи с этим особый интерес представляет предположение С. А. Плетневой о том, что данный некрополь был оставлен ясами, потомками салтовского населения, которые к XI в. приняли христианство [Плетнева, 1958, с. 185].

Возможно, что свидетельством пребывания ираноязычных аланов-асов в степях Северного Приазовья является название р. Калки, которое в древнерусских документах иногда фигурирует в формах "Калакъ" и "Калькъ". Как считает Е. С. Отин, наименование Kalak следует рассматривать как сочетание общеевропейского корня Kal "черный" и аланского суффикса ak (ag), который служит для усиления значения [Отин, 1977, с. 9—15]. Имеются основания полагать, что данное наименование восточные славяне могли заимствовать непосредственно от иранцев. И это могло иметь место в эпоху средневековья.

Каменский могильник не единственный в степях Северного Причерноморья. Подобный ему некрополь был обнаружен у с. Лимбарь в Молдавии (рис. 32). Инвентарь, найденный лишь в нескольких погребениях, позволяет датировать могильник XII—XIV вв. Большинство погребений на могильнике были совершены в простых грунтовых ямах по христианскому обряду [Хынку, 1970]. М. С. Великанова отметила, что женские черепа из данных захоронений принадлежали долихокранам, а мужские — брахикранам. Первые находят аналогии среди краниологических серий местного славянского населения, а вторые, как и на Каменском могильнике, относятся к "зливкинскому" типу. Следует добавить, что данный могильник находился как раз в том районе, где письменные источники в XIV в. локализуют ясов [Великанова, 1975, с. 131—155].

Маловероятно, чтобы ясы (асы), упоминаемые в древнерусских летописях и персидских документах, могли исчезнуть, так и не пережив монгольского нашествия. Письменные источники монгольской эпохи ничего не сообщают о тотальном уничтожении половцев и их соседей асов. Данные археологии свидетельствуют, что жизнь на салтово-половецких поселениях не прекращалась и во времена Золотой Орды.

Глава VI

Я С Ы Н А Р У С И

Как следует из настоящего исследования, в эпоху средневековья славяне называли ясами ираноязычное население, независимо от того, происходило оно с территории Восточной Европы или с Северного Кавказа. Вполне возможно, что в формировании южнорусских ясов могли принять активное участие потомки тех ираноязычных обитателей, которые сохранились на просторах степей Восточной Европы со времен сарматской эпохи. Однако хорошо известно также, что в VIII в. с Северного Кавказа на территорию Восточной Европы мигрировала часть аланского населения. Вполне очевидно, что потомки восточноевропейских сарматов и северокавказских аланов приняли активное участие в создании салтовской культуры хазарского времени и внесли определенный вклад в формирование восточноевропейских этнических общностей эпохи средневековья. Не остались безучастными в этом процессе и восточные славяне, которые восприняли от восточноевропейских аланов-ясов многие элементы их культуры и впоследствии впитали в себя остатки данной этнической общности. Однако имевшее место в первой половине XIII в. вторжение монголо-татар прервало данный процесс.

В современной исторической науке относительно существования интенсивных этнокультурных связей между ираноязычными насельниками Восточной Европы и славянским населением имеются два мнения. Ярким представителем первого является Б. А. Рыбаков, который считает, что прямые контакты между предками восточных славян и скифами установились еще в I тыс. до н. э. на территории, прилегавшей к Среднему Поднепровью, где, по мнению данного исследователя, уже тогда обитало славянское население. Подтверждение этого он видит в материальной культуре обитателей Среднего Поднепровья. Ведь она несет на себе немало скифских черт. Кроме того, Б. А. Рыбаков полагает, что именно в то время в восточнославянские языки проникли слова скифского происхождения: топор, собака и т. п. [Рыбаков, 1979; 1987, с. 26—27; 1988, с. 8—72].

В несколько ином аспекте данную проблему видит В. В. Седов. Он считает, что этот процесс имел место несколько позже. Результаты

иранского влияния, по его мнению, проявились в языковых материалах и во многих элементах духовной и материальной культуры той части славянского населения, которая находилась в непосредственной близости от иранцев. Все это дало основание исследователю говорить о славяно-иранском симбиозе, который имел место в первой половине I тыс. н. э. и был ограничен Северным Причерноморьем, т. е. речь идет о процессе, происходившем в среде носителей черняховской культуры. В. В. Седов допускает, что слияние южной части восточных славян с северо-западной группой иранцев могло иметь место и во второй половине I тыс. н. э., однако при этом он считает, что "в то время имели место лишь локальные пограничные контакты между отдельными славянскими племенами и остатками ираноязычного населения" [Седов, 1979, с. 98—100].

Однако из контекста настоящего исследования вытекает, что на протяжении всего средневековья в Восточной Европе существовало ираноязычное население. Данные археологии и письменных источников позволяют предполагать, что во второй половине I тыс. н. э. в степной и лесостепной зонах Восточной Европы продолжали сосуществовать славяне и ираноязычные общности. Быть может ярким подтверждением этого являются сведения об антах, которые впервые упоминаются в VI в. готским историком Иорданом. Он сообщает, что анты обитали в степном междуречье Днестра и Днестра [Иордан, 1960, с. 72].

Многие исследователи традиционно связывают антов со славянами, забывая при этом, что данный этноним не находит объяснения в славянских языках. Гораздо более предпочтительной представляется версия об иранском происхождении термина "анты". Можно согласиться с мнением Ф. П. Филина, который считает, что слово "анти" созвучно с древнеиранскими словами *antas* (конец, край), *antyas* (находящийся на краю) и осетинским *attiya* (задний, позади). Исходя из этого, по мнению исследователя, значение слова "анти" следует переводить как "живущий на украине, пограничный житель" [Филин, 1962, с. 60]. Вполне возможно, что под названием "анти" первоначально скрывалось ираноязычное население, находившееся в непосредственной близости от восточных славян, что в конечном итоге могло привести к их политическому объединению и перенесению данного этнонима на часть славянских жителей.

В VIII в. в лесостепное Подонье проникают кавказские аланы, которые могли быть известны у восточных авторов под названием буртасов. С ними связывают распространение в Подонье катакомбных захоронений, а с их соседями — славянами — подкурганых трупосожжений. Как отмечают исследователи, между славянами и аланами с самого начала установились дружественные отношения. По мнению

А. З. Винникова, "и те, и другие в новых для себя условиях донской лесостепи в общении друг с другом взаимно вырабатывали "некоторые необходимые элементы материальной культуры". Подтверждение этого мы находим в факте сосуществования на славянских поселениях керамических изделий славянского и салтовского типов, а также полуземляных построек с печами-каменками и жилищ с открытыми очагами [Винников, 1984, с. 178—179; 1992, с. 55]. Кроме того, А. З. Винников и С. А. Плетнева полагают, что определенная часть салтовского населения могла переселиться в среду восточных славян. Об этом, по их мнению, свидетельствует распространение на славянских некрополях под курганными насыпями трупосожжений, помещенных в кувшины и горшки, изготовленные в районах салтовской культуры. Из всех могильников хазарской эпохи в верховьях Дона особо показателен в этом отношении I Белогорский могильник, которому присущи и другие особенности [Винников, 1984, с. 180; Плетнева, 1989, с. 282—283]. С. А. Плетнева также считает, что свидетельством данного процесса является существование в XI—XIII вв. в местах расселения восточных славян на Дону городищ, обнесенных земляным валом и сооружавшихся по плану, который соблюдался при строительстве салтовских городищ VIII—IX вв. [Плетнева, 1964а, с. 24—33; 1989, с. 282—283].

Однако население Верхнего Подонья, подвергшееся влиянию носителей салтовской культуры, просуществовало на данной территории только до XI в. Именно в это время жизнь на указанных поселениях прекратилась вследствие причин, до конца не выясненных. Вполне вероятно, что носителей борщевской культуры постигла та же участь, что и большинство салтовского населения в Среднем Подонье, — они продвинулись в район Средней Волги [Алихова, 1959, с. 13—54; Винников, 1992, с. 56].

Вполне возможно, что в создании древнерусского государства приняли активное участие не только славяне, но и иранцы. В 945 г. киевский князь Игорь через своих посланников подписывает договор с Византией. Среди славянских вождей, принявших участие в этом дипломатическом акте, были лица с именами явно неславянского происхождения: Сфаньдръ, Прастень, Истръ, Фрастенъ и др. [Радзив. л., 1989, с. 25]. По мнению А. Калмыкова, эти имена носят явно иранский характер [Калмыков, 1925, р. 68—71]. Вполне возможно, что в данном случае речь идет о выходцах из Восточной Европы, а не с Кавказа, где в эпоху средневековья существовал значительный массив ираноязычного населения.

По-видимому, на Руси впервые познакомились с ясами Нижнего Дона и Предкавказья во время похода Святослава против хазар, имевшего место в 965 г. (6473 г.). Новгородская первая летопись сообщает,

что древнерусский князь “ясы победи и касоги и приведе Киеву” [Новгор. I л., 1950, с. 117]. Патриаршая (Никоновская) же летопись относительно ясов уточняет: “...и приведе к Киеву” [Патр. л., 1859, с. 31]. Данный фрагмент Д. С. Лихачев предложил трактовать как свидетельство того, что ясы были приведены в зависимость от Киева [ПВЛ, 1950, ч. II, с. 311]. Однако упомянутые отрывки можно рассматривать и как указание на то, что Святослав мог переселить ясов на Русь. В связи с этим особый интерес представляют обнаруженные на территории Киева погребения салтовского типа в катакомбах, но совершенные по обряду кремации. Характерно, что обожженные кости были помещены в горшки. Однако сочетание трупосожжения и катакомбного склепа не характерно для салтовских памятников. Тем не менее на территории Киева было зафиксировано также простое погребение, “при котором обнаружен горшок, сходный с керамикой Верхне-Салтовского могильника” [Каргер, 1958, т. I, с. 136—137].

Впоследствии владения Руси вплотную приблизились к территории Кавказской Алании. В XI в. на Таманском полуострове, вблизи от западнокавказских аланов-асов существовало Тмутараканское княжество, основанное древнерусскими князьями. В 1026 г. (6534 г.). Ярослав Мудрый заключил мир со своим братом Мстиславом, известным своей деятельностью среди касогов (адыгов). Именно с этим фактом следует связывать сообщение V Новгородской летописи от 1029 г. (6537 г.): “Ярослав ходи на ясы и взять их” [Новг. V л., 1917, с. 116]. По мнению В. Н. Татищева, Ярослав поселил ясов на р. Рось, где незадолго до этого им были основаны города Корсунь, Богуслав, Юрьев. Именно таким путем Русь постоянно стремилась обезопасить свои южные рубежи от набегов кочевников [Татищев, 1963, т. II, с. 350]. Быть может, с миграцией этого северокавказского населения следует связывать наличие в некоторых курганных захоронениях XI—XIII вв., обнаруженных близ с. Яблоневки в Поросье, инвентаря, который находит прямые аналогии на Змейском катакомбном могильнике [Орлов, Моця, Покас, 1985, с. 55—56]. Характерно, что об этом переселении упоминает только V Новгородская летопись, из чего следует, что данная миграция не носила массового характера. Иным было переселение ясов на Русь в 1116 г.

События 1116 г. явились переломными для донецких ясов, ибо тогда Ярополк совершил поход в Половецкую степь и привел с собой на Русь ясов [Воскр. л., 1859, с. 24; Лавр. л., 1846, с. 299]. Ярополк в то время был князем Переяславской земли, владения которой располагались на южных рубежах Руси. Пустующие земли княжества заселялись пришлым населением с целью защитить границу Руси со степью от участвовавших набегов половцев. В том же 1116 г., до похода на “Дон”, Ярополк принимал участие в войне с Глебом Минским, который был

побежден Владимиром Мономахом и поставлен в зависимость от него. Во время этой войны Ярополк взял г. Дрютск, жители которого были отведены в Переяславские земли и поселены во вновь отстроенном на низовьях р. Сулы г. Желни [Ипат. л., 1843, с. 203; Лавр. л., 1846, с. 276; Воскр. л., 1856, с. 24]. Естественно предположить, что такая участь постигла и придонецких ясов. В связи с этим особый интерес представляют отдельные захоронения на христианском могильнике времен Древней Руси, относящемуся к летописному г. Желни на р. Суле. Таких погребений было больше 40. Они представляли собой захоронения в гробах, ориентированные с запада на восток. Там в анатомическом порядке лежали только нижние конечности скелета, а вместо туловища — разбросанные кости черепа, челюсть и т. п. Над деревянной крышкой гробов были обнаружены кости животных [Рутківська, 1972, с. 52]. Языческие черты в данном погребальном обряде заставляют нас вспомнить, что они были особенно типичны для салтовского населения бассейна Северского Донца.

Можно полностью согласиться с мнением Н. Костомарова и В. Ляскоронского, что взятые с ясскою княжною пленники были поселены Ярополком в его владениях, на землях Переяславского княжества [Костомаров, 1872, т. I, с. 186; Ляскоронский, 1897, с. 322]. У нас имеются основания говорить о массовой миграции ясов на Русь, ибо переселение незначительного количества донецкого населения не могло бы найти отражение в летописях.

В 1132 г. умер Мстислав I и киевским князем стал Ярополк Владимирович. Однако княжил он недолго. Ярополк умер в 1139 г. Летопись сообщает, что в 1116 г. Ярополк привел с собой пленницу, дочь ясского князя (рис. 35), которая впоследствии стала его женой [Ипат. л., 1843, с. 8]. Именно эта женщина упоминается в Киеве под 1145 г. Она известна нам как Елена Яска. Летопись о ней сообщает следующее: "В то же лето перенесе благоверная княгиня Олена Яска князя своего Ярополка на гробнице в церковь святого Андрея, и положи его у Янки" [Ипат. л., 1843, с. 21]. Елена Яска была женою князя Ярополка. Однако она не была единственной представительницей ясов, которые занимали на Руси высокое социальное положение. Ясы долгое время находились и при владими́ро-суздальском дворе преемников Мономаха. В 1175 г. был убит Андрей Боголюбский (рис. 36). Среди убийц был и Анбал (Амбал) Ясин. Он разбогател на службе у Андрея Боголюбского, ибо "ключ держашеть у всего дому княжа, и надо всеми волю ему дал бьяшать" [Ипат. л., 1843, с. 114]. Однако это не помешало Анбалу принять участие в заговоре бояр, в результате которого был убит Андрей Боголюбский. В отместку за это Анбал был повешен князем Всеволодом.

Рис. 35. Ярополк и его жена Ясныя при дворе Владимира Мономаха. Миниатюра Радзивилловской летописи

Рис. 36. Убийство Андрея Боголюбского. Миниатюра Радзивилловской летописи

Суздальский князь Всеволод Юрьевич был женат на яске, о чем свидетельствует летописное сообщение о событиях 1182 г.: "Князь Киевский Святослав Всеволодович ожени 2 сына, за Глеба поя Рюрикову, а за Мстислава Ясыню из Володимира Суждальского, Всеволожно свесть; бысть же брак велик" [Ипат. л., 1843, с. 125]. Отсюда вытекает, что сын киевского князя Святослава Всеволодовича Мстислав и суздальский князь Всеволод Юрьевич были женаты на двух сестрах, ясках по происхождению. Как звали жену Мстислава — неизвестно, а вот имя жены Всеволода не трудно установить. Летопись сообщает, что в 1205 г. "в 19 марта представеса великая княгиня Мария Всеволожная". В связи с этим "смоленский епископ и игумен Михаил Отроячиго монастыря, пришли бо бяху ко Всеволоду от свата его Мстислава о миру" [Воскр. л., 1856, с. 112].

Приведенные факты позволяют предполагать, что после того, как Ярополк в 1132 г. стал киевским князем, он переселил с Переяславля в Киев свою жену и ее родственников. Жена князя Ярополка была "яского князя дщерь". Поэтому нет ничего удивительного в том, что она и ее родственники занимали почетное положение на Руси. Суздальские князья являлись преемниками Мономаха, а это позволяет говорить о расселении ясов не только в Киеве, но и во Владимиро-Суздальской земле. Казалось бы, можно видеть в ясах, упоминаемых летописями в 1174 и 1182 г. потомков тех аланов, которых Ярополк в 1116 г. переселил с "Дона". Письменные источники не сообщают о каком-то массовом переселении аланов с Кавказа на Русь. Поэтому предположение некоторых исследователей о северокавказском происхождении ясов, упоминаемых на Руси, не являются убедительными [Новосельцев, 1968, с. 216]. Однако не все так просто, как кажется.

Существует на этот счет иное мнение. И. Г. Добродомов и А. Н. Карсанов полагают, что ясы, жившие на Руси во второй половине XII вв. являлись переселенцами со Средней Волги. Основанием для этого послужила информация летописи об успешном походе Андрея Боголюбского на Волжскую Булгарию в 1164 г., а также данные антропологии [Добродомов, 1993, с. 130—135; Карсанов, 1994, с. 385—397].

В связи с этим особый интерес представляют результаты раскопок могильника "Бабий Бугор" в Болгарах на Средней Волге. Как отметила исследовавшая памятник Е. А. Халикова, некрополь возник в XII в., после запустения существовавшего здесь болгарского поселка X—XI вв. и продолжал существовать в XIII—XIV вв. Могильник представлял собой христианское кладбище, где умерших хоронили в грунтовых ямах. В большинстве случаев использовались гробы, но без гвоздей. В 7 могилах из 218 внутри могильной ямы были зафиксированы каменные конструкции: вдоль стен и на дне. Иногда над костяками располагались большие и малые плиты из песчаника. В 10 случаях, в том числе в могилах с каменны-

ми обкладками, были обнаружены вводные разновременные захоронения в общую могильную яму [Халикова, 1978, с. 205—207].

По наблюдениям Т. А. Трофимовой, краниологические серии из Бабьего Бугра обнаруживают поразительное сходство с серией из Верхнего Салтова, а также известную близость с черепами понтийского типа из курганных могильников Северо-Западного Кавказа [Трофимова, 1956, с. 97—98]. К этому следует добавить, что результаты палеоантропологических исследований, проведенных В. П. Алексеевым на Северо-Западном Кавказе, свидетельствуют в пользу того, что там в предмонгольский период получили распространение долихокранные серии, аналогичные верхне-салтовским [Алексеев, 1993, с. 279—284]. По мнению Е. А. Халиковой, инвентарь и сама конструкция погребальных сооружений в виде каменных ящиков находят прямые аналогии на Северном Кавказе в Прикубанье [Халикова, 1978, с. 209]. В связи с этим уместно вспомнить информацию В. А. Кузнецова о том, что на западе и востоке Кавказской Алании в первые века II тыс. в погребальном обряде возобладали местные традиции и на смену погребениям в скальных и земляных катакомбах пришли захоронения в каменных ящиках [Кузнецов, 1973, с. 69—70].

Именно эти особенности позволили Е. А. Халиковой считать, что могильник “Бабий Бугор” был оставлен переселившимися в XII в. с Северного Кавказа аланами [Халикова, 1978, с. 210]. С этим можно полностью согласиться. Однако в сложившейся ситуации весьма проблематично видеть в переселенцах с Бабьего Бугра тех ясов, которые упоминаются летописями на Руси в конце XII в. Как уже отмечалось, данный могильник перестал функционировать только в XIV в. [Халикова, 1978, с. 206].

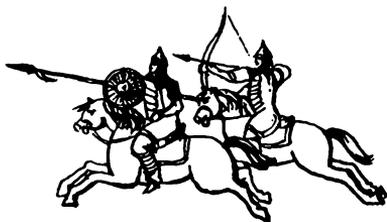
В последнее время исследователями неоднократно высказывалось предположение, что в эпоху средневековья на Средней Волге обитали аланы и были они известны в письменных источниках как буртасы. Характерно, что этническое наименование “буртасы” в древнерусских документах начинает фигурировать только лишь с XIII в. Буртасы впервые упоминаются среди народов Среднего Поволжья в “Слове о погибели Русской земли” [Бегунов, 1965, с. 183—184]. В связи с этим следует обратить внимание на то, что персидский историк Джувейни (XIII в.) в своем описании народов Восточной Европы между Волжской Булгарией и Русью помещает страну асов [Тизенгаузен, 1941, т. II, с. 22—24]. Буртасы он не упоминает. На фоне вышеизложенного возникает закономерный вопрос: не могли ли аланы-буртасы Среднего Поволжья фигурировать какое-то время под названием асов или ясов?

И. Г. Добродомов обратил внимание, что упомянутый летописями под 1175 г. Амбал Ясин в Ипатьевской летописи назван “Жидовином” [Ипат. л., 1843, с. 114—115]. В связи с этим вспоминается замечание П. Карпини, что “брутахи...слыгут иудеями” [Карпини, 1957, с. 72]. Исходя из этого можно предположить, что Амбал Ясин происходил из бур-

тасов, которые до X в. входили в число народов хазарского культурного круга. Амбал не мог являться выходцем из Кавказской Алании, ибо известно, что там христианство начало распространяться еще в X в. [Кулаковский, 18986]. Если бы он являлся христианином, то это нашло бы свое отражение в древнерусских летописях. О распространении христианства среди буртасов Средней Волги нам ничего не известно. Поэтому вполне возможно, что Амбал Ясин появился на Руси после похода Андрея Боголюбского на Волжскую Булгарию в 1164 г.

Как уже отмечалось, женами Мстислава, сына киевского князя Святослава Всеволодовича, и Всеволода Юрьевича, суздальского князя, были две сестры яски. Жену Всеволода звали Мария [Ипат. л., 1843, стб.125; Воскр. л., 1856, с. 112]. Относительно происхождения Марии в Новгородской первой и Тверской летописях сказано: “Мариа Всеволожна Шварновна, дщи кня Чешьского” [Новгор. I л., 1950, с. 468], “пострижся великаа Всеволожа Мариа, дщи Шварлова Ческого” [Твер. л., 1965, с. 1204]. Кем же являлись жены Мстислава и Всеволода — ясками или чешками, предстоит еще установить. В связи с этим особый интерес представляет информация П. Буткова о последствиях падения Византийской империи для народов Кавказа: “Светильник веры Евангельской угас в Осетии, в Зихии или в Кубанской Чехии, в Агхазии и других странах Кавказа...” [Бутков, 1825, с. 329]. В сложившейся ситуации весьма проблематичным выглядит происхождение этих женщин.

Таким образом, можно говорить о том, что ясы в Древней Руси представляли собой выходцев из южнорусских степей, Северного Кавказа, Средней Волги, а, возможно, даже с территории Чехии. Из текста летописей видно, что ясы на Руси вплоть до конца XII в. сохраняли свою этническую самобытность. Однако впоследствии имя ясов не упоминается и это понятно, ибо их постигла та же участь, что и их более ранних предшественников. Как отметил Н. И. Костомаров, “часть яского племени вошла в состав русского народа” [Костомаров, 1872, т. I, с. 186].

Глава VII

БУРТАСЫ И БРОДНИКИ В СТЕПЯХ ВОЛГО-ДУНАЙСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ (IX — начало XIII вв.)

Из контекста настоящего исследования следует, что во времена средневековья ираноязычное население южнорусских степей было известно европейским авторам как аланы. В древнерусских же летописях по отношению к этому населению с X до середины XII вв. использовался термин “ясы”. Персидские же историки, повествуя о завоевательных походах монголов против народов Восточной Европы в первой половине XIII в., называли этих обитателей южнорусских степей не иначе как асами. Однако возникает вопрос: под каким названием у восточных авторов были известны степные аланы-асы до середины X в. Не ясно также, почему древнерусские летописцы с середины XII в. перестали использовать этноним “ясы” по отношению к ираноязычным обитателям Половецкой степи.

В связи с этим особый интерес представляет этнический термин “буртас”, распространение которого некоторые исследователи связывают с восточноевропейскими аланами. В последнее время в их среде утвердилось мнение, согласно которому буртасы обитали на Средней Волге и где-то в районе лесостепного Подонья [Lewicki, 1961, s. 1—14; Pritsak, 1978, p. 264; Добродомов, 1980a, с. 40; Афанасьев, 1984б, с. 28—41; Бушаков, 1995, с. 38—40]. Однако данные некоторых арабско-персидских документов позволяют локализовать часть буртасов IX—X вв. в южнорусских степях и Предкавказье.

Особый интерес вызывает сообщение Масуди о походе русов в 912—913 гг. Как следует из его информации, русы спустились по Волге до города Итиля, а оттуда — в Каспийское море, где произвели опустошение среди мусульман. Однако на обратном пути русы подверглись нападению со стороны мусульман в низовьях Волги. Далее Масуди сообщает: “Около 5000 из них (русов. — О. Б.) спаслись и отправились на судах в страну, примыкающую к стране буртасов, где они оставили свои суда и стали на суше, но из них кто был убит жителями Буртаса, а кто попался мусульманам в стране Булгар и те убили их” [Гаркави, 1870, с. 133; Минорский, 1963, с. 200].

В сложившейся ситуации кажется маловероятным, что здесь речь идет о булгарах и бургасах Среднего Поволжья. На это обратила внимание еще несколько десятилетий тому назад А. Е. Алихова. Она считала, что если бы русы плыли в страну бургасов на Среднюю Волгу, то расстояние в 1000 км им пришлось бы преодолеть за месяц. А это не увязывается с ходом событий, описанных в тексте Масуди. Как отметила исследователь, “два столь удаленных во времени и пространстве события были отмечены в документе лишь тем, что они (русы. — О. Б.) отплыли к другой стороне реки поблизости страны бургасов”. Отсюда последовал вывод, что упомянутых Масуди бургасов и болгар необходимо локализовать на Нижней Волге или в Предкавказье [Алихова, 1949а, с. 51—53].

Другим источником, который бы подтверждал нахождение бургасов в южнорусских степях, является анонимный трактат “Худуд аль-Алам”, написанный во второй половине X в. Исследователи данного документа уже давно обратили внимание, что в тексте источника болгары ошибочно названы бургасами, а по отношению к собственно бургасам был использован термин “барадас” [Туманский, 1914, с. 96; Бартольд, 1973, с. 545]. О локализации области Барадас неизвестный персидский автор писал: “Эта область, с востока которой река Ател, с юга ее Хазары, с запада Венендер, с севера же Печенеги-Тюрки” [Туманский, 1914, с. 96]. Информация “Худуд аль-Алам” о тюркских печенегах позволяет говорить о владениях “бургасов” (булгар) и “барадасов” (собственно бургасов) как территории, находящейся не только в степях Волго-Донья. В этом географическом трактате сказано, что на восток от страны тюркских печенегов находятся пределы гузов, на север — река Рута, на запад — мадьяры и русы. Южными же соседями тюркских печенегов названы булгары — “бургасы” и барадасы¹ [Minorsky, 1937, p. 101]. Информация “Худуд аль-Алам” перекликается со сведениями Константина Багрянородного, который локализовал печенегов на запад от Дона [Константин Багрянородный, 1991, с. 42—45]. Таким образом, можно расширить ареал расселения барадасов (бургасов) в степях на востоке от Волги, а на западе — до Приазовья и Причерноморья.

Характерно, что Ибн Хаукаль (X в.), Истахри (X в.) и Йакут (XIII в.) прямо указывали на то, что нет между хазарами и бургасами никакого другого народа² [Заходер, 1962, т. I, с. 232; Туманский, 1914, с. 96]. Хазары, как известно, в VIII—X вв. находились как в нижнем

¹ سخن اندر ناحیت برطاس مشرق وجنوبش غوزست ومغربش رود آتلست وشمالش ناحیت بجاناکست... سخن اندر ناحیت براداس ناحیتیست مشرق وی ورد آتل وجنوب وی خزران ومغربش وتندر وشمالش بجاناک ترک
ولیس بینهم وبين الخزر امة اخرى

течении Волги, так и на Северо-Западном Каспии. Исходя из этого можно предположить, что владения буртасов должны были располагаться севернее хазар — в южнорусских и прикавказских степях.

Другим немаловажным свидетельством пребывания буртасов вблизи хазар может являться информация Ибн Хаукаля о походе Святослава против хазар в 965 г. Арабоязычный автор сообщает: “И произвели нашествие на все это русы и погубили все, что принадлежало на реке Итиле всем созданиям божим из хазар, болгар и буртасов, и овладели ими”. Далее Ибн Хаукаль добавляет: “В это наше время не осталось ничего ни от болгар, ни от буртасов, ни от хазар...” [Бартольд, 1940, с. 35].

Некоторые исследователи, комментируя данное сообщение Ибн Хаукаля, почему-то считают, что в данном случае речь идет о средневожских буртасах и булгарах. Основанием для этого послужили сведения древнерусских летописей о том, что накануне 965 г. Святослав совершил поход на Оку и Волгу. Так, сопоставляя известие Ибн Хаукаля и древнерусских летописей, В. В. Бартольд полагал, что “русy шли по Волге к Каспийскому морю и до разгрома хазар разгромили буртасов и болгар” [Бартольд, 1940, с. 35].

Однако данное предположение находится в противоречии с информацией древнерусских летописцев относительно похода Святослава против хазар в 965 г. [Ипат. л., 1843, с. 246; Радзив. л., 1969, с. 33]. Из чего следует, что Святослав шел с севера на юг вдоль Дона, а не по Волге. Тем более, что в древнерусских летописях при описании похода Святослава на Волгу не упоминаются буртасы: “И иде на реку Оку на Волгу, и налезе вятичи...” [Радзив. л., 1989, с. 33].

Как уже отмечалось, имя буртасов не фигурировало в древнерусских документах вплоть до XIII в. В настоящем исследовании уже высказывалось предположение, что на Древней Руси буртасы могли быть известны под названием ясов. Сопоставляя информацию Ибн Хаукаля со сведениями древнерусских летописей, можно прийти к выводу, что Святослав продвигался к хазарам со стороны Дона, а не Волги. Следовательно, буртасы Ибн Хаукаля и ясы древнерусских летописей — это один и тот же народ. Исходя из этого буртасов можно локализовать где-то в Нижнем Подонье или в Предкавказье. Нелогичным выглядит направление маршрута Святослава на Оку и Волгу, а оттуда почему-то на Дон и снова на Волгу. Вполне вероятно, что Ибн Хаукаль не отразил в своем сообщении информацию о предыдущем походе Святослава в 964 г.

После X в. сведения о прикавказских и нижневожских буртасах появляются вновь лишь в XIII в. Итальянский путешественник П. Карпини среди кавказских народов упоминает бругахиев, в которых большинство исследователей склонно видеть буртасов [Карпини,

1957, с. 72]. Арабские географы Ибн Саид и Абульфида, жившие в XIII—XIV вв., помещают буртасов на Нижней Волге и сообщают, что г. Дербент был укрепленным пунктом царя буртасов [Коновалова, 1989, с. 43—46; Сафиргалиев, 1951, с. 93]. Русская летопись, рассказывающая о Мамаевом побоище, также упоминает среди кавказских народов буртасов [Воскр. л., 1859, с. 34]. Самые поздние упоминания о буртасах как о реально существующем народе относятся к XVIII в. и содержатся в трудах Н. М. Карамзина и Тунманна. По их сведениям, еще тогда буртаны отличались от своих соседей — черкасов и ногайцев. Они вели оседлый образ жизни и обитали в районе между Кубанью и Актаром, т. е. в районе Северо-Западного Кавказа [Карамзин, 1988, кн. 2, т. V, прим. 61; Тунманн, 1991, с. 70].

В конечном итоге мы можем предположить, что первоначальную основу буртасского племенного союза в середине VIII в. составили аланы-асы, которые расселились на подвластных хазарскому правителю землях между Нижней Волгой и Кавказом. В состав нового племенного союза могли войти и другие аланские племена. Часть аланов-буртасов могла переселиться или была переселена в лесостепное Подонье, где термин "буртас" мог получить распространение. Другая часть буртасов должна была остаться в прикавказских степях, по соседству с хазарами. После падения Хазарского каганата часть степных буртасов вместе с хазарами могла переселиться обратно на Кавказ и быть ассимилирована местными народами. В связи с этим особый интерес представляет аварское название чеченцев *burt*, *burtic*, а чеченского языка — *burtijazuemaz'z'* [Попов, 1948, с. 209].

Таким образом, необходимо констатировать, что в IX—X вв. владения буртасов могли находиться не только на Средней Волге и в лесостепном Подонье, но и в степях Волго-Донья и Предкавказья (рис. 37). Это соотносится с информацией древнерусских и европейских источников о расселении аланов-ясов в южнорусских степях в более позднее время. В данном случае можно говорить о двух группировках восточноевропейских буртасов: северной — лесостепной и южной — степной. Характерно, что данное предположение находит подтверждение у анонимного автора "Худуд аль-Алам". О "барадасах" (буртасах) он сообщает: "У них два царя, которые друг с другом не имеют сношений" [Туманский, 1914, с. 96]. Тем более, что Ибн Хаукаль отмечал, что "буртас — не народ, а народы" [Заходер, 1962, т. I, с. 232].

Этнографические сведения, содержащиеся в трудах арабо-персидских авторов, позволяют утверждать, что часть буртасов представляла собой население степей, основным занятием которых являлось скотоводство. Так, Гардизи сообщает, что "буртасы имеют верблюдов, рогатый скот" [Хвольсон, 1869, с. 19]. А информация "Худуд аль-Алам"

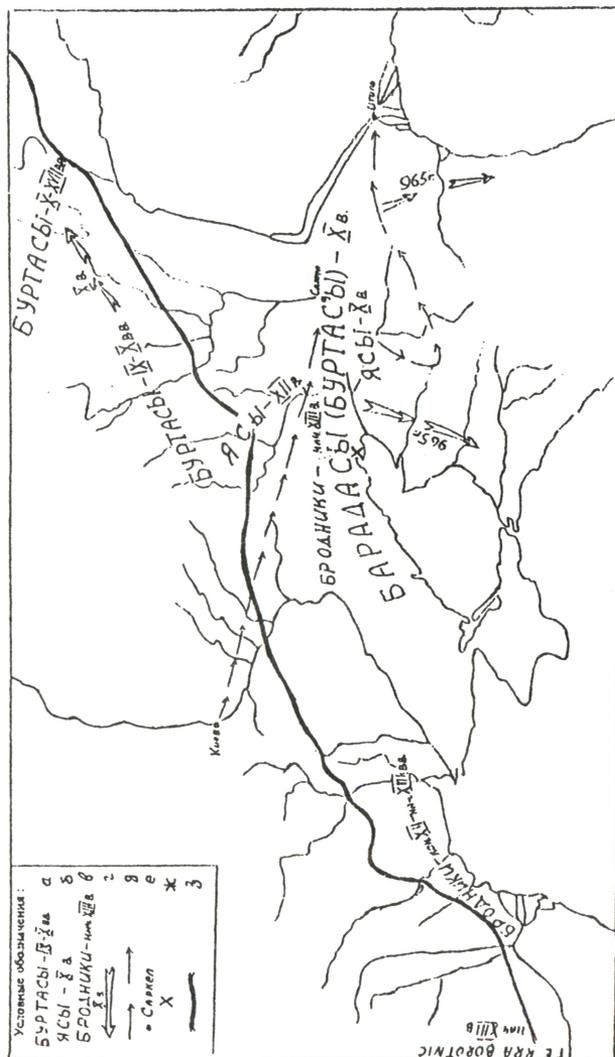

Рис. 37. Данные письменных источников о локализации буртасов, ясов и бродников в Восточной Европе в IX — начале XIII вв.:

а — данные восточных источников о местонахождении буртасов (барадасов) в IX—X вв.; б — сведения древнерусских летописей о местонахождении ясов в X—XII вв.; в — информация древнерусских и европейских документов о локализации бродников в начале XIII в.; г — предполагаемое направление маршрута похода Святослава в 965 г.; д — средневековые городские центры; ж — место сражения на р. Калке в 1223 г.; з — современная граница степи и лесостепи

о том, что буртасы владеют шатрами [Туманский, 1914, с. 96], заставляет говорить о кочевом быте определенной части этого населения. Те буртасы, которые находились в степи в окружении тюркок-кочевников, в культурном и хозяйственном отношении должны были представлять с ними одно целое. Недаром Исхак ибн аль-Хусейн писал о буртасах: "...у них внешний вид и отдельные статьи подобны тюркам" [Заходер, 1962, т. I, с. 240].

Подводя итог, необходимо отметить, что во времена средневековья буртасы представляли довольно значительный массив населения Восточной Европы, отдельные группы которых в культурном и этнографическом аспектах должны были различаться между собой. Тот факт, что древнерусские летописцы могли использовать для обозначения буртасов термин "ясы", заставляет говорить об их аланском происхождении. Свидетельством этого являются также этимологические изыскания некоторых исследователей, которые видят в термине "буртас-фурдас" самоназвание восточноевропейских аланов [Lewicki, 1961, s. 1—14; Pritsak, 1978, p. 264; Добродомов, 1980а, с. 40; Афанасьев, 1984б, с. 28—41; Бушаков, 1995, с. 38—40].

Однако не все версии относительно иранского происхождения термина "буртас" убедительны до конца. Данные этнонимии свидетельствуют в пользу того, что названия народов, в частности самоназвания, могли нести в себе информацию, которая указывала бы на место обитания или на особенности хозяйственного быта носителей этнонимов [Агеева, 1990, с. 76—81]. В связи с этим особый интерес представляет версия О. И. Прицака и И. Г. Добродомова относительно того, что термин "буртас" следует рассматривать как видоизмененное осетинское (аланское) *ford-as* — "речные асы" [Pritsak, 1978, p. 264; Добродомов, 1980а, с. 40]. Как указывал И. Г. Добродомов, "фонетика этнонима буртас (вместо ожидаемого фуртас, пуртас) также вызывает подозрение в тюркской обработке слова". В тюркских языках нет согласного "ф" и поэтому тюрки могли воспринять этноним "фуртас" не иначе как "буртас". Через посредство тюркок данный вариант этнонима мог перейти к арабам [Добродомов, 1989, с. 19]. Быть может не случайно Баكري использовал термин *f.rdas* [Minorsky, 1937, p. 462].

Однако можно предположить, что этноним *f.rdas* мог нести в себе информацию о роде деятельности его носителей. Уместно вспомнить, что в среде ираноязычных народов в прошлом получили распространение этнические названия, которые указывали на хозяйственные и культурные особенности населения. Так, достаточно вспомнить информацию Геродота о скифах-кочевниках, скифах-пахарях, скифах-земледельцах и т. п.

Восточные авторы сообщали, что буртасы активно занимались трансконтинентальной торговлей. Как следует из информации Масуди, из страны буртасов "идут шкурки черных и рыжих лисиц, называемые буртаси"

[Минорский, 1963, с. 196; Заходер, 1962, т. I, с. 242]. Ибн Русте добавляет, что наибольшую часть имущества буртасов составляют меха куницы и бобра [Заходер, 1962, т. I, с. 242].

Археологические исследования, проведенные в Подонье, свидетельствуют в пользу того, что расположенные на берегах больших и малых рек салтовские поселения являлись не только земледельческими, ремесленными, но и торговыми центрами [Михеев, 1985]. В качестве доказательства этого можно привести богатый нумизматический материал из Верхнего Салтова, который может свидетельствовать о довольно высоком уровне развития торговли в Хазарском каганате [Иченская, 1982, с. 140—148]. Как свидетельствует историческая традиция, во времена средневековья трансконтинентальная торговля была сосредоточена по берегам рек на переправах и бродах. Некоторые из них становились сначала эпизодическими, а потом постоянными местами торговли [Прицак, 1965, с. 94]. Исходя из этого можно предположить, что торговлей в наиболее благоприятных местах могли заниматься люди, первоначальной функцией которых могло являться обслуживание переправ. В связи с этим уместно предположить, что этноним *f.rdas* мог нести в себе информацию о роде занятий его носителей.

Данные лингвистики свидетельствуют, что в современном осетинском языке для обозначения брода используется термин “*донуайæн*” (диг. — найн), места переправы — “*ахизен доны*”, переправы как имени действия — “*доньл ахызт*”, а само понятие “переправлять через реку” имеет вид “*ахизын кæнын доньл*” [Абаев, 1970, с. 46, 354]. Обращает на себя внимание присутствие слова “дон”. Однако, как отметил В. И. Абаев, “переход *dan* в *dop* произошел не ранее XIII—XIV вв., когда осетинский элемент массово не был уже представлен в Южной России” [Абаев, 1958а, т. I, с. 367]. Отсюда следует вывод, что более чем тысячу лет назад в языке аланов для обозначения таких понятий, как “переправа через реку”, “брод” могли использоваться иные лексические единицы.

В сложившейся ситуации особый интерес представляет происхождение осетинского термина *farðæg*, который используется в словосочетаниях, выражающих удаление, транспортировку и т. п. По мнению В. И. Абаева, *farð-æg* — это образование из причастия прошедшего времени *farð* и суффикса *æg*. Как предполагает известный лингвист, причастие прошедшего времени *farð* могло произойти от несохранившегося самостоятельного глагола *pa-* в значении “переходить”, “перевозить”, “увозить” и т. п. Уместно в данном случае вспомнить, что в языке “Авесты” глагол *pa-* использовался в значении “переходить”, “переправлять”, а в древнеиндийском *pa-* был идентичен понятиям “переправлять”, “перевозить” [Абаев, 1958а, т. I, с. 240].

Не исключено, что в некоторых современных восточноиранских языках глаголы в значении “перевозить”, “переправлять”, “переходить вброд” восходят к авестийскому глаголу. В ваханском языке авестийский раг- мог трансформироваться в рыг [Гринберг, Стеблин-Каменский, 1976, с. 426], в язгулямском — в řəyud [Эдельман, 1971, с. 90], в бартангском языке выражение переправляться через реку имеет вид — рог řədow [Зарубин, 1960, с. 87; Соколова, 1960, с. 146]. Для осетинского, а значит и для языка средневековых аланов, был характерен переход древнеиранского р в ř. Следовательно в языке средневековых аланов древнеиранский глагол раг- должен был трансформироваться в řаг-, а причастие прошедшего времени от этого глагола должно было принять вид řard.

Для осетинского языка характерно также, что формы причастия прошедшего времени очень часто используются для обозначения имени действия (например: “куыс” — работа от инфин. “кусын”; “хæрд” — еда от инфин. “хæрын” и т. п.) [Абаев, 1959, с. 63]. Исходя из этого можно предположить, что термин řard в прошлом мог означать имя действия — “переправу”. Имеет резон рассматривать сочетание řard-as не иначе как — “асы, которые переправляют”. Однако весьма сомнительно, чтобы в первой части этнонима находилось имя действия.

В авестийском языке, по замечанию С. Н. Соколова, производной формой от глагола PR — “переходить, переправлять” могло являться существительное řəřətu в значении “проход, переправа, мост”. Именно от этого авестийского существительного исследователь выводит персидское řud, курдское řurd, гилянское řərd [Соколов, 1964, с. 298]. Для обозначения понятий “брод, переправа, мост” в современных восточноиранских языках также существуют подобные термины. Так, в язгулямском языке мост обозначался řud, а брод — řud [Зарубин, 1960, с. 294, 331]. В бартангском языке для обозначения брода использовался термин řug [Соколова, 1960, с. 182]. Для ваханского было характерно существование термина řyt — “брод” [Грюнберг, 1976, с. 426, 462]. Язгулямским же обозначением брода является řəgəp [Эдельман, 1971, с. 90]. Таким образом, в языке раннесредневековых аланов гипотетически мог существовать термин для обозначения переправы, брода и моста в виде řrd—řrt, производный от древнеиранского řəřətu. Исходя из этого можно предположить, что составной этноним řrd-as (řrt-as) мог означать — “асы, которые обслуживают переправы”.

Следует отметить, что данное предположение не является полностью оригинальным. Еще в начале нынешнего века А. В. Марков высказался в пользу того, что происхождение этнического названия “буртас” следует связывать с термином řurdas, что в некоторых финских языках служит для обозначения моста [Марков, 1914, с. 64—65]. Г. Е. Афанасьев со своей

стороны указал, что данное слово происходит от авестийского *parətu* [Афанасьев, 1984б, с. 39].

Быть может косвенным свидетельством нахождения аланов-асов на переправах является сообщение Плано Карпини о том, что в середине XIII в. начальником одного из селений на Днепре южнее Канева являлся “алан по имени Михей” [Карпини, 1956, с. 67—68]. Данные поселения могли быть сохранены монголами ввиду того, что там должны были находиться удобные места для переправ. Монголам было свойственно назначать своих уполномоченных из среды местного населения, носивших титулы “даругачи” или “тангаши”. Из этого может следовать, что еще в середине XIII в. аланы продолжали заниматься обслуживанием переправ, бродов. В сложившейся ситуации уместно вспомнить, что среди обитателей южнорусских степей с середины XII в. до середины XIII в. в древнерусских летописях и некоторых европейских документах фигурируют бродники.

Характерно, что бродники начинают упоминаться в древнерусских летописях довольно поздно — лишь с середины XII в., т. е. в период раздробленности древнерусского государства. Впервые бродники упоминаются летописями под 1147 г. Именно в это время на Вятической земле имели место междоусобные столкновения, во время которых на помощь Черниговскому князю Святославу Ольговичу из южнорусских степей “Бродницы и Половци приидоша к нему мнози” [Ипат. л., 1843, с. 342; Воскр. л., 1836, с. 39]. Во второй раз бродники фигурируют под 1216 г. во время битвы между владимиристо-суздальскими князьями Юрием и Ярославом Всеволодовичем и новгородским князем Мстиславом Мстиславовичем Удалим. На помощь двум первым пришли “Муромьци, и Бродници, и Городчане, и вся сила Суздальской земли” [Лавр. л., 1928, стб. 294; Воскр. л., 1856, с. 122]. Наиболее же подробные сведения о бродниках относятся к 1223 г. и содержатся в тех разделах летописей, где речь идет о сражении на р. Калке. Как известно, русские и половцы в этом сражении были наголову разбиты превосходящими силами монголо-татар. Однако укрепленный лагерь киевского князя Мстислава Романовича татары не могли взять в течение трех дней. И тогда они, верные своей тактике, прибегли к хитрости и призвали на помощь бродников: “Быша же с татари Бронници (Бродници. — О. Б.), а воевода у них Плюскиня, и той окоянный целова крест к великому князю Мстиславу Романовичу и сушим с ним, яко не избити их, но окуть взяти с них, и тако предашася ему. Он же окоянный предаде их татарам, и город вземь изсекоша” [Патр. л., 1825, с. 91—92; Лавр. л., 1926—1928, стб. 508].

Сведения древнерусских летописей о локализации бродников в степях Северного Причерноморья подтверждаются византийскими, венгерскими и папскими документами. Так, Никита Хоният, говоря о событиях 1186 г. в Болгарии, упоминает “людей с бродов” и сообщает, что они являлись

ветвью “Тавроситов”. Известно, что архаическое название “тавроскиты” использовалось византийскими авторами как собирательное обозначение населения Руси [Прицак, 1965, с. 94]. Никита Акоминат в своем слове 1190 г. говорил следующее: “ Куманы, народ доселе не поработанный, негостеприимный и весьма воинственный и те Бродники, презирающие смерть, ветвь Русских, и они, народ повинующийся богу войны, соединившись с варварами, живущими на Гемосе (на Балканах. — О. Б.), сложились при их поражении и погибли” [Голубовский, 1884, с. 199].

В венгерских документах говорится о направлении в начале XIII в. католических миссионеров в страну Броднию, которая находилась в непосредственной близости от Азовского моря. Кроме того, имеются известия о нахождении владений бродников и на территории, прилегающей к Дунаю. Как явствует из европейских документов, в 1222 г. венгерский король Андрей II пожаловал ордену Иерусалимских рыцарей земли в Трансильвании, в числе которых была и “usque ad terminos Prodnicorum”. В 1223 г. он там же подарил клирику Гоцелину “terra Borotnic” [Мавродин, 1940, с. 283—284].

В 1227 г. папа Григорий отправил письмо к гранскому епископу, в котором сообщал: “Мы устаиваем дать тебе наше полномочие в землях Кумании и Броднии, соседней с ней, на обращение которых есть надежды, по которому ты имеешь власть проповедовать, крестить...”. Известно, что в Гранском епископате действительно проживало много половцев, а папы знали только, что бродники где-то соседят с половцами. И поэтому можно согласиться с мнением П. Голубовского, что бродники были отданы в распоряжение гранского епископа “для просветления их истинами католической религии” [Голубовский, 1884, с. 199].

К числу наиболее поздних известий о бродниках относится письмо венгерского короля Белы IV папе Иннокентию, написанное в 1254 г.: “Когда государство Венгрии от вторжения Татар, как от чумы, большей частью было обращено в пустыню и, как овчарня изгородью, было окружено различными племенами неверных, именно: Русскими, Бродниками с востока; Булгарами и Босняками, еретиками с юга”. Далее он сообщает, что татары заставили платить дань другие народы, в особенности страны, которые с востока граничат с Венгрией: “ Русь, Куманию, Бродников, Булгарию” [Голубовский, 1884, с. 195—196].

Такие противоречивые известия вызвали различные мнения относительно происхождения и этнической принадлежности бродников. Славянское по своему происхождению имя предводителя этих обитателей южно-русских степей Пლოსкини, а также само название “бродники”, находящее легкое объяснение в славянских языках, побудили многих исследователей видеть в бродниках переселенцев с Руси. Ярким свидетельством этого является также их принадлежность к православной конфессии: достаточно вспомнить, что вождь бродников Пლოსкиня целовал крест во время клят-

вы князю Мстиславу. Такой подход к решению проблемы является традиционным и получил обоснование в XIX — начале XX вв. [Голубовский, 1881, с. 201; Ляскоронский, 1907, с. 81—125; Грушевский, 1992, т. II, с. 525—526]. В настоящее время эта гипотеза нашла поддержку лишь у некоторых исследователей [Гумилев, 1966, с. 175—176, 178; Котляр, 1966; 1969; Тихомиров, 1975, с. 81—82, 181; Рыбаков, 1982, с. 75]. Однако данное мнение не полностью согласуется с тем, что бродники выступили в сражении на р. Калке против Руси и половцев на стороне татар. Данный фактор может лишь свидетельствовать об отличии общности бродников от восточнославянского и кипчакского этносов.

На это уже давно обратили внимание многие исследователи. Наиболее приемлемое объяснение данного факта они видят в полиэтничном характере объединения бродников. В бродниках усматривают потомков сразу нескольких народов: алано-булгар, славян, половцев, хазар и др. По мнению некоторых ученых, основным их занятием было обслуживание переправ, бродов — отсюда и название "бродники". Сторонники данной гипотезы обратили внимание на то, что там где фиксируют бродников (Подонье, Подунавье, Южное Поднепровье), археологически прослеживаются элементы смешанной культуры, представленной памятниками салтовского и среднеднепровского типов. Именно эти факторы дали основания видеть в общности бродников XII—XIII вв. прообраз института казачества [Забелин, 1876, с. 20; Мавродин, 1940, с. 285; Пашуто, 1968, с. 115—116, 202; Плетнева, 1964а, с. 31—32; 1975, с. 191, 201, 214; Козловский, 1990, с. 169].

На фоне вышеизложенного можно согласиться с мнением В. И. Ламанского, что основу объединения бродников составили ясы — потомки древнего ираноязычного населения восточноевропейских степей [Ламанский, 1902, с. 120]. Близость переселенцев с Южной Руси могла способствовать тому, что к началу XIII в. ясы южнорусских степей в определенной степени были подвержены славянскому влиянию. В связи с этим особый интерес представляют версии относительно иранского происхождения наименования "бродники".

Несколько десятилетий тому назад О. И. Прицак предложил видеть в слове "бродники" перевод на славянский язык этнического термина "Деремела", упоминаемого в "Слове о полку Игореве". В древнерусской поэме содержится следующий перечень племен и народов: "Хынове, Литьва, Ятвази, Деремела и Половци" [Слово о полку Игореве, 1987, с. 42]. О. И. Прицак, в отличие от своих предшественников, не стал связывать народ "Деремела" с литовцами, а указал на то, что в "Слове" он упоминается перед половцами. Это, в конечном итоге, может указывать на их нахождение в южнорусских степях. [Прицак, 1965, с. 83]. По мнению известного востоковеда, "Деремела" — это производный термин от согдийского сложного слова *tar-band*, что означает переправу, брод. В тюрко-славян-

ской же среде *tar-band* мог принять вид *dārmal* (Деремела), что и могло являться обозначением для бродников [Прицак, 1965, с. 82—96].

В последнее же время О. И. Прицаком высказывалось мнение относительно преемственности понятий *furdas* — “речные асы” и “бродники”. Подобных взглядов на происхождение бродников придерживается в настоящий момент В. А. Бушаков. По его мнению, термин “бродник” является видоизмененной формой этнонима “бордак”, происхождение которого он склонен связывать с этническим названием “буртасы” [Бушаков, 1995].

Данные славянского языкознания свидетельствуют в пользу того, что слово “бродник” является производным от термина “брод”. Само же понятие “брод” традиционно означало “мелкое место, брод, переход через реку” [ЭССЯ, 1976, вып. 3, с. 38]. В генетическом родстве с существительным “брод” находится глагол “бродить”. Как видно из словаря И. И. Срезневского, слово “бродить” в древнерусском языке могло иметь только одно значение — “переходить брод” [Срезневский, 1958, т. I, с. 179]. Поэтому “бродники” — это название не бродяг, странников, а населения, обитавшего возле переходов рек, бродов.

Характерно, что для обозначения брода, переправы в других индоевропейских языках существовали очень близкие по форме термины (лит. — *bradas*; фрак. — *burd*, *burtudiros*; иллир. — *bradanus* и т. д.). Это заставило исследователей говорить о существовании в прошлом индоевропейского корня *bhrdh* [ЭССЯ, 1976, вып. 3, с. 36—37]. Можно усомниться в постоянстве первого согласного *b*. Достаточно вспомнить авестийское *rəgətu*, английское — *ford*, немецкое — *furt* и т. п. Следовательно, имеет смысл говорить об общих истоках славянского “брод” и авестийского *rəgətu*. Таким образом, термин “бродники” мог являться переводом на древнерусский язык самоназвания восточноевропейских аланов — *f.rd-as*.

Данные археологии свидетельствуют в пользу того, что в тех районах, где письменные источники традиционно фиксируют бродников, материальная культура местного населения во многих чертах наследовала салтовские и среднеднепровские традиции. Именно здесь находились опорные пункты земледельческого и другого населения [Козловский, 1990, с. 169]. Исходя из этого можно говорить о довольно пестром по своему происхождению составе оседлого населения степи. Вполне вероятно, что в состав бродников помимо потомков аланов могли входить представители древнерусского и других этносов. Не случайно во второй половине XII в. появляется древнерусский перевод самоназвания восточноевропейских аланов *f.rdas*, а ясы, как обитатели южнорусских степей, вовсе перестают упоминаться в древнерусских летописях. Это, а также славянское имя предводителя бродников Плоскини и указание европейских авторов на то, что бродники являются ветвью русских, позволяет предполагать, что к началу XIII в. славянский элемент в данной общности стал занимать всео-

мые позиции. Сближению аборигенов южнорусских степей и восточных славян могло способствовать нахождение в среде аланов-асов переселенцев с Руси, а также участие бродников в междоусобной борьбе древнерусских князей и, что особенно важно, принадлежность их всех к православной конфессии. Характерно, что данный симбиоз довольно отчетливо фиксируется на некоторых христианских некрополях предмонгольского времени в Северном Причерноморье. Достаточно вспомнить могильник у с. Лимбарь в Молдавии, на котором женские серии были представлены долихокранами, а мужские — брахикранами. Первые находят аналогии на территории Руси, в то время как вторые были отнесены к так называемому “зливкинскому” типу, имевшему распространение в степях Восточной Европы еще в догуннскую эпоху [Хынку, 1976; Великанова, 1975, с. 131—155].

Что же касается распространения термина “Деремела”, то можно предположить, что автор “Слова о полку Игореве” мог воспринять его от половцев. Половцы же в свое время могли заимствовать его в Средней Азии от подвижных торговцев иранского происхождения — согдийцев. Вполне возможно, что термин “Деремела” половцы в конце XII в. использовали для обозначения того населения южнорусских степей, которое занималось торговлей.

В итоге необходимо отметить, что в период между гуннским и монгольским нашествиями трансконтинентальная торговля в степях Евразии осталась сосредоточенной в руках прежних обитателей: в Средней Азии — согдийцев, а на юге Восточной Европы — аланов-асов. Торговля осуществлялась на переправах и бродах больших и малых рек и, следовательно, название “бродники” могло быть связано с той группой населения, которое было сосредоточено именно в этих местах. Таким образом, можно говорить о том, что буртасы, аланы-асы, ясы и бродники представляли собой одну и ту же группу населения южнорусских степей.

В м е с т о з а к л ю ч е н и я

ЭЛЕМЕНТЫ СКИФО-САРМАТО-АЛАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ТРАДИЦИЯХ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Как следует из информации нарративных источников, во времена средневековья аланы-асы находились во взаимодействии со многими восточноевропейскими народами неиранского происхождения, а это может свидетельствовать о существовании в прошлом контактов как этнического, так и культурного плана. В результате проведенного исследования удалось установить, что в домонгольский период аланы-асы находились на Нижней и Средней Волге, в степях Подонья и Северного Причерноморья. Имеет смысл попытаться выявить пережитки средневековой аланской культуры в традициях тех народов Восточной Европы, которые в прошлом могли иметь непосредственные контакты с аланами-асами. Однако не стоит упускать из виду, что задолго до расселения аланов на территории юга Восточной Европы находилось ираноязычное население, которое в этническом и культурном плане представляло с аланами одно целое.

В сложившейся ситуации вполне закономерно использование нарративных документов раннего средневековья в качестве этнографического источника. Побывавшие в предмонгольский период в Восточной Европе европейские и восточные информаторы оставили нам очень подробное описание традиций и обычаев народов, обитавших в степи и на сопредельных территориях. Информация из этих источников во многом перекликается с этнографическими сведениями об ираноязычных народах. И в этом нет ничего удивительного, ибо прошел незначительный период с того времени, когда на смену сарматам и аланам, прежним обитателям степи и лесостепи Восточной Европы, пришли тюрки, славяне и представители других этнических общностей. Новые пришельцы не только в политическом отношении должны были занять господствующие позиции среди западных иранцев, но в культурном и идеологическом плане они могли воспринять многое от своих предшественников. Поэтому можно относиться с доверием к нарративным документам, написанным именно в период с VI по XIII вв.

Особое место среди этих текстов занимает “История страны Алуанк”, приписываемая армянскому автору Мовсэсу Каланкатуаци. Как

явствует из названия, данный труд посвящен истории Кавказской Албании. Однако только в этом источнике содержатся подробные сведения о быте хазар, их религии и обычаях в VII в. Поэтому сведения из этой книги представляют особый интерес для этнографов и историков [Мовсэс Каланкатуаци, 1984, с. 124].

К другой группе источников подобного рода безусловно следует отнести информацию арабоязычных авторов, посетивших в X в. Восточную Европу. Наибольший интерес представляет текст “Записки” Ибн Фадлана о его путешествии на Среднюю Волгу. В 921 г. из Багдада через Среднюю Азию в Волжскую Булгарию направилось посольство, секретарем которого являлся Ахмед Ибн Фадлан, написавший отчет о путешествии. Данная миссия закончилась безрезультатно, но “Записка” Ибн Фадлана не затерялась в багдадских архивах. В 20-е годы нашего столетия в г. Мешхеде (Иран) была найдена рукопись, содержащая более полный курс “Записки”. А. П. Ковалевский исследовал и опубликовал этот очень интересный документ. В “Записке” Ибн Фадлан подробно описывает обычаи огузов, башкир, волжских болгар и других народов. Особый интерес представляет описание традиций волжских болгар, незадолго до этого перешедших в ислам. Как отметил сам Ибн Фадлан, мусульманские обычаи в начале X в. не получили должного распространения среди жителей Волжской Булгарии и поэтому здесь продолжали бытовать многие языческие традиции. Это касается в первую очередь погребальных обрядов, подробное описание которых нам оставил арабский путешественник. Именно эти обычаи болгар, а также других тюркоязычных народов во многих отношениях несут в себе следы воздействия древней иранской культуры. Это в свое время отметил А. П. Ковалевский [Ковалевский, 1956].

Описание народов юга Восточной Европы мы находим также в трудах других арабоязычных авторов. Это касается прежде всего “Книги картин земли” Ибн Хаукаля и “Лучшего разделения для познания климатов” Мукаддаси, живших в X в. Сведения о быте хазар и других народов отличаются у них особыми подробностями и позволяют предполагать, что данные писатели или их информаторы непосредственно побывали на территории Хазарского каганата, что и нашло отражение в текстах упомянутых источников [Гаркави, 1870; Караулов, 1908].

Нельзя обойти вниманием сведения древнерусских летописей, наиболее ранние из которых дошли до нас в списках, которые были составлены на рубеже XII—XIII вв. Вероятно, что древнейшая часть этих исторических документов — “Повесть временных лет” начала составляться до официального принятия Русью христианства в 988 г. Поэтому имеются основания доверять информации древнерусских летописей относительно языческих традиций восточных славян.

Из европейских источников для нас имеет смысл выделить отчет венгерского католического монаха Юлиана о его путешествии накануне 1235 г. на Среднюю Волгу в поисках прародины венгров. Следует отметить, что путь его путешествия пролегал через земли прикавказских аланов, мордвы, волжских булгар и венгров Приуралья. Рассказ его отличается наличием особых подробностей об обычаях этих народов, какие мы не находим у других авторов, что позволяет отнести данный текст к числу наиболее интересных источников по этнографии и истории народов Восточной Европы [Юлиан, 1863].

Для нас будет весьма приемлемым предположение, что одними из первых воздействие сармато-аланской культуры могли испытать тюркоязычные номады. И этот процесс мог иметь место во времена раннего средневековья, если не раньше. В первую очередь обращает на себя внимание информация Мовсэса Калакантуаци о языческих обычаях “гуннов” — хазар. По его описанию, хазары во время похорон били в барабаны над трупами, наносили себе раны на лице, руках, ногах. Мужчины хазар бились мечами у могилы, состязались в конной езде и т. п. [Мовсэс Калакантуаци, 1984, с. 124]. Вспоминаются традиции древних обитателей восточноевропейских степей, подробно описанные Геродотом. Древнегреческий автор писал, что скифы в знак траура по умершему “отрезают кусок своего уха, обстригают в кружок волосы на голове, делают кругом надрез на руке, расцарапывают лоб и нос и прокалывают левую руку стрелами” [Геродот, IV, 71]. Современные осетины, потомки ираноязычных номадов, также соблюдают обычаи, аналогичные описанным. Во время похорон у осетин мужчины и женщины расцарапывали себе лицо, били себя кулаками, палкой и даже специальной плетью. В день похорон и через год во время поминок осетины устраивали конные состязания [Калоев, 1984а]. Можно вполне согласиться с мнением А. П. Новосельцева, что данные “обычаи напоминают некоторые нравы древних скифов, охарактеризованные Геродотом, и, кажется, доказывают преемственность между древнеиранскими кочевниками и хазарами VII в. [Новосельцев, 1990, с. 145].

Аналогичные обычаи были зафиксированы Ибн Фадланом у булгар на Средней Волге. Булгары во время похорон умершего везли на специальной повозке к месту захоронения [Ковалевский, 1956, с. 140]. Из описания Геродота следует: “...ближайшие родственники кладут тело на повозку и возят по всей округе к друзьям” [Геродот, IV, 71]. Хоронили умершего на Средней Волге в ряде случаев в могиле с подбоем, которая, по замечанию А. П. Ковалевского, восходит в своей основе к поздней стадии сарматской культуры [Ковалевский, 1956, с. 140, 230]. Сцены оплакивания умершего у Ибн Фадлана также напоминают скифские и осетинские. По описанию Ибн Фадлана, во время

похорон рабы "били свои бока и выступающие части своих тел" сплетенными из кожи ремнями [Ковалевский, 1956, с. 140]. Как уже отмечалось, скифы и осетины поступали подобным же образом [Геродот, IV, 71; Калоев, 1984а, с. 75—76].

Даже у обитавших в степях Приуралья башкир Ибн Фадлан зафиксировал обычаи, явно напоминающие скифские. О башкирах он писал: "Встречает человек человека, отделяет его голову, берет ее (с собой), а его (самого) оставляет" [Ковалевский, 1956, с. 130]. О подобных обычаях скифов Геродот писал следующее: "Головы всех убитых им в бою скифский воин приносит царю. Ведь только принесший голову врага получит свою долю добычи, а иначе — нет" [Геродот, IV, 64].

Характерно, что такие обычаи зафиксировал в начале XIII в. у мордвы Юлиан: "Мордвины-язычники и до того жестоки, что у них считается никуда негодным тот, кто не убил много людей. Если кто-нибудь у них идет по дороге, несут перед ним головы всех людей, убитых им, и чем больше голов, тем он лучше сам. Из черепов делают чаши и охотно пьют из них. Жениться тому нельзя, кто не убил человека" [Юлиан, 1863, с. 1002]. Уместно в данном случае вспомнить скифскую традицию: "С головами же врагов (но не всех, а только самых лютых) они поступают так. Сначала отпиливают черепа до брови и вычищают..." [Геродот, IV, 65]. Привлекает также внимание замечание Геродота о традициях савроматов: "...девушка не выходит замуж, пока не убьет врага" [Геродот, IV, 117].

В сложившейся ситуации особый интерес представляет средне-волжский регион, территория, на которой постоянно пребывали племена и народы различного происхождения, в том числе и древнего иранского. Данные мифологии и лингвистики свидетельствуют о том, что связи между древнейшими иранцами и финно-уграми установились еще в III—II тыс. до н. э. там, где в непосредственной близости от финно-угорских племен находилась прародина индоиранцев [Бонгард-Левин, Грантовский, 1983, с. 155—202]. Во второй половине II тыс. до н. э. — начале I тыс. до н. э. в Приуралье и на Средней Волге получили распространение памятники срубной и андроновской культур, носителей которых считают иранцами [Халиков, 1969, с. 209—239]. Уже тогда, как отметила Н. А. Членова, контакты между финно-уграми и иранцами носили двусторонний характер [Членова, 1989, с. 225—240]. В середине I тыс. до н. э., во времена Геродота, в районе Средней Волги обитали потомки "отделившихся скифов", которые уже были значительно ассимилированы местным населением [Погребова, Раевский, 1989, с. 49—65; Членова, 1988, с. 3—9]. Близость степного Приуралья, населенного в конце I тыс. до н. э. — начале I тыс. н. э.

сарматскими племенами, способствовала внедрению отдельных групп сарматов в среду финноязычного населения Средней Волги. Этот процесс особенно усилился после нашествия гуннов, когда остатки уцелевших сармато-аланских племен передвинулись на север, в лесостепные и лесные районы Средней Волги [Готье, 1930, с. 132; Генинг, 1988, с. 217; Очерки истории СССР, 1958, с. 143, 675; Матвеева, 1969; Магомедов, 1981, с. 26—34].

Данные проблемы неоднократно поднимались в отечественной науке. Однако имеющиеся параллели в культуре осетин, татар-мишарей, чувашей и мордвы позволяют говорить о существовании двусторонних контактов в области культуры, быта и идеологии между средневожским и ираноязычным населением не только в древности, но и в средние века.

В первую очередь следует отметить общие черты в идеологических представлениях осетин и народов правобережья Средней Волги, что находит отображение в погребальных обрядах. У мордвы, как и у осетин, все родственники и соседи умершего оповещались о его смерти. Покойника наряжали в праздничные одежды [Мордва, 1981, с. 182]. В этом ощущается влияние древнего иранского обычая класть рядом с умершим его драгоценности, оружие и предметы быта. Особенно широкое распространение эта традиция получила у осетин [Калоев, 1984а, с. 75]. Мордва обычно выносила покойника в гробу с окошком. У ее соседей — татар-мишарей было принято в ряде случаев нести покойника на специальных носилках, что имеет аналогии и в традициях осетин [Мухамедова, 1972, с. 184; Калоев, 1984а, с. 92].

У осетин во время совершения погребального обряда имели место посвящения умершему его жены и коня. У вдовы отрезали косу и клали ее в могилу. Данное действие призвано было заменить древний скифский обычай приносить жену (наложницу) в жертву покойному [Калоев, 1984, с. 6]. Следует отметить, что в ряде мужских погребений среднецнинской мордвы, относящихся к VIII—XI вв., были найдены женские косы, что свидетельствует о распространении данного обычая среди части мокшанских племен в эпоху средневековья [Алихова, 1969, с. 6]. Одновременно с женой посвящался конь.

Посвящение коня умершему являлось неперенным атрибутом похорон или поминок у мордвы, татар-мишарей и осетин. У мордвы поминки происходили в доме умершего и на кладбище на 3-й, 9-й, 20-й и 40-й дни, через полгода и год после смерти. Существовал также обычай оставлять на долю умершего полоску необработанного урожая, на которой в годовщину его смерти происходили своеобразные поминки [Мордва, 1981, с. 182—183]. Соседи мордвы —

татары-мишари поминали умерших на 3-й, 7-й, 40-й дни, через год, а иногда и через полгода после их смерти [Мухамедова, 1972, с. 185]. Осетины поминали еще чаще. По словам В. Ф. Миллера, они устраивали в год 12 больших и малых поминок, среди которых самые пышные и богатые были в день похорон и через год после смерти [Миллер, 1882, т. II, с. 287—288].

У мордвы на поминках было принято выбирать "заместителя" умершего, роль которого выполнял родственник покойного, похожий на него. "Заместитель" одевался в одежду усопшего, ему оказывали за столом особые почести. Иногда покойника изображала кукла в одежде умершего [Мордва, 1981, с. 183; Козлова, 1964, с. 157]. По данным этнографов, чувашаи накануне поминок изготавливали из дерева фигуру человека — "юпа", которая должна была символизировать умершего. Эту статую вносили в жилище и одевали на нее вещи покойного. Возле чучела ставили стол с пищей и напитками, часть из которых посвящалась умершему. На следующее утро "юпа" вывозили на кладбище и устанавливали у изголовья погребенного [Каховский, 1965, с. 190].

У осетин подобный обряд имел место под Новый год и носил название "ночь мертвых". По поверьям осетин, душа умершего в это время вселялась в чучело, изображавшее покойника. Чучело состояло из крестообразных палок, на которые одевали костюм умершего. Его устанавливали на видном месте, перед богато накрытым столом. Рядом раскладывали любимые вещи покойного. "Перед чучелом ставили чашку и бутылку араки, предназначенные для поминаемого. В течение дня происходило оплакивание, а затем угощение [Дюмезиль, 1990, с. 189; Калоев, 1984а, с. 94]. Данный обряд предки осетин не могли заимствовать у финно-угров, так как он зафиксирован не только на Кавказе, но и в Средней Азии, где, как известно, в прошлом существовал значительный массив ираноязычного населения. Во время раскопок древнего Хорезма были найдены терракотовые статуэтки, изображавшие чучело покойника. Однако, как отметил Ю. А. Рапопорт, данная традиция получила распространение у кочевых народов задолго до нашей эры [Рапопорт, 1971, с. 86—89].

Продолжая разговор об идеологических воззрениях народов правобережья Средней Волги, необходимо акцентировать особое внимание на традициях чувашей. Так, у чувашей после похорон и поминок было принято мыться в бане. Это должно было символизировать очищение от соприкосновения с умершим [Чуваши, 1970, ч. II, с. 162]. Данная традиция во времена Геродота бытовала у скифов. Древнегреческий информатор сообщает, что "после похо-

рон скифы очищают себя следующим образом: сперва умащают и затем промывают голову, а тело (очищают паровой баней)” [Геродот, IV, 73].

Чуваши довольно длительное время оставались язычниками. Исследователи отметили в древней чувашской религии некоторые сходные с зороастризмом элементы. Это касается прежде всего идей дуализма и пантеизма, подобных названий духов, богов и т. п. [Андреев, 1975, с. 96—98; Каховский, 1984, с. 135; Бойс, 1987, с. 28—35]. Погребальные традиции чувашей в ряде случаев подобны зороастрийским. Умершего чуваша, как и некоторые ираноязычные народы, хоронили на родовом некрополе в могильных ямах. На могиле устанавливали столб — миниатюрную модель Вселенной. Во время похорон разжигали огонь, ставили посуду с пищей, приносили жертвы богам и т. п. У чувашей, как и в “Авесте”, существовало представление о мосте, где душа умершего подвергалась допросу. Чуваши, в соответствии с требованиями зороастризма, почитали собаку [Каховский, 1984, с. 135—136; Кузьмина, 1977, с. 97—99; Бойс, 1987, с. 37—40]. Однако возникает вопрос: где могли познакомиться предки чувашей с данными традициями — на Средней Волге или в степях Восточной Европы и Средней Азии?

Соседи мордвы и чувашей татары-мишари — это сравнительно молодой этнос. Этапы его формирования относятся к периоду средневековья и безусловно связаны с историей мордовских, угорских и тюркских племен. Однако в верованиях татар-мишарей имеются такие фантастические образы, которые находят аналогии в древнеиранской мифологии и представляют результат связи со Средней Азией, Кавказом. В частности, следует вспомнить образ аздяки — злого и враждебного человеку существа. По поверьям, аздяка считается огненным змеем, который может пробраться в дом одинокой женщины, и, приняв образ ее мужа, сожительствовать с ней. Об этом женщина не должна никому говорить, иначе аздяка ее погубит. Его можно отогнать лишь выстрелом из ружья [Мухамедова, 1972, с. 190]. Данный сюжет очень напоминает нартовский, в котором повествуется о рождении Сырдона. Как явствует из нартовских сказаний осетин, Дзерасса, жена Уархага, направилась к реке за водой и повстречала там водяного Донбеттыра Гету. Гета стал склонять Дзерассу к сожительству, угрожая тем, что в случае отказа нарты не получают воду. Поначалу Дзерасса была против, но в конце концов ей пришлось согласиться. От этой связи у Дзерассы родился ребенок, похожий на дикого зверя и получивший имя Сырдон [Нарты, 1989, т. 2, с. 188—189].

Близость культур народов правобережья Средней Волги и осетин прослеживается не только в области идеологии, но и в хозяйственных и бытовых особенностях, а также в одежде. Имеются основания утвер-

ждать, что отмеченные совпадения являются результатом контактов между мордовскими, тюркскими и аланскими племенами в относительно недалеком прошлом, свидетельство чего имеется в мордовских древностях VIII—XI вв.

Мордва традиционно считается земледельческим народом, хотя археологические данные свидетельствуют о том, что земледелие у нее появилось во второй половине I тыс. н. э. Старейшей земледельческой культурой являлось просо — культура южного происхождения. Данные фольклора и языкознания позволяют сделать вывод о том, что в верованиях и терминах мордвы понятие проса превалировало над понятием других земледельческих культур [Воронин, 1965, с. 276—279]. Известно также, что у осетин с древних времен бытует просо, которое они называют "йау" [Калоев, 1967а, с. 68]. Маловероятно, чтобы кочевые тюркские племена могли занести на территорию Средней Волги эту древнюю земледельческую культуру. Скорее всего, распространение проса на правобережье Средней Волги можно связать с хозяйственно-культурными контактами, которые имели место между древнемордовскими и аланскими племенами. У нас имеются основания относить появление данной культуры у мордвы к периоду средневековья. В этой связи примечательно то, что мордва хранила зерно в корзинах, сплетенных из прутьев и соломы и обмазанных изнутри глиной. Это находит аналогии у осетин, которые также использовали для хранения зерна плетеные корзины "кьугу" разной формы и величины, обмазанные изнутри глиной [Мордва, 1981, с. 70; Калоев, 1967а, с. 74].

Мордва, как и осетины, знала войлок, который часто упоминается в песнях. Он служил постелью и одеялом. Процесс прядения шерсти мордвы имеет аналогии с данной традицией у народов Кавказа. Обычно в этих случаях прялка затыкалась за пояс женщины или ставилась между ее ног [Мордва, 1981, с. 71; Калоев, 1967а, с. 148]. Одежда мордвы и татар-мишарей в ряде случаев подобна осетинской. Это касается прежде всего того типа верхней одежды, прообразом которой мог являться кафтан, имевший в прошлом широкое распространение среди ираноязычных народов. На мордовской мужской сумани, которую носили весной и осенью, на зыбине татар-мишарей и на осетинском бешмете имелся стоячий воротник (рис. 38). Аналогичный тип верхней одежды был характерен для скифов и аланов. В кафтан со стоячим воротником был одет всадник, изображенный на ковре из Пазырыкского кургана горного Алтая. В катакомбах Змейского могильника была обнаружена часть аланского бешмета со стоячим воротником [Мордва, 1981, с. 122; Мухамедова, 1972, с. 90; Калоев, 1967а, с. 150].

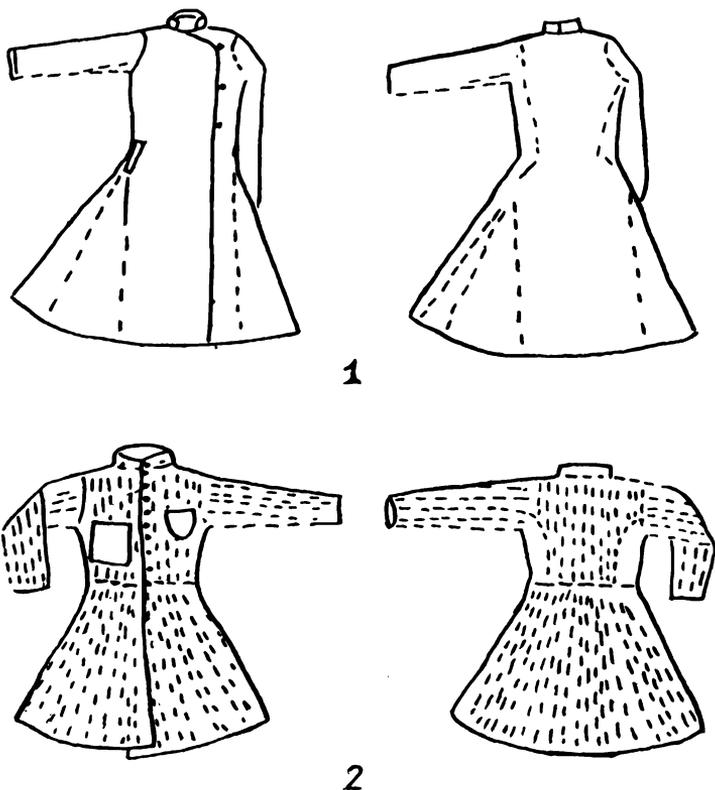

Рис. 38. Мужская верхняя одежда мордвы и осетин:

1 — мордовская сумань (по В. Н. Белицер); 2 — осетинский

легкий бешмет на подкладке (по Б. А. Калоеву)

Особого внимания заслуживает происхождение праздничных поясов у мордовских женщин. Они украшались медными и фарфоровыми пуговицами, бляшками, жетонами и т. д. К поясам подвешивались разноцветные шерстяные кисти, нити разноцветного бисера, медные цепочки и т. д. (рис. 39). На Кавказе подобные пояса изготавливались из кожи и украшались накладными фигурными серебряными бляшками с чернью, гравировкой и даже позолотой. На пояса подвешивались ремни с металлическими наконечниками и бляшками (рис. 21, 1). Данный тип имеет прямые аналогии с поясами, найденными в аланских катакомбах. В погребениях

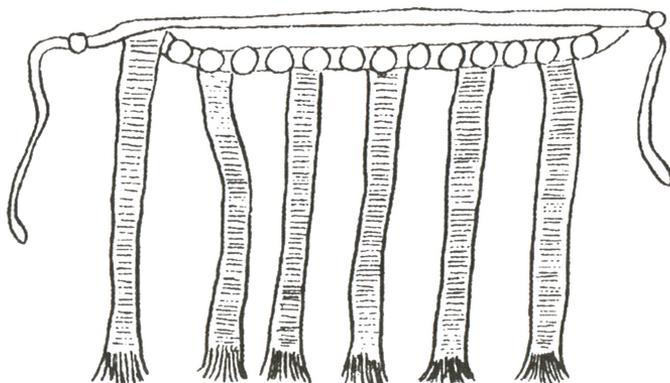

Рис. 39. Праздничный пояс мордовской женщины (по В. Н. Белицер)

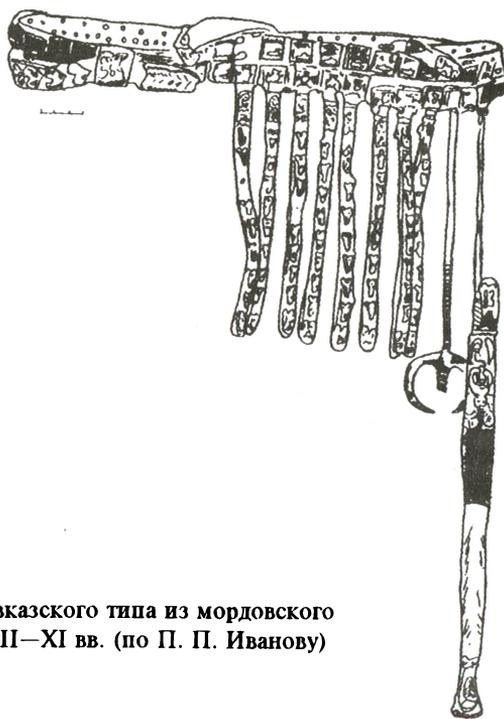

Рис. 40. Пояс северокавказского типа из мордовского могильника VIII—XI вв. (по П. П. Иванову)

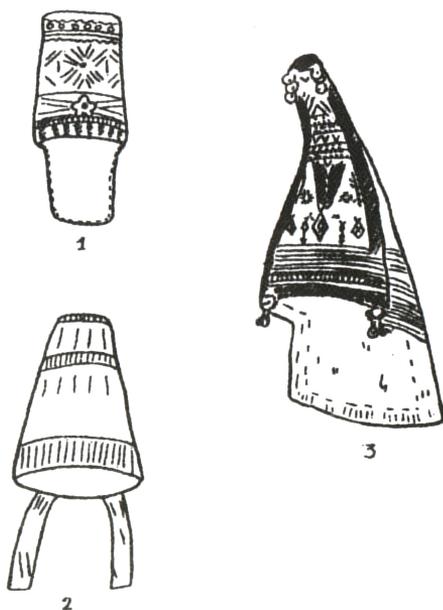

Рис. 41. Женские головные уборы мордвы-эрзи (по В. Н. Белицер):
1, 3 — панго; 2 — свухань-панго

VIII—XI вв., оставленных среднецнинской мордвой, часто находят аланские пояса с бляшками и подвешенными ремнями (рис. 40), "также украшенными бляшками и оканчивавшимися металлическими наконечниками" [Мордовск. нар. кост., 1990, с. 46—47, 122, 287—288, 300; Студенецкая, 1989, с. 95; Полесских, 1968, с. 205—206]. В мордовском мужском костюме данный элемент не сохранился, а форма женских поясов заставляет видеть в них аланское происхождение.

В форме головных уборов мордвы, татар-мишарей и осетин есть немало общего. У мордвы-эрзи восточной группы получил распространение головной убор панго, который изготавливался на твердой основе, суживавшейся кверху, и обтягивался тканью (рис. 41). Местные различия сказались в форме панго: одни из них имели лопаткообразную форму, другие — полуцилиндрическую, а третью — рогообразную [Мордва, 1981, с. 133; Морд. нар. кост., 1990, с. 48]. Подобная форма головных уборов бытовала в старину у осетин. Пробразом данного элемента одежды могла быть скифская остроконечная шапка. Остроконечные головные уборы (рис. 42, 1—5) были характерны и для

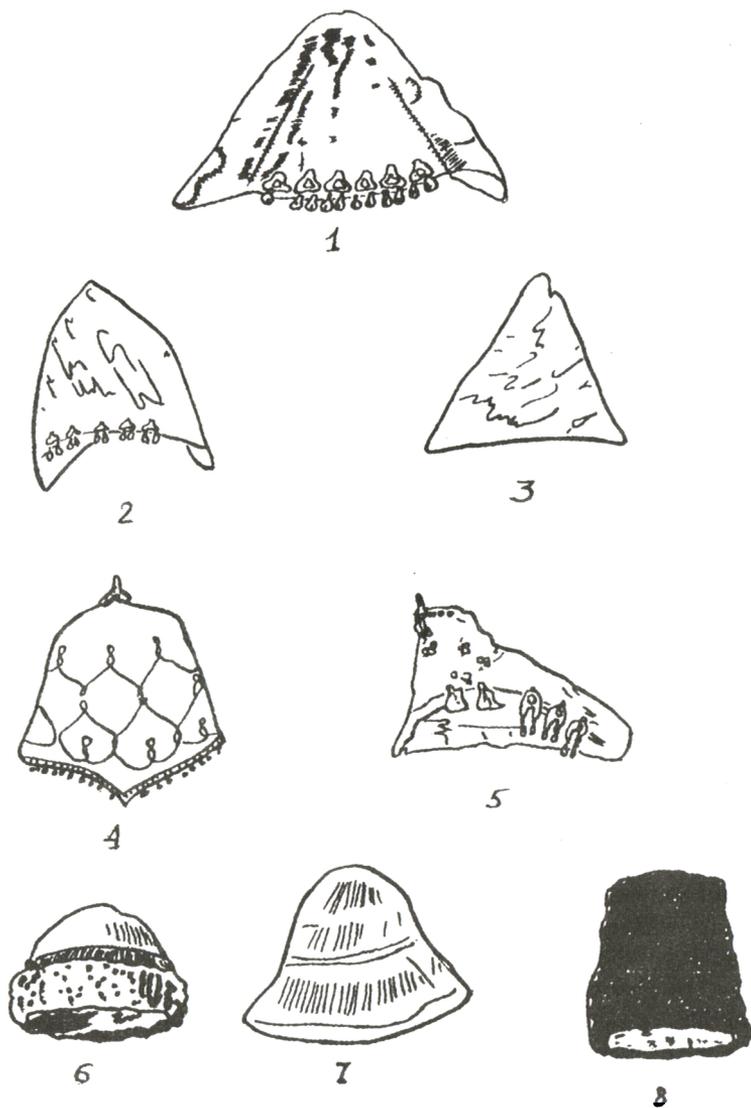

Рис. 42. Головные уборы алан (1—5) и осетин (по Т. Д. Равдоникас и Б. А. Калосву)

аланов, о чем свидетельствуют находки в аланских катакомбах [Калоев, 1967а, с. 152]. В. И. Вихляев отметил, что находки из мордовских погребений VIII—IX вв. свидетельствуют о том, что "даже в такой специфической части племенного костюма, как головной убор, прослеживаются аланские элементы" [Вихляев, 1988, с. 21]. Исходя из этого имеются основания видеть в "башкагце", женском головном уборе татар-мишарей, переходную форму от остроконечной аланской шапки к головному убору панго, распространенному среди эрзянских женщин (рис. 43, 2). Кроме того, в старину мужчины татар-мишарей носили на голове "тирэле бурек" (рис. 43, 1), который находит аналогии в осетинской мужской шапке XVIII в. (рис. 42, 6). Соседи мордвы — низовые чуваша степной подгруппы и татары-мишари нередко носили изготовленные из войлока черные шляпы с низким верхом и широкими полями. Это находит аналогии в осетинских войлочных шляпах с большими полями [Чуваши, 1970, с. 294; Калоев, 1967а, с. 152; Студенечкая, 1989, с. 119].

Таким образом, хорошо видно, что татары-мишари в культурном отношении занимают промежуточное положение между осетинами, чувашами и мордвой. Это лишь может свидетельствовать о том, что истоки этноса татар-мишарей следует искать на Северном Кавказе. Быть может, свидетельством этого является факт распространения названия понедельника у татар-мишарей: "баш-коп" — первый или начальный день недели. Такое же по смыслу название понедельника существовало на Северном Кавказе у карачаевцев и балкарцев. Налицо древнее влияние христианского счета. Пожалуй, можно полностью согласиться с мнением Б. А. Васильева, который считает, что "название понедельника у мишарей не является новообразованием, возникшим под влиянием русской культуры, хотя бы в период Касимова царства (XIV в.), а возникло в эпоху, когда предки мишарей находились под влиянием той же культурной среды примерно на той же территории, что и предки карачаевцев и балкарцев" [Васильев, 1960, с. 207]. Хорошо известно, что в этногенезе карачаевцев и балкарцев значительную роль сыграли кавказские аланы-асы, которые в период раннего средневековья начали подвергаться культурному и идеологическому воздействию со стороны христианской Византии. Вполне возможно, что население Северо-Западного Кавказа уже в то время могло воспринять этот христианский счет от соседей-византийцев. Исходя из этого имеются основания говорить о связи татар-мишарей, как и карачаево-балкарцев, с кавказскими аланами-асами. В дополнение к этому хочется напомнить мнение И. Г. Добродомова, который считает, что на мишарское цоканье оказал воздействие алано-буртасский субстрат [Добродомов, 1989, с. 27]. Цокающие звуки были также присущи и балкарскому языку, впитавшему немало элементов от диалектов алано-кавказского населения предшествующей эпохи [Абаев, 1964, с. 116].

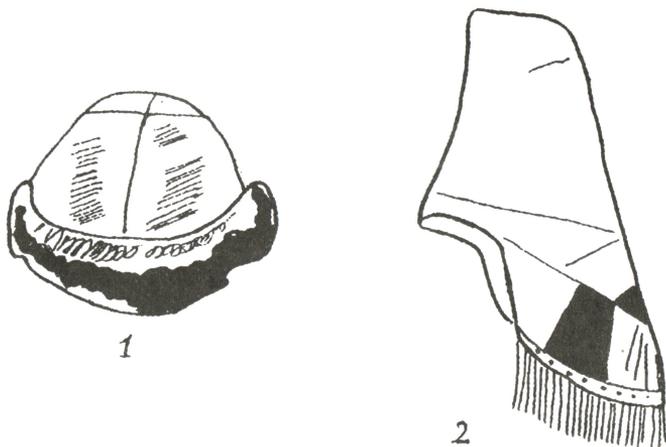

Рис. 43. Головные уборы татар-мишарей (по Р. Г. Мухамедовой):
1 — мужской “тиреле бурек”; 2 — женский “башкагец”

Налицо определенная связь татар-мишарей и аланов-буртасов, первоначальной территорией расселения которых могли быть земли Северного Кавказа. Этому предположению не противоречат данные письменных источников.

Как уже отмечалось, продвижение аланов Подонья на северо-восток, в среду мордовских племен в конечном итоге могло способствовать распространению на Средней Волге племенного наименования “буртас” [Алихова, 1969, с. 5]. Вплоть до XIII в. в письменных источниках не упоминается мордва-мокша, а вместо нее фигурирует имя буртасов. Раздельное написание племен “моксель” (мокша) и “мердас” (буртас) впервые зафиксировано в сообщении Г. Рубрука, относящемуся к середине XIII в. Характерно, что Г. Рубрук назвал народ “Мердас” сарацинами, что дает основание видеть именно в них буртасов, а не мордву-эрэю, так как представители мордвы никогда не были мусульманами [Рубрук, 1957, с. 110; Васильев, 1960, с. 191]. В русском летописном памятнике XIII в. “Слово о погибели Русской земли” буртасы упоминаются наряду с другими народами Средней Волги: мордвою, болгарями, черемисами [Бегунов, 1965, с. 183—184]. Персидский автор XIV в. Рашид ад-Дин, рассказывая о походах татар на Волгу, перечисляет племена мокшей, буртасов и арджан [Тизенгаузен, 1941, т. II, с. 36].

С сообщением Г. Рубрука перекликается информация арабского автора XIV в. Химйари, который сообщает, что буртасы жили в непосредственной близости от волжских болгар и русов. Как явствует из его сведений, буртасы были мусульманами, имели мечети. Число мусульман среди них доходило до двадцати тысяч [Левицкий, 1960, с. 135]. В русских свияжских книгах XVI в., где описывается население Казанского ханства, упоминаются буртасы с тюркскими именами. Последние письменные известия о буртасах на Средней Волге относятся к концу XVII в. Буртасы упоминаются в ясачных книгах как "посопные татаровя" [Попов, 1973, с. 114—115]. Однако в ряде сел Рязанской губернии вплоть до начала XX в. "буртасы продолжали жить среди русских крестьян под именем буртышей" [Черменский, 1970, с. 90].

Таким образом, данные письменных источников позволяют предполагать, что буртасы представляли собой отдельный народ и с X по XIII вв. занимали в среде мордвы-мокши господствующее положение. Информация Г. Рубрука и Химйари о буртасах как о мусульманах и упоминание в русских документах XVI—XVII вв. буртасов как "посопных татар" заставляют видеть в современных татарах-мишарях потомков буртасов. Что же касается присутствия в названии татар-мишарей термина "мишар", то уместно напомнить информацию С. А. Токарева о происхождении данного наименования: "Они называют себя татарами и даже считают несколько обидной кличкой название "мишер", даваемое им собственно татарами" [Токарев, 1958, с. 179]. Исходя из этого, под татарами-мишарями следует подразумевать татар — жителей Мещерского края. Вполне возможно, что буртасы могли сыграть в этногенезе татар-мишарей роль субстрата.

В конечном итоге, можно констатировать наличие факта влияния средневековой аланской культуры на традиции народов правобережья Средней Волги. Именно на этой территории письменные документы X—XVII вв. традиционно локализуют буртасов. А это позволяет предполагать, что этими пришельцами-буртасами могли являться аланы.

Не оказались в стороне от данного процесса и восточные славяне, свидетельством чего могут являться данные лингвистического и этнографического характера. Длительные контакты иранцев и славян, продолжавшие существовать и в эпоху средневековья, нашли прежде всего отражение в языке украинцев и южных русских. В этой связи особо примечательна информация о распространении среди славян иранского *h* вместо исконно славянского взрывного *g*. Звук *h* у восточных славян получил распространение именно на той территории, где издавна обитало ираноязычное население. В. И. Абаевым отмечено отсутствие данной фонемы на севере Восточной Европы, т. е. там, где ираноязычное население никогда не обитало (рис. 44). Исследователь допускает, что согласный *h* южная часть восточных славян могла вос-

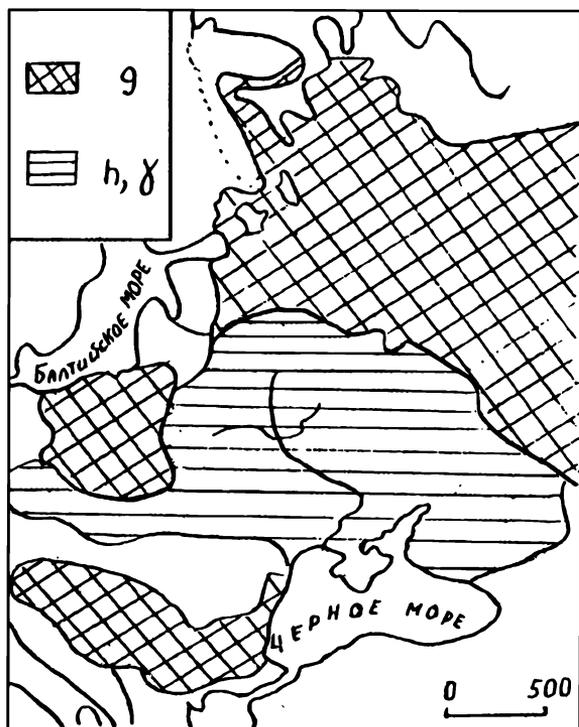

Рис. 44. Изоглосса взрывного и невзрывного *g* в славянском (по С. Б. Бернштейну)

принять и в эпоху средневековья непосредственно от аланов в VIII—IX вв. в Подонье и в XI—XII вв. на Северо-Западном Кавказе, на территории Тмутараканской Руси, пограничной с владениями аланов-асов [Абаев, 1964, с. 115—121; Абаев, 1965а, с. 48, 135].

Следы иранского влияния на юго-восточную часть славянства обнаруживаются в материалах лексики, на что не раз обращали внимание исследователи [Трубачев, 1967, с. 3—81]. Кроме того, И. Г. Добродомову удалось выделить из общего количества иранских заимствований в восточноиранских языках слова явно аланского (осетинского) происхождения [Добродомов, 1981, с. 37—42]. В этой связи особый интерес представляет терминология, связанная с идеологическими представлениями восточных славян.

Древнерусские летописи донесли до нас имена славянских божеств, часть из которых легко объясняется данными иранского языкознания. Они упоминаются при описании событий 980 г.: "И начи кня-

жити Володимер в Киеве един и постави кумири на холму вне двора теремного: Перуни древяни, и главу его серебряну, у усь и злать, и Хърса, Дажьбога и Стрибога, и Смарьгла и Мокошь" [ПВЛ, 1950, т. I, с. 56]. В. И. Абаев усмотрел в именах богов Хорса и Смарггла слова иранского происхождения. По мнению исследователя, в Хорсе следует видеть старого аланского бога, имя которого нужно переводить с иранских языков как "добрый, хороший" [Абаев, 1969, с. 115]. Б. А. Рыбаков считает Хорса богом солнечного светила, неотделимого от образа Дажьбога — Солнца, что в принципе не противоречит выводам В. И. Абаева о функции данного слова как эпитета [Рыбаков, 1981, с. 432; 1988, с. 444]. По мнению этого ученого, иранскими по происхождению являлись имена Дажьбога и Стрибога, поскольку они содержали слово "бог", являющееся заимствованием из иранского [Рыбаков, 1981, с. 432]. Р. Якобсон склонен объяснять имя Дажьбог как "податель богатств, а Стрибог — "ширитель богатств" [Якобсон, 1970, с. 617].

С иранским пантеоном исследователи связывают и другое божество восточных славян, известное в летописях как "Съ-марьгл". Аналогии этому божеству находят в индоиранской мифологии, где "Сайно мрига" (Ригведа) и "Симург" (Авеста) — обозначали собако-птицу [Рыбаков, 1981, с. 432; Рыбаков, 1988, с. 444]. По мнению В. И. Абаева, для скифо-осетинских языков в слове *mag* "птица" была характерна огласовка "а", тогда как в персидском и почти во всех иранских языках имеется только гласный "u" (*murg*) [Абаев, 1969, с. 115].

Кроме того, с иранским влиянием связывают и имя другого восточнославянского божества — Сварога, где слово *Svar* обозначает "распря, борьбу, сопротивление" [Якобсон, 1970, с. 616]. К числу иранских по происхождению относят также и восточнославянское божество Родь. Характерно, что в языческом пантеоне осетин существовал подобный бог *Naf*, чтимый по всей Осетии. Праздник его был приурочен к началу весны и продолжался несколько дней. По поверьям осетин, *Naf* имел власть над плодородием и от него зависело цветение рода [Абаев, 1965а, с. 110—111].

Пожалуй, к числу наиболее загадочных божеств восточных славян относится образ Вия, упоминаемого Н. В. Гоголем в одноименной повести. Как признал сам писатель, он заимствовал его из украинского фольклора, что может лишь свидетельствовать о его глубоко народных корнях. Исследователи давно обратили внимание на то, что персонаж осетинских сказок и эпоса Ваюг во многом походит на гоголевского Вия. Вий Н. В. Гоголя и Ваюг осетинского фольклора — это злые и враждебные человеку существа. В. И. Абаев склонен связывать происхождение украинского Вия и осетинского Ваюга с индоевропейским богом ветра Ваю [Абаев, 1958б, с. 303—307]. Однако В. В. Иванов не

согласен с мнением В. И. Абаева и видит в украинском Вие и осетинском Ваюге божество не ветра, а подземного царства, что подтверждается рядом параллелей из мифологии других индоевропейских народов [Иванов, 1971, с. 133—142]. На первый взгляд может показаться странным, что заимствованный из индоевропейской мифологии образ Вия встречается только в украинском фольклоре. Его нет в народном творчестве других восточных славян. Прямые аналогии украинского Вия с осетинским Ваюгом могут свидетельствовать в пользу того, что предки украинцев унаследовали данный образ от предков осетин, а это могло иметь место в эпоху средневековья.

Характерно, что вплоть до недавнего времени в идеологических представлениях восточных славян и осетин существовало немало общего. Это было особо заметно в погребальных обрядах. У русских и украинцев было принято наряжать умершего в новую одежду, специально приготовленную для этого случая [Зеленин, 1991, с. 347]. Аналогичным образом поступали и осетины [Калоев, 1984а, с. 75]. Много общего и в обрядах связанных, с доставкой покойника на кладбище. У восточных славян, как и у населения почти всей Европы, впрочем как и у жителей Южной Осетии, было принято везти умершего на кладбище в основном на санях — древнейшем виде повозки. На кладбище лошадь перепрягали: сперва ее выпрягали, затем обводили по ходу солнца вокруг саней или телеги и после этого вновь запрягали [Зеленин, 1991, с. 350]. Подобный обычай отмечен и у осетин. У них во время похорон коня снаряжали и ставили у изголовья покойного. После произнесения речи в честь посвящения коня умершему старик-посвятитель обводил коня вокруг покойника трижды [Калоев, 1964, с. 2—3]. Вполне возможно, что в данной традиции чувствуется отголосок древнего скифского обычая приносить коня в жертву покойному. Однако, как уже отмечалось, преждевременно говорить о прямых контактах славян со скифами. В данном случае более предпочтительна версия о более позднем происхождении указанной инновации. Не следует также забывать, что у восточных славян до принятия христианства имел распространение обряд кремации. Возможно, что лишь после 988 г. среди населения Руси вместе с обрядом ингумации могли проникнуть новые элементы погребального обряда. Не исключено, что носителями отмеченной традиции в Восточной Европе в эпоху средневековья могли быть потомки аланов — ясы.

Общие черты с народами ирано-кавказского круга также были отмечены исследователями в материальной культуре украинцев и южных русских [Ригельман, 1847, с. 8; Лавров, 1961, с. 64—65; Горленко, 1982, с. 98—99]. Это касается в первую очередь традиционного равнинного жилища украинцев (хаты) и народов Северного Кавказа. Для жилищ Южной и Средней Украины, а также степей Предкавказья бы-

ло характерно прежде всего то, что они сооружались при помощи столбов, ивовых прутьев и глины. Крыша этих сооружений обычно была из соломы или камыша. Данные постройки получили распространение в среде исследователей название жилищ каркасно-турлучного типа. Для украинской хаты и жилищ Прикавказской низменности было характерно то, что это были преимущественно наземные постройки (рис. 45—46). На Украине и на Кавказе каркасно-турлучные жилые постройки были однокамерными или двукамерными [Бломквист, 1956, с. 86—87; Косміна, 1980; Данилюк, 1991; Зеленин, 1991, с. 291—292; Кобычев, 1982, с. 86—87, 112; Народы Кавказа, 1960, т. I, с. 161—162, 206, 317—319].

Относительно происхождения жилищ данного типа существуют различные мнения. Так, Е. Э. Бломквист считала, что происхождение украинской хаты следует связывать с полуземлянкой древнерусского периода. По ее мнению, "должно было пройти еще немало веков, прежде чем полуземляночное жилище Юга поднялось из земли, "выбросилось на свет", и превратилось в поземную хату-мазанку". Исследователем было отмечено, что переходной тип жилищ от полуземлянок к хате в виде углубленной в землю хаты не раз отмечался в степной полосе в XIX в. [Бломквист, 1956, с. 18].

Иного мнения по этому поводу придерживались Ф. К. Волков и В. П. Кобычев. Они считали, что украинская хата явилась результатом довольно позднего заимствования и нашли ей аналогии на Северо-Западном Кавказе. В качестве доказательства этого проводились приспособления для отвода дыма, а также мебель, имеющие аналогии на Северном Кавказе. Все это дало основание Ф. К. Волкову и В. П. Кобычеву полагать, что истоки традиционного украинского жилища следует искать на Северном Кавказе [Волков, 1916, т. I, с. 538; Кобычев, 1973, с. 94].

Кавказские же исследователи Г. А. Кокиев и Л. А. Чибиров, наоборот, считали, что адыгейский и осетинский равнинный тип жилища был полностью заимствован от украинского и южнорусского [Кокиев, 1946, с. 80; Чибиров, 1970, с. 108]. Однако не все так просто, как кажется на первый взгляд. Резонно в данной ситуации проследить в хронологическом аспекте процесс распространения на территории Украины и Кавказа жилищ каркасно-турлучного типа. Очень важно привлечь для этого свидетельства археологии, письменных источников и лингвистики.

Вполне возможно, что с жилищем, сплетенным из прутьев и обмазанным глиной, восточные славяне могли познакомиться еще в первые века нашей эры во времена черняховской культуры. Однако уже тогда в устройстве жилищ степной зоны Северного Причерноморья и

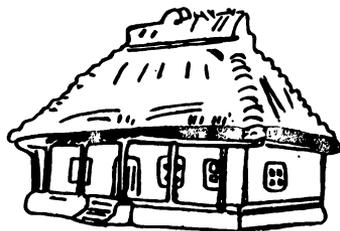
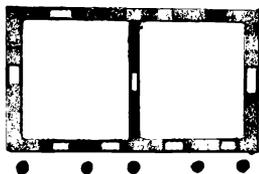
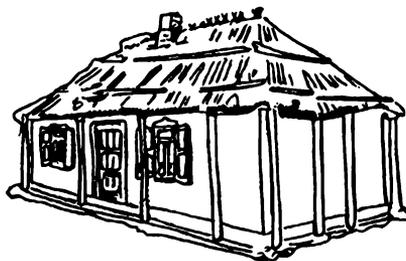

Рис. 45. Традиционное украинское жилище с галереей из с. Калюс Хмельницкой обл. (по Т. В. Косминой)

1

2

Рис. 46. Жилище народов Северо-Западного Кавказа (по В. П. Кобычеву):
1 — каркасно-гурлучный дом в стадии строительства; 2 — адыгейское жилище начала XX в. с крутой четырехскатной крышей с соломенным покрытием с расчесом

Северного Кавказа имелось немало общего. Примечательны в этом отношении жилые постройки, обнаруженные в Нижнем Поднепровье у с. Капуловки, находящие аналогии на Северном Кавказе на поселении в устье р. Узун-Кол [Рутківська, 1970, с. 213; Минаева, 1960, с. 205].

В период раннего средневековья на территории Украины наземный каркасно-турлучный тип жилища не исчез, а продолжал существовать в степной и лесостепной зонах. В связи с этим следует выделить постройки Ново-Покровского поселения под г. Харьковом, датируемого VI—VIII вв. [Кухаренко, 1951, с. 106].

В VIII—X вв. обмазанные глиной плетеные жилища и хозяйственные постройки получили распространение среди народов Хазарского каганата. Несколько таких жилищ были обнаружены в нижнем течении Дона И. И. Ляпушкиным на Карнауховском поселении [Ляпушкин, 1958, с. 263—305], В. Д. Белецким — в Саркеле [Белецкий, 1959, с. 40—74], С. А. Плетневой — на Правобережном Цимлянском городище [Плетнева, 1964б] и т. д. Кроме того, наземные хозяйственные постройки из плетня и камыша, обмазанные глиной, в хазарский период имели распространение в лесостепном Подонье (рис. 47). Показательны в этом отношении материалы, полученные при исследовании Ютановского и Маяцкого поселений [Афанасьев, 1987, с. 38—75; Винников, 1984б, с. 95—135]. Преобладающим же типом жилища в лесостепном Подонье были углубленные в материк полуземлянки. Вполне можно согласиться с мнением С. А. Плетневой, что наземное жилище из камыша не было приспособлено к тем суровым климатическим условиям, которые существовали в лесостепном Подонье [Плетнева, 1961, с. 83—91].

В период раннего средневековья наземные каркасно-турлучные жилища имели распространение и на Северном Кавказе. В связи с этим особо следует выделить постройки четырехугольной формы с округленными углами (рис. 48), обнаруженные на Андрейаульском городище в степном Дагестане. Характерно, что такие жилища прослеживаются в слоях II—III вв., связанных с основателями Андрейаульского поселения [Магомедов, 1983, с. 147—149]. В данном случае уместно вспомнить информацию Ибн Хаукаля, который о быте хазар писал, что "жилища их были хижины, а постройки их плелись из дерева и замазывались сверху" [Гаркави, 1870, с. 220]. Подобное описание имеется и у Мукаддеси: "Жилища семендерцев из дерева, переплетенного камышом" [Караулов, 1908, с. 5].

В конечном итоге, хорошо видно, что уже в период раннего средневековья каркасно-турлучный тип жилища получил широкое распространение в степях Восточной Европы и Северного Кавказа. Исходя из того, что эти постройки имели квадратную, квадратную с закругленными углами и

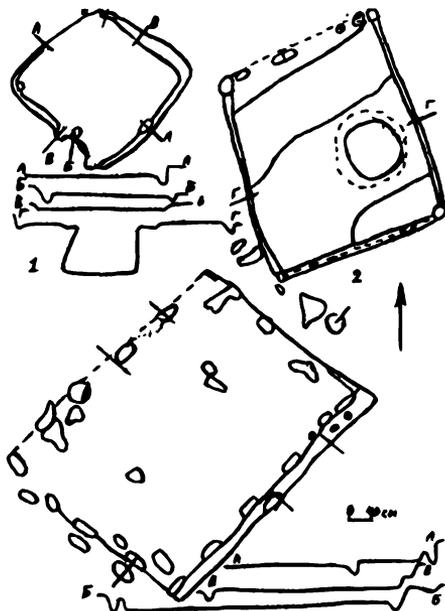

Рис. 47. Наземные хозяйственные постройки Маяцкого селища
(по А. З. Винникову):

1 — постройка №4; 2 — постройка №11; 3 — постройка №27

круглую формы (рис. 49), можно предположить, что их истоки следует искать в юртообразном жилище кочевников (рис. 50).

На территории же Руси в домонгольский период каркасно-турлучные жилища не получили распространения [Сергеева, 1993, с. 4–7]. Жилища там сооружались преимущественно в виде землянок или полуземлянок с широким использованием дерева. Известно также, что эти жилые постройки обозначались славянским термином "истба", "истьба", "истобька", "истопа", что подчеркивало отапливаемость этих помещений [Бломквист, 1956, с. 18–20]. Плетенные же из лозы и камыша постройки самых разнообразных форм (рис. 51) использовались исключительно в хозяйственных целях [Готун, 1993, с. 59–71]. Исходя из этого имеются основания полагать, что постройки каркасно-турлучного типа в домонгольский период были знакомы восточным славянам, но не получили распространения на территории Руси в силу специфики природных условий. В конечном итоге можно предположить, что этот наземный тип жилища имел значительное распространение среди предков украинцев только со времен позднего средневековья как следствие широкого расселения последних в степях

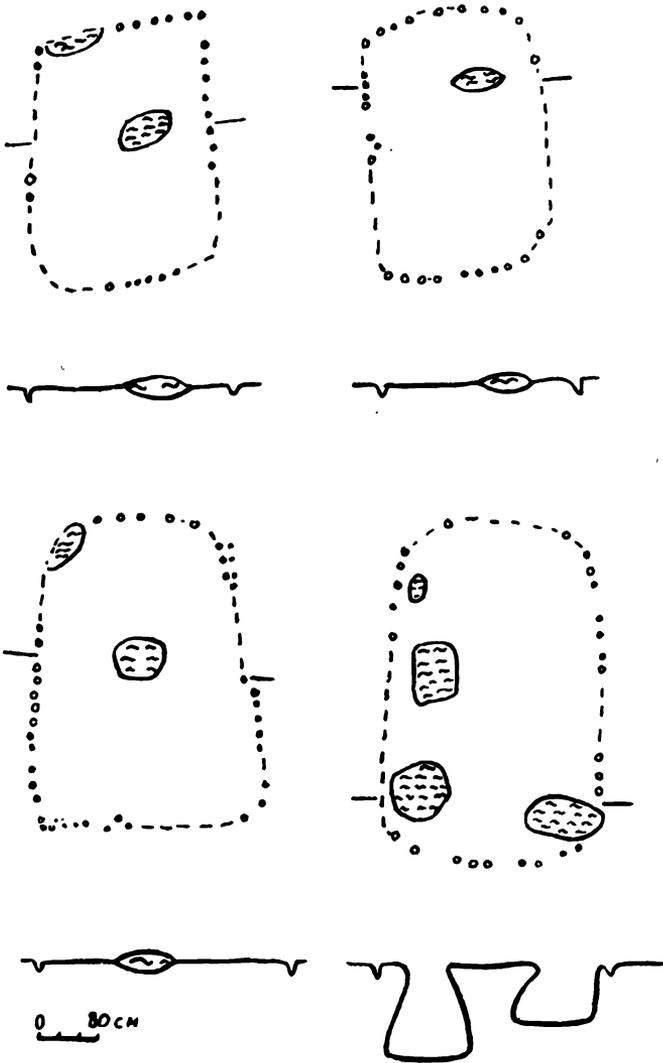
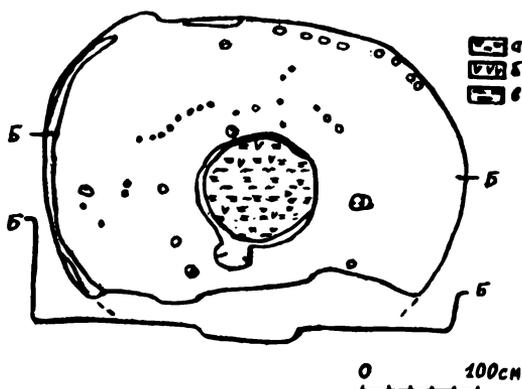
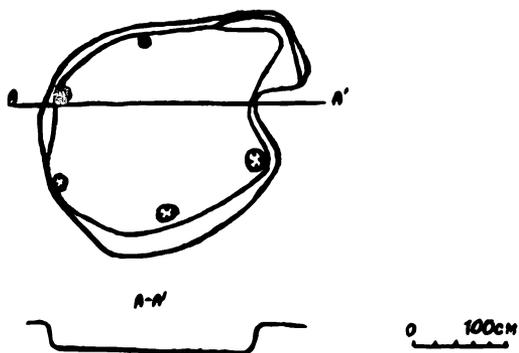

Рис. 48. Типы жилищ Андреяульского городища (по А. Г. Магомедову)

1

2

Рис. 49. Юртообразные жилища каркасно-турлучного типа салтовской культуры:

1 — жилище №12 Дмитриевского поселения (по С. А. Плетневой);
 а — обожженная глина; б — угли; в — зола; 2 — постройка №14
 Ютановского городища (по Г. Е. Афанасьеву)

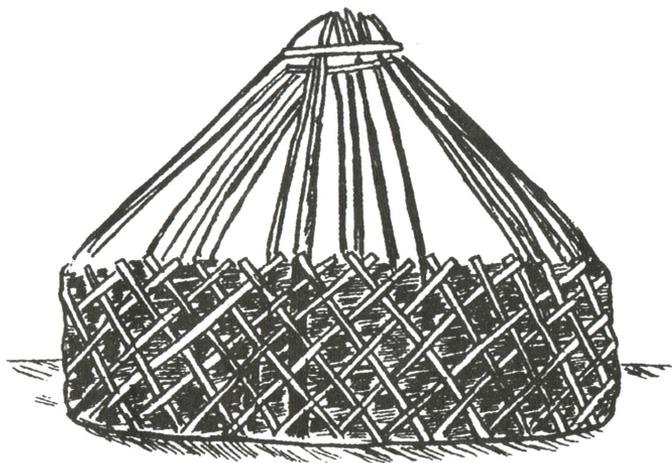

Рис. 50. Деревянный остов казахской юрты (по Н. А. Пантусову)

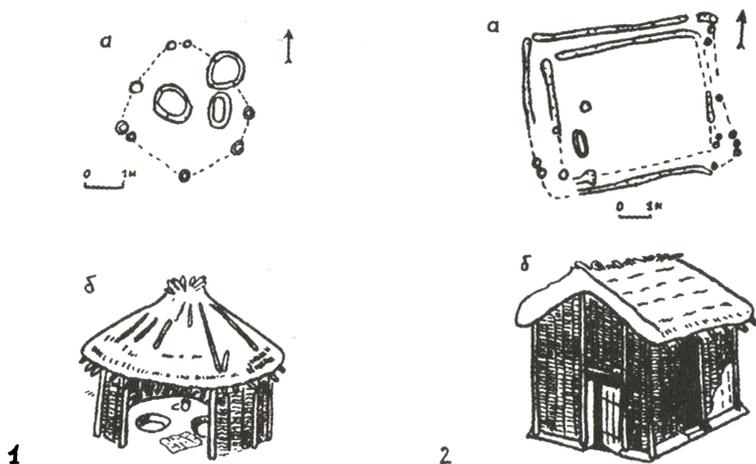

Рис. 51. Хозяйственно-бытовые постройки древнерусского поселения у с. Автуничи (по И. А. Готуну)

Северного Причерноморья. В это же время в письменных документах начинает фигурировать термин "хата".

Впервые слово "хата" стало упоминаться в XVI — начале XVII вв. [АЮЗР, 1863, с. 88, 240; АЮЗР, 1883, с. 299]. Как считает большинство исследователей, на Украине каркасно-турлучный тип жилища и термин "хата" — это адекватные понятия. По мнению лингвистов, происхождение слова "хата" следует связывать с общеиранским *kata* (комната, кладовая, погреб), что нашло отражение во многих европейских языках. Ряд исследователей (Беркер, Фасмер, Славский) поддерживали версию Корша, согласно которой в данном случае отсутствует связь между иранским и славянским терминами, ввиду придыхательного начала славянского слова, из чего следует, что необходимо посредство венгерского *haz* (дом) [Корж, 1907, с. 762]. Однако О. Н. Трубачев считает, что термин "хата" обнаруживает признаки бесспорно позднего элемента как с иранистской, так и со славистической точки зрения". Исходя из данных иранистики начальное "х" является производной от "к", а с точки зрения славянских языков иноязычное краткое "а" уже отразилось в виде долгого "а" [Трубачев, 1967, с. 41—42; ЭССЯ, 1981, с. 21—22]. Поэтому можно предположить, что термин "хата" мог попасть к восточным славянам в относительно позднее время, т. е. в скифо-сарматскую эпоху или во времена средневековья. Не исключено, что носителями данного слова могли быть обитатели южнорусских степей — аланы. И если в южной части Восточной Европы для обозначения каркасно-турлучного жилища использовалось слово "хата", то на Кавказе среди потомков аланов — осетин жилье до сих пор называют близким по форме термином "хæдзар" В. И. Абаевым было высказано предположение о генетическом родстве общеиранского *kata* и осетинского "хæдзар" [Абаев, 1989, т. IV, с. 160—161]. А если это так, то можно с определенной долей уверенности говорить о существовании значительных различий между диалектами кавказских и восточноевропейских аланов.

Говоря о происхождении украинского и северокавказского равнинных жилищ, не стоит забывать, что в их внутреннем убранстве имелось немало общего. В данном случае речь идет прежде всего о дымоходе, который представлял собой сплетенную из прутьев и обмазанную глиной конструкцию. На Кавказе дымоход сооружался над открытым очагом (рис. 52) и прямо выводился за пределы крыши [Народы Кавказа, 1960, с. 161, 206, 317; Магометов, 1968, с. 264; Кобычев, 1973, с. 90—96]. На Украине же данное устройство (рис. 53) обычно устанавливалось в сенях, рядом со стеной, которая называется "кагла" [Бломквист, 1956, с. 263; Косміна, 1980, с. 62, 174—175]. Однако на Украине бытовал и более архаичный тип "дымаря" (комины), который представлял собой небольшой очаг, над которым устанавливалось

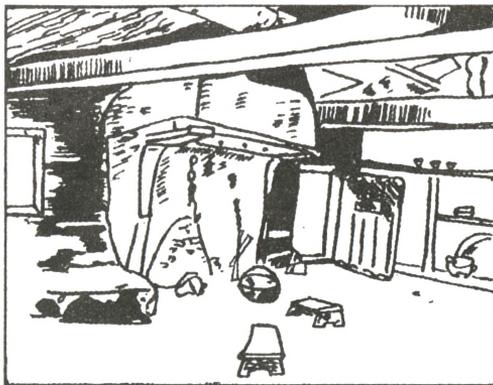

Рис. 52. Уголок интерьера старого карачаевского жилища с камином (по В. П. Кобычеву)

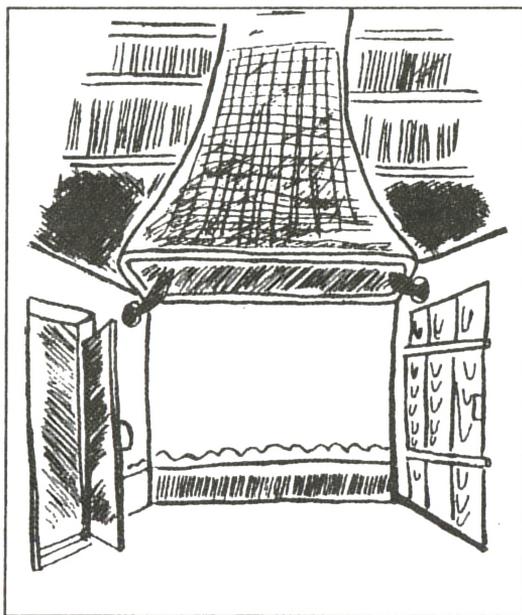

Рис. 53. Интерьер сеней, с. Зеньковцы Хмельницкой обл. (по Т. В. Косминой)

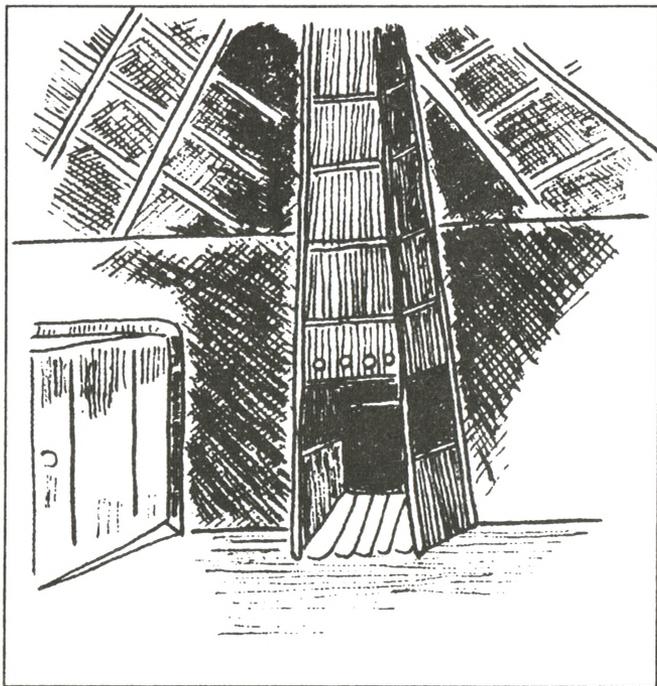

Рис. 54. Украинский “дымар” в снях, Полтавская губ.
(по Д. К. Зеленину)

сплетенное из ивовых прутьев устройство для отвода дыма (рис. 54) [Зеленин, 1991, с. 309—310]. Трудно говорить в данном случае о направлении заимствования этого архаичного приспособления. Не исключено, что в прошлом для отвода дыма могли использовать дымоход подобной конструкции. Вполне возможно, что народы Украины и Кавказа могли воспринять от жителей степи не только каркасно-турлучный тип жилища, но и сплетенный из прутьев дымоход.

Из предметов внутреннего убранства украинской хаты и северокавказского жилища следует особо выделить низенькие круглые столики (рис. 55—56). Обычно за таким столиком обедали, садясь на землю или на низенькие стульчики. Когда стол был не нужен, его вешали на стене жилища снаружи [Бломквист, 1956, с. 421—422; Народы Кавказа, 1960, с. 162, 206, 319]. Благодаря находкам в вечной мерзлоте на Алтае мы знаем, что у ираноязычных народов уже в скифскую эпоху в широком употреблении был именно такой небольшой столик [Руденко, 1953, с. 82—86]. Находили такую мебель (рис. 57) и в катакомбах аланов на Северном Кавказе [Иванюков, Ковалевский, 1886, с. 103;

Рис. 55. Украинский круглый столик

Рис. 56. Осетинский круглый столик (по Б. А. Калоеву)

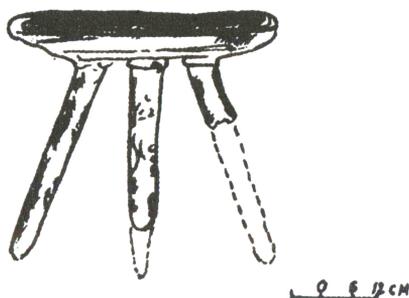

Рис. 57. Столик "фынг" из катакомбного могильника
Рям-горы (по А. П. Рунич)

Кузнецов, 1971, с. 142]. Исходя из этого имеются основания полагать, что небольшие круглые столики на Кавказе могли получить распространение благодаря расселению там скифов, сарматов, аланов. Бытование на Украине такой мебели также позволяет говорить о влиянии степной кочевой культуры.

Следует отметить, что неперменной принадлежностью жилища на Украине, как и у восточных народов, были ковры. Характерно, что в орнаменте ковров, изготавливаемых на Левобережной Украине, преобладали иранские и среднеазиатские мотивы. Для остальной территории Украины это не было характерно [Крыжановский, 1925]. Таким образом, можно согласиться с мнением Л. И. Лаврова, который считал, что общий тип жилища на Украине и на Северо-Западном Кавказе формировался в процессе взаимных творческих связей соседних народов, которые долгое время находились в контакте друг с другом [Лавров, 1961, с. 62—66].

В контексте алано-славянских хозяйственно-культурных связей следует особо обратить внимание на почти полную идентичность украинского и северокавказского тяжелого колесного плуга (рис. 58—59). И хотя данный тип орудия для обработки почвы на Северном Кавказе носит название "кабардинского (черкесского) плуга" [Калоев, 1981, с. 118], имеются основания утверждать, что он был известен уже в XI—XII вв. в равнинной и предгорной частях Кавказской Алании [Калоев, 1973, с. 13—14; Кузнецов, 1971, с. 54, 56]. На юге же Руси, если исходить из данных памятников материальной культуры и сведений летописей, уже с IX в. существовало два типа плугов: колесный и бесколесный [Довженко, 1961, с. 70—82; Горленко и др., 1971, с. 42—43]. В связи с этим особый интерес представляет одна из миниатюр Радзивилловской (Кенигсбергской) летописи, где изображен тяжелый передковый плуг, аналогичный современному украинскому и северокавказскому (рис. 60).

Исходя из вышесказанного необходимо отметить, что источник распространения данного типа земледельческого орудия один, а именно — давние хозяйственные традиции оседлого населения степей Северного Причерноморья и Северного Кавказа. Как свидетельствуют данные археологии, процесс формирования такого тяжелого плуга происходил в VIII—X вв. на территории Хазарского государства [Ляпушкин, 1958, с. 117]. В настоящем исследовании уже неоднократно высказывалось предположение, что основу земледельческого населения южнорусских степей во времена хазар и половцев составляли не тюркоязычные обитатели, подвергшиеся процессу седендаризации, а потомки аланов, перешедших к оседлому образу жизни еще в догуннскую эпоху. А если это так, то имеются веские основания связывать распространение тяжелого колесного плуга в равнинной части Северного

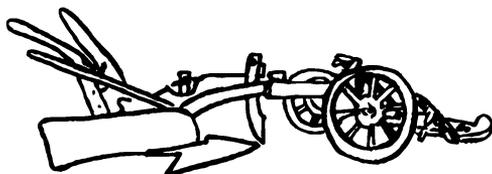

Рис. 58. Классический украинский плуг (по В. Ф. Горленко)

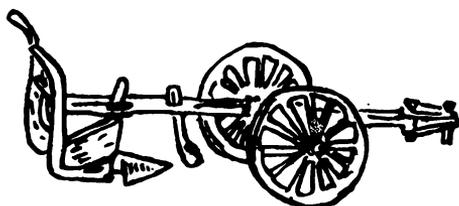

Рис. 59. Адыгейский (черкесский) тяжелый плуг (по Б. А. Калоеву)

Рис. 60. Пахота плугом в Древней Руси. Фрагмент миниатюры Радзивилловской летописи

Кавказа и в степях Северного Причерноморья с расселением аланов и их предков.

Общие черты с народами ирано-кавказского круга были отмечены исследователями также в одежде украинцев [Ригельман, 1847, с. 8; Лавров, 1961, с. 64—65; Горленко, 1982, с. 98—99]. В первую очередь следует обратить внимание на головные уборы. У украинцев широкое распространение получили высокие меховые шапки конической и полусферической форм (рис. 61). Данный тип головного убора является, безусловно, архаичным, ибо имел широкое распространение уже в скифскую эпоху [Калоев, 1967а, с.152]. В последующие времена такие головные уборы имели широкое распространение в регионах, сопредельных с Евразийской степью.

Так, на костяном диптихе IV в., найденном в Поднепровье, была изображена мужская фигура в высокой шапке полусферической формы (рис. 62). В период раннего средневековья данный тип головного убора имел распространение и среди жителей Хорезма. Д. К. Зеленин даже высказал предположение, что восточные славяне могли воспринять высокие головные уборы от хорезмийцев через посредство волжских булгар [Зеленин, 1991, с. 251—252]. Во времена средневековья остроконечные шапки продолжали бытовать и среди аланов Северного Кавказа. Свидетельством чего являются находки из катакомб Змейского могильника (рис. 42, 1—5). Это дало основание Б. А. Калоеву говорить о преемственности высокого суживающегося кверху головного убора осетин от аланского шлема [Калоев, 1967а, с. 152].

В мужском костюме России и Украины имелся и другой элемент, который находит аналогии на Северном Кавказе. Речь идет о мужских кожаных поясах, которые одевали на рубаху или верхнюю одежду. Пояс обычно представлял собой узкий кожаный ремень шириной 5—9 см с медными бляхами, железной пряжкой и железной скобой для топора [Маслова, 1956, с. 689; Зеленин, 1991, с. 249]. По словам М. Шумко, в XIX в. у украинского населения Екатеринославской губернии были "шаровары с очкуром ременчатым или суконным (с узеньким поясочком, на котором висит нож и маленькая калитка или капшучок с деньгами)" [25, с. 4]. Именно подобный пояс был зафиксирован на одной из акварелей Ю. Глоговского (рис. 63). В связи с этим уместно вспомнить, что подобные изделия до сих пор бытуют у горцев Северного Кавказа (рис. 21, 1). Находили их и в катакомбах Верхнесалтовского и Змейского могильников. Как считает С. А. Плетнева, на Руси, вследствие переселения туда салтовского населения, с X в. получили распространение типичные для салтовцев формы поясных наборных бляшек [Плетнева, 1961, с. 94].

В конечном итоге, существующие аналогии в культуре населения Украины, Южной России и Северного Кавказа можно объяснить влиянием

Рис. 61. Головные уборы украинцев (по Г. С. Масловой)

Рис. 62. Деталь резного диптиха из кости (IV в.)

трех факторов. Во-первых, многие элементы духовной и материальной культуры восточных славян и народов Кавказа явились результатом самостоятельного развития как следствие специфики отмеченных регионов. Во-вторых, в эпоху средневековья с Северного Кавказа на территорию Украины и Южной России неоднократно переселялись представители аланского и других этносов. В-третьих, на развитие культуры народов Северного Кавказа, Южной России и Украины длительное время оказывали воздействие как ираноязычные, так и тюркоязычные обитатели степей.

Таким образом, имеются основания полагать, что связи населения юга Восточной Европы с аланами, впрочем как и с другими народами Северного Кавказа и южнорусских степей, не прерывались и в эпоху средневековья. Контакты эти не прошли безрезультатно, а оставили заметный след в языке, идеологии, духовной и материальной культуре народов Украины и России.

Рис. 63. Крестьянин из Чертковского уезда, Тернопольская обл.
(по Ю. Глоговскому)

В заключение хотелось бы акцентировать внимание на том, что изучение средневековых буртасов, аланов-асов, ясов и бродников - это суть одной научной проблемы, а не нескольких. Результаты проведенного исследования оказались довольно неожиданными, что может свидетельствовать о многоплановости затронутой тематики. И хотя проблема ясов-бродников еще далека от окончательного разрешения, хотелось бы обратить внимание на те выводы, к которым удалось прийти в результате проведенных изысканий.

Так, было установлено, что с VI по XIII вв. аланы-асы обитали в Подонье, на Нижней и Средней Волге, а также в степях Приазовья и Северного Причерноморья. Не исключено, что в лесостепном Подонье в VIII—X вв. аланами были оставлены не только катакомбные могильники, но, возможно, и ряд трупосожжений салтовского типа. С пребыванием предков аланов-ясов следует связать также находящиеся южнее отдельные памятники степного варианта салтовской культуры, получившие распространение в степях Подонья и Северного Приазо-

вья в хазарскую эпоху. С ясами или бродниками имеет смысл соотнести могильники и поселения XI — начала XIII вв. близ х. Зливки и сел Маяки, Сидорово, Гайдары на Северском Донце, а также у с. Каменки в Нижнем Поднепровье и возле с. Лимбарь на территории Молдавии. Автор настоящей монографии придерживается мнения, что алано-половецкие центры Шарукань, Сугров и Балин следует локализовать в районе современного Змиева под Харьковом. Необходимо исходить из того, что под 1116 г. город Шарукань был назван Чешуевым. Существует мнение, что термин “Шарукан” в некоторых алтайских языках служит для обозначения дракона.

Основной вывод, к которому удалось прийти, состоит в том, что в домонгольскую эпоху восточноевропейские аланы по своему составу были этнически неоднородными. В ходе исследования удалось установить, что в лесостепной зоне в хазарский период, кроме переселившихся с Северного Кавказа аланов, могли обитать и автохтоны-иранцы. В степной же части Восточной Европы, кроме болгар и хазар, находились отдельные группы ираноязычных скотоводов, земледельцев, ремесленников и торговцев, чье происхождение резоннее связать с восточноевропейскими сарматами догуннской эпохи. В X в. аланы переселились из лесостепного Подонья на Среднюю Волгу, где впоследствии могли быть известны под названием буртасов. Исходя из этого в ясах и бродниках X—XIII вв. следует видеть потомков древнего населения степей. Данные археологии и письменных источников позволяют предполагать, что в формировании данной этнической общности могли принять участие также отдельные группы северокавказских и среднеазиатских аланов-асов.

Во время работы с письменными документами, где описываются события VI — начала XIII вв., удалось прийти к выводу, что один и тот же народ у различных авторов мог фигурировать под разными наименованиями в зависимости от времени написания источника. Это касается прежде всего ираноязычных обитателей южнорусских степей. У европейских авторов в большинстве случаев они были известны под названием аланов. Арабо-персидские авторы, повествуя о населении Восточной Европы IX—X вв., могли называть их буртасами. В XIII в. персидские информаторы стали использовать по отношению к этой группе населения термин “ас”. Древнерусские авторы до середины XII в. именовали ираноязычное население степей ясами, а впоследствии — бродниками. По мнению автора этой книги, термин “бродники” — это перевод на древнерусский язык самоназвания восточноевропейских аланов — f.rd-as, т. е. “буртас”, что в первоначальном варианте должно было означать “асы, обслуживающие переправы”.

Средневековые аланы-асы не исчезли бесследно с территории Восточной Европы, а сыграли определенную роль в формировании

культуры населения степи и пограничных со степью регионов. В ходе исследования удалось установить, что потомки сарматов и аланов могли принять участие в этногенезе протоболгар, хазар, печенегов, татар-мишарей, чувашей, восточных славян, мордвы и других народов.) Как следствие этого, следы воздействия аланов были отмечены не только в особенностях языка, но и в идеологии, хозяйственных и культурных традициях тех этнических общностей Волго-Донья и Северного Причерноморья, процесс формирования которых имел место еще в домонгольскую эпоху.

В контексте взаимоотношений ираноязычных обитателей южнорусских степей с тюркоязычными пришельцами необходимо акцентировать внимание на том, что в степной части Восточной Европы мирно уживались два хозяйственно-культурных типа: подвижный кочевой скотоводческий и оседлый земледельческий с высоким удельным весом скотоводства. Из результатов данного исследования следует, что с кочевым скотоводством в южнорусских степях преимущественно были связаны тюркоязычные номады, которые представляли верхушку общества. В земледелии же заметную роль играли ясы и славянские переселенцы. Не следует упускать из вида, что, помимо земледелия, бродники-ясы могли заниматься скотоводством, обслуживанием речных переправ, торговлей, а также участвовать в качестве наемников в междоусобицах, которые сотрясали Русь и Половецкую степь накануне нашествия монголо-татар.

Таблицы I—III. Особенности погребального обряда средневековых могильников у сел Маяки и Сидорово Донецкой обл.

Таблица I. Могильник у с. Маяки (результаты раскопок В. К. Мгхеева в 1964, 1965, 1968 и 1969 гг.)

№ погр.	Пол, возраст	Поза		Пол. ног	Пол. рук		Нар. кост.	Ор.	Напр. лица	Глуб. м. я.	Инв.	Обряд погр.
		н/с	п-х н/б		пр.	лев.						
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1								ЮЗ		75 см		
2								З		80		
3								З		75		
4							х	З		80		
5							х	З		75		
6							х	З		80		
7							х	З		75		
8							х	З		80	х	яз.
9		х		ВЫТ.	ВЫТ.	ВЫТ.	х	З		85	х	хр.(?)
10		х		ВЫТ.	ВЫТ.	ВЫТ.	х	З		78		
11							х	З		105		
12		х						ЮЗ		100		хр.(?)
13			пр.	под.				С33		55		хус.(?)
14		х						С33		70		хр.(?)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
15			пр.	под.	н/г выт.	н/г выт.	х	С33		75	х	яз.
16		х		выт.	выт.	выт.		С33		65	х	хр.(?)
17		х		выт.	выт.	выт.		3		60		
18		х		под.	выт.	выт.	х	3		105		
19		х		под.	выт.	выт.		3		72		яз.
20	М	х		выт.	выт.	выт.		С3		65		хр.(?)
21	М	х		выт.	выт.	выт.		3		130		хр.(?)
22	Ж	х		выт.	выт.	выт.		3		120	х	яз.
23	Ж	х		выт.	н/ж	н/ж		С3		125		хр.(?)
24	Ж	х		выт.	н/ж	н/ж		3		130		хр.(?)
25	Ж	х		выт.	выт.	выт.		С3	Ю	80		мус.(?)
26		х		выт.	н/г	н/г		С3	Ю3	80	х	
27	М	х		сог./выт.	н/г	н/г		С3	Ю3	100	х	
28	М	х		выт.	н/г	н/г		С3	СВ	105		хр.(?)
29	Ж	х		выт.	н/ж	н/ж		С3	Ю3	100		мус.(?)
30	Р	х		выт.	н/ж	н/ж	х	Ю3		60	х	яз.
31	Ж	х		выт.	выт.	выт.		С3	Ю3	100	х	
I										60		
II										40	х	яз.
III										50		яз.
IV	М	х	пр.	под.	н/г	н/г		С3	Ю3	105		хр.(?)
V		х		выт.	н/ж	н/ж		С3		90		хр.(?)
VI	Ж	х			н/ж	н/ж		С3		110		
VII	Ж	20	пр.	под.				3	Ю	60		яз.
Всего							8				8	

Таблица II. Могильник у с. Маяки (результаты раскопок С. И. Татаринова и А. Г. Копыла в 1976 г.)

№ погр.	Пол, возраст	Поза		Пол. ног	Пол. рук		Нар. кост.	Ор.	Напр. лица	Глуб. м. я.	Инь.	Обряд погр.
		н/с	п-х н/б		пр.	лев. 7						
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
I-й	могильник											
1	К							Ю33		15 см/м		
2	Р		пр.	выт.	выт.	выт.		3	Ю	20 см/м	х	мус. (?)
3			пр.	выт.	выт.	н/т		3	Ю	м	х	мус. (?)
4	Р		х		выт.			3	Ю	м	х	
5	М		пр.	под/выт	сог.				Ю	м	х	мус. (?)
6			пр.	под.	выт.	сог.		Ю33		40 см/м	х	яз.
7			х	выт.			х	Ю33		м		
8	Р		лев.	выт.	выт.	выт.		3	С	м		яз.
9			пр.	выт.	н/т	н/т	х	Ю33	Ю	м		мус. (?)
10			х		н/т	н/т	х			м		
11				под.	н/т	н/т		Ю3		м		
12	К		х							30 см/м		
13							х			м		
14							х			40 см/м	х	
15	Р		х	выт.	выт.	выт.	х	Ю3		50 см/м		
16							х					

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
17	М			ПОД.	Н/Ч	Н/Ч		Ю3	Ю	50 см/м		яз.
18		х	пр.	ВЫГ.	Н/Г	Н/Г		Ю33	Ю	М	х	
19			Н/Ж	ВЫГ.	Н/Ж	Н/Г		Ю33	Ю	М	х	
20	Ж	х		ВЫГ.	Н/Г	Н/Г		Ю33	Ю	М		мус.(?)
21							х			М	х	
22		х	пр.	ВЫГ.	ВЫГ.	Н/Г		Ю3	С	40 см	х	хр.(?)
23	М	х		ВЫГ.	ВЫГ.	ВЫГ.		Ю3		55		яз.
24	Р	х		ВЫГ.	Н/Г	Н/Г						яз.
25	Ж	х	лев.	ПОД.	ВЫГ.	Н/Г		3	3			яз.
26	М	х		ВЫГ.	Н/Г	Н/Г		Ю		40		яз.
27	Ж	х		ПОД.	Н/Б	Н/Г		ЮВ	Ю	50		яз.
II-й	МОГИЛЬНИК							СВ				
1		х		ВЫГ.	ВЫГ.	ВЫГ.		Ю33		120	х	яз.
2	Р	х		ВЫГ.	Н/Г	Н/Г		Ю33	В	100	х	яз.
3				ПОД.	Н/Г	ВЫГ.		СВ		55	х	яз.
4		х			Н/Г	Н/Г		С3		120	х	яз.
Всего		16					7				6	

Таблица III. Могильник у с. Сидорова (результаты раскопок В. К. Михеева в 1971 г.)

№ погр.	Пол, возраст	Поза		Пол. ног	Пол. рук		Нар. кост.	Ор.	Напр. плча	Глуб. м. я.	Ивл.	Обряд погр.
		н/с	л-х н/б		пр.	лев.						
1	2	3	4	5	6	7	8	9	Ю	11	12	13
1	М	х		выт.	выт.	н/г		СЗ		60 см		хр.(?)
2	Р	х		выт.	н/ж		х	СЗ		65		хр.(?)
3	Ж	х		выт.	выт.	н/г		СЗ		70		хр.(?)
4	Ж	х		выт.	выт.	н/г				53		яз.
5	М		пр.	выт.	н/г	н/г		3	Ю	90		хр.(?)
6	М	х		выт.	н/г	н/г		3		60		хр.(?)
7	Ж	х		выт.	н/ж	н/ж		СЗ		46		хр.(?)
8	Р	х		выт.	выт.	выт.		3		62		хр.(?)
9	М	х		под.	н/г	н/г	х	СЗ		145		яз.
10				под.			х					яз.
11				под.			х			185		яз.
Всего		7	1				3				2	

Сокращения: выт. — вытянуты(а); глуб. м. я. — глубина могильной ямы; инв. — наличие инвентаря; Ж — женщина; м. — погребение в материке; М — мужчина; мус. — мусульманское захоронение; лев. — левая; н/б — на бедре, на боку; н/г — на груди; н/ж — на животе; н/с — на спине; н/т — на тазе; н/ч — на черепе; напр. лица — направление лица; нар. кост. — нарушенные кости; погр. — погребение; под. — подогнуты; поза п-х — поза погребенных; пол, возраст — половозрастная характеристика погребенных; пр. — правая; Р — ребенок; узк. м. я. — узкая могильная яма; хр. — христианское захоронение; яз. — языческое захоронение

Таблица IV. Особенности погребального обряда ямных захоронений Верхнесалтовского могильника

Год	№ м-ка	№ пог.	Ямн.	Подб.	Дром.	Кол.	Од.	Пар.	Возр.	Поза		Ор.	Инв.
										внс	погр. снб		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1905		16						х	Р			СВ	х
	2	20	х				х		Р			СЗ	х
	1	21	х		х		х		Р			СЗ	х
1906		39		х			х	х	Р	х		СЗ	х
	-	11	х				х		Р				
	-	12	х				х		Р				
1911		32	х				х		Р				
1946		5	х				х		Р				
1984	1	1	х	х	х		х		Р	х		СЗ	х
1985	-	2	2	х			х		3-4	х		СЗ	х
	-	3		х	х		х		Р	х		СЗ	х
1986		4		х			х		4-5	х		СЗ	
	-	5	х	х			х		12	х		СЗ	
	-	6	х				х		2-4	х		СЗ	
	-	7	х	х			х		5-6	х		СЗ	
	-			х			х		1-3	х		3	х

Год	№ м-ка	№ пог.	Ямл.	Подб.	Дром.	Кол.	Од.	Пар.	Возр.	Пога		Ор.	Инв.
										внс	погр. снб		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1987	-	8					х		Р	х		С3	
	-	9		х			х		1-2	х		С3	х
	-	10		х			х		П	х		С3	х
	-	11		х			х		13	х		С3	х
1988	-	12	х				х		П	х		3	х
	-	14		х			х		Р	х		Ю3	х
	-	15	х	х			х		2-3	х		Ю3	х
	-	16	х		х		х		Р	х		3	х
1989	-	17	х				х		Р	х		Ю3	х
	3	1	х		х		х		П	х		Ю3	х
	-	2					х		П	х		Ю3	х
	-	3					х		П	х		3	х
-	-	4	х				К						
Всего		30	20	10	3		28		29	22	1		16

Сокращения: возр. — возраст погребенных; в.н.с. — вытянуто на спине; дром. — погребения в дромосе; инв. — наличие инвентаря; К — кенотаф; кол. — погребение в колоде; од. — одиночное захоронение; ор. — ориентация; м-к — могильник; пар. — парное захоронение; погр. — погребение; П — подросток; подб. — погребение в подбос; Р - ребенок; с.н.б. - скорчено на боку; ямл. — ямное захоронение

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. Москва—Ленинград, 1949. Т. I.
- Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Ленинград, 1958а. Т. I.
- Абаев В. И.* Образ Вия в повести Н. В. Гоголя // Русский фольклор. 1958б. Т. III.
- Абаев В. И.* Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе, 1959.
- Абаев В. И.* О происхождении фонемы γ (h) в славянском языке // Проблемы индоевропейского языкознания. Москва, 1964.
- Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы. Москва, 1965а.
- Абаев В. И.* К алано-венгерским связям // Europa et Hungaria (Congresus ethnographicus). Budapest, 1965б.
- Абаев В. И.* Русско-осетинский словарь. Москва, 1970.
- Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Ленинград, 1973. Т. II.
- Абаев В. И.* Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Москва, 1979.
- Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Ленинград, 1989. Т. IV.
- Абаев В. И.* Нартовский эпос Осетии. Цхинвали, 1982.
- Абрамова М. П.* Сарматская культура III в. до н. э. — I в. н. э. // СА. 1959. N 1.
- Абрамова М. П.* Раскопки Подкумского могильника // АО, 1973. Москва, 1974.
- Абрамова М. П.* Предварительные итоги исследования Подкумского могильника близ г. Кисловодска // История и культура сарматов. Саратов, 1983.
- Агафий Миринейский.* О царствовании Юстиниана / Пер. с греч. М. В. Левченко. Москва—Ленинград, 1953.
- Агеева Р. А.* Страны и народы: происхождение названий. Москва, 1990.
- Айбабин А. И.* Погребение хазарского воина // СА. 1985. N 1.

- Алборов Б. А.* Осетинские нартские сказания о Созырыко и гумском человеке // УЗСОПИ. 1958. Т. XXIII. Вып. III.
- Алборов Б. А.* Почему осетины называют балкарцев "Асы" // О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960.
- Алексеев В. П.* Результаты исследований палеоантропологического материала из могильника у северного Зеленчукского храма // Кузнецов В. А. Нижний Архыз в X—XIII веках. Ставрополь, 1993.
- Алихова А. Е.* К вопросу о буртасах // СЭ. 1949а. N 1.
- Алихова А. Е.* Мордовские могильники X—XIV вв. (Тезисы канд. дисс.) // КСИИМК. 1949б. N 25.
- Алихова А. Е.* Из истории мордвы конца I-го — начала II-го тыс. н. э. // Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959.
- Алихова А. Е.* Средне-цнинская мордва // Материальная культура средне-цнинской мордвы VIII—XI вв. Саранск, 1969.
- Андреев Н. А.* Иранско-чувашиские этнокультурные и языковые параллели // Тр. НИИ при Совмине Чувашской АССР. 1975. Вып. 59.
- Андреев М. С., Пещерева Е. М.* Ягнобские тексты. Москва—Ленинград, 1957.
- Аристов Н.* О земле половецкой. Киев, 1877.
- Артамонов М. И.* История хазар. Ленинград, 1962.
- Артамонова О. П.* Могильник Саркела—Белой Вежи // МИА. 1963. N 109.
- Археологические раскопки в районе станицы Змейской Северной Осетии.* Орджоникидзе, 1961.
- Архив Юго-Западной России.* Киев, 1863. Ч. 3. Т. 1.
- Архив Юго-Западной России.* Киев, 1883. Ч. 1. Т. 6.
- Афанасьев Г. Е., Атавин А. Г., Нахапетян В. Е., Молев Е. А.* Работы Оскольского отряда Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции // АО, 1978. Москва, 1979.
- Афанасьев Г. Е.* К вопросу о происхождении аланского варианта салтово-маяцкой культуры // Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, 1981.
- Афанасьев Г. Е.* Большая семья у алан // СА. 1984а. N 3.
- Афанасьев Г. Е.* Этническая территория буртасов во второй половине VIII — начале X вв. // СЭ. 1984б. N 4.
- Афанасьев Г. Е.* Работа Оскольской экспедиции // АО, 1983. Москва, 1985.

- Афанасьев Г. Е.* Население лесостепной зоны бассейна среднего Дона в VIII—X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. Москва, 1987. Вып. 2.
- Афанасьев Г. Е.* Этногенетический аспект буртасской проблемы и археологический источник // Тезисы докладов межобластной научной конференции "Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов". Пенза, 1990.
- Афанасьев Г. Е.* Донские аланы. Москва, 1993.
- Ахмеров Р. Б.* Могильник близ г. Стерлитамака // СА. 1955. Т. XXII.
- Бабенко В. А.* Дневник раскопок Верхне-Салтовского могильника (1—14 июня 1902 г.) // Тр. Харьк. комисс. по устройству XIII АС в г. Екатеринославле. Харьков, 1905.
- Бабенко В. А.* Дневник раскопок 1-го катакомбного могильника в Верхнем Салтове, 1908 г. // Тр. XIV АС. Москва, 1911. Т. III.
- Бабенко В. А.* Памятники хазарской культуры на юге России // Тр. XV АС. Москва, 1914. Т. I.
- Байчоров С. Я.* Термины "Карачай" и "Ас" в карачаево-балкарской этнонимии // Актуальные вопросы лексики и грамматики языков народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1987.
- Баранов И. А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990.
- Барбаро И.* Путешествие в Тану // Барбаро и Конгарини о России / Пер. с итал. Е. Ч. Скржинской. Ленинград, 1971.
- Бартольд В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг. Санкт-Петербург, 1897.
- Бартольд В. В.* Арабские известия о русах // Советское востоковедение. 1940. Вып. 1.
- Бартольд В. В.* Сочинения. В 9 т. Москва, 1973. Т. 8.
- Барсов Н. П.* Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885.
- Баскаков Н. А.* Тюркские языки. Москва, 1960.
- Бахтиев Ш. З.* Буртасы — предки чувашей // Тезисы докладов межобластной научной конференции "Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов". Пенза, 1990.
- Бахрах Б. С.* Аланы на Западе. Москва, 1993.
- Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII в. "Слово о погибели Русской земли". Москва—Ленинград, 1965.
- Бейлис В. М.* Ал-Идриси о Восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель // Древнейшие государства на территории СССР, 1982. Москва, 1984.
- Белецкий В. Д.* Жилища Саркела—Белой Вежи // МИА. 1959. N 75.
- Березовец Д. Т.* Раскопки в Верхнем Салтове в 1959—1960 гг. // КСИА АН УССР. 1962. Вып. 12.

- Березовець Д. Т.* Про ім'я носіїв салтівської культури // Археологія. 1970. Вип. XXIV.
- Березовець Д. Т.* Салтівська культура // Археологія УРСР. Київ, 1975. Т. III.
- Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Москва—Ленинград, 1950. Т. II.
- Бломквист Е. Э.* Крестьянские постройки восточных славян // Восточнославянский этнографический сборник (Тр. Ин-та этнографии. Новая серия. Т. XXXII). Москва, 1956.
- Бойс М.* Зороастрийцы. Верования и обычаи. Москва, 1987.
- Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А.* От Скифии до Индии. Москва, 1983.
- Брайчевский М. Ю.* “Русские” названия порогов у Константина Багрянородного // Земли Южной Руси в IX—XIV вв. Киев, 1985.
- Брун Ф.* Черноморье. Одесса, 1879. Т. I.
- Брун Ф.* Черноморье. Одесса, 1880. Т. II.
- Бутков П.* О браках князей Русских с Грузинками и Ясынями в XII веке // Северный архив. 1825. N 4.
- Бушаков В. А.* Етноніми “бодрак” і “буртас” (До питання про історичну долю буртасів) // Тези міжнародної конференції “На честь заслуженого діяча науки України А. П. Ковалівського”. Харків, 1995.
- Ванеев З. Н.* Средневековая Алания. Сталинири, 1959.
- Васильев Б. А.* Проблема буртасов и мордва // Вопросы этнической истории мордовского народа. Москва, 1960.
- Васюткин С. М.* К вопросу об исторических судьбах сарматского населения Нижнего Поволжья // Вопросы этнической истории Волго-Донья (Материалы научной конференции). Пенза, 1992.
- Вейсберг Ф. Ф.* К анализу восточных источников о Восточной Европе // ЖМНП. 1908. Ч. XIII—XIV.
- Великанова М. С.* Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. Москва, 1975.
- Венгерско-русский словарь.* Москва—Будапешт, 1987.
- Винников А. З.* Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж, 1984а.
- Винников А. З.* Жилые и хозяйственные постройки Маяцкого селища (Результаты раскопок 1975, 1977, 1978 гг.) // Маяцкое городище. Москва, 1984б.
- Винников А. З.* Этнокультурная ситуация в лесостепном Подонье во второй половине I-го тыс. н. э. // Вопросы этнической истории Волго-Донья (Материалы научной конференции). Пенза, 1992.

- Виноградов В. Б.* Античные источники и данные археологии скифо-сарматского времени о Центральном Предкавказье в свете проблемы этногенеза осетин // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.
- Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1968.
- Виноградов В. Б., Рунич А. П.* Новые данные по археологии Северного Кавказа // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1969. Т. 3.
- Вихляев В.И.* Культурные связи сурско-цнинской мордвы с аланскими племенами Северного Кавказа и Дона во второй половине I тыс. н. э. // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Саранск, 1974.
- Вихляев В. И.* Мордовские племена эпохи разложения первобытно-общинного строя и их соседи // Этнокультурные связи мордвы (Дооктябрьский период). Саранск, 1988.
- Волин С. К.* истории древнего Хорезма // ВДИ. 1941. N 1.
- Волков Ф.* Этнографические особенности украинского народа // Украинский народ в его прошлом и настоящем. Петроград, 1916. Т. II.
- Волкова Н. Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. Москва, 1973.
- Воронин И. Д.* К вопросу о мордовской топонимике // Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965.
- Воскресенская летопись* // ПСРЛ. Санкт-Петербург, 1856. Т. VII.
- Востров В. В., Захарова И. В.* Казахское народное жилище. Алма-Ата, 1989.
- Вязьмитін М. І.* Сарматські поховання в долині р. Молочної // АП УРСР. Київ, 1966. Т. VII.
- Гаглойти З. Д.* Очерки по этнографии осетин. Тбилиси, 1974. ✓
- Гаглойти Ю. С.* Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966
- Гаглойти Ю. С.* Этногенез осетин по данным письменных источников // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.
- Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Ленинград, 1979.
- Гавани А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русах. Санкт-Петербург, 1870.
- Генинг В. Ф., Халиков А. Х.* Ранние болгары на Волге. Москва, 1964.
- Генинг В. Ф.* Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. Москва, 1988.
- Геродот.* История в девяти книгах / Пер. с греч. Г. А. Стратановского. Ленинград, 1972.
- Гетманец М. Ф.* Тайна реки Каялы. Харьков, 1989.

- Гинзбург В. В.* Антропологический состав населения Саркела—Белой Вежи и его происхождение // МИА. 1963. N 109.
- Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений. Москва, 1940. Т. I.
- Голубовский П. История Северной земли до половины XIV ст. Киев, 1881.
- Голубовский П.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX—XIII вв. Киев, 1884.
- Горленко В. Ф., Бойко М. Д., Куницький О. С.* Народна землеробська техніка українців. Київ, 1971.
- Горленко В. Ф. Об этнониме черкасы в отечественной науке конца XVIII — первой половины XIX вв. // СЭ. 1982. N 3.
- Городские поселения Российской империи.* Санкт-Петербург, 1865. Т. V. Ч. 1.
- Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 г. // Тр. XII АС в Харькове 1902 г. Москва, 1905а. Т. I.
- Городцов В. А.* Материалы археологических исследований на берегах р. Донца, Изюмского уезда, Харьковской губернии//. Тр. XII АС в Харькове 1902 г. Москва, 1905б. Т. I.
- Городцов В. А.* Донецкое городище // Тр. XII АС в Харькове 1902 г. Москва, 1905в. Т. I.
- Готун І. А.* Реконструкція ремісничих та господарських будівель давньоруського поселення Автуниці // Археологія. 1993. N 4.
- Готьє Ю. В.* Ясы-Аланы в ранней русской истории // ИТОИАЭ. 1927. Т. I (58).
- Готьє Ю. В.* Железный век в Восточной Европе. Москва—Ленинград, 1930.
- Грач А. Д.* Древние кочевники в центре Азии. Москва, 1980.
- Грушевський М.* Історія України-Руси. Київ, 1991. Т. I.
- Грушевський М.* Історія України-Руси. Київ, 1992. Т. II.
- Грюнберг А. Л., Стеблин-Каменский И. М.* Языки Восточного Гиндукуша. Ваханский язык. Москва, 1976.
- Гумилев Л. Н.* Открытие Хазарии. Москва, 1966.
- Данілюк А. Г.* Українська хата. Київ, 1991.
- Дебец Г. Ф.* Палеоантропология СССР // Тр. Ин-та этнографии АН СССР (Новая серия). 1948. Т. IV.
- Джиоев М. К.* Алания в XIII—XIV вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва, 1982.
- Добродомов И. Г.* О некоторых гиппологизмах и созвучных словах (Из аланского пласта иранских заимствований чувашского языка) // Тр. НИИ при Совмине Чувашской АССР. 1980а. Вып. 97.

- Добродомов И. Г.* Из аланского пласта иранских заимствований чувашского языка // Советская тюркология. 1980б. N 2.
- Добродомов И. Г.* Об аланизмах в русском языке // Осетинская филология. Орджоникидзе, 1981. Вып. 1.
- Добродомов И. Г.* Роль этимологии в локализации старых географических объектов // Проблемы исторической географии России. Москва, 1982. Вып. 1.
- Добродомов И. Г.* Оскол // Русская речь. 1986. N 3.
- Добродомов И. Г.* Оскол (этимологический этюд) // Советская тюркология. 1988. N 2.
- Добродомов И. Г.* Из аланских следов в топонимии европейской части СССР // Имя—этнос—история. Москва, 1989.
- Добродомов И. Г.* Мордовское название березы и дерева халинг страны буртасов. // Материалы VI Международного конгресса финноугроведов. Москва, 1990. Т. II.
- Добродомов И. Г.* Потудань (этимологический этюд) // Тезисы докладов научно-практической конференции в Белгороде 13—14 ноября 1992 г. “Центральночерноземная деревня: история и современность”. Москва, 1992.
- Добродомов И. Г.* Об одном алано-буртасском имени в эпитафиях волжских булгар XIV века // Ономастика и эпиграфика средневековой Восточной Европы и Византии. Москва, 1993.
- Довженок В. Й.* Землеробство древньої Русі. Київ, 1961.
- Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология. Москва, 1976.
- Дюмезиль Ж.* Скифы и нарты. Москва, 1990.
- Забелин И.* История русской жизни. Санкт-Петербург, 1876. Ч. 1.
- Закиев М. З.* Буртасы: кто они? // Тезисы докладов межобластной научной конференции “Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов”. Пенза, 1990.
- Зарубин И. И.* Шугнанские тексты и словарь. Москва—Ленинград, 1960.
- Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX—X вв. Москва, 1962. Т. I.
- Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Булгары, мадьяры, народы севера, печенег, русы. Москва, 1967. Т. II.
- Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. Москва, 1991.
- Зиневич Г. П.* Очерки палеоантропологии Украины. Киев, 1967.
- Златарски В. Н.* Писмата на цариградские патриарх Николае Мистико до българския царь Симеона // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1895. Кн. XII.

- Иванов В. А.* Этнокультурная карта заволжско-приуральской части маршрута Ибн-Фадлана в Волжскую Болгарию по данным археологии // Тези міжнародної конференції “ На честь заслуженого діяча науки України А. П. Ковалівського”. Харків, 1995.
- Иванов В. В.* Об одной параллели гоголевскому Вию // Труды по знаковым системам. Тарту, 1971. Т. V.
- Иванюков И., Ковалевский М.* У подошвы Эльбруса // Вестник Европы. 1886. Т. I.
- Иордан.* О происхождении и деяниях гетов / Пер. с лат. Е. Ч. Скржинской . Москва, 1960.
- Ипатьевская летопись* // ПСРЛ. Санкт-Петербург, 1843. Т. II.
- Исследования Великого города.* Москва, 1976.
- Иченская О. В.* Особенности погребального обряда и датировка некоторых участков Салтовского могильника // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, 1982.
- Ищеригов П. Ф.* Аланский могильник близ г. Стерлитамака // КСИИМК. 1952. Т. XLVII.
- Калинин Н. Ф., Халиков А. Х.* Итоги археологических работ за 1945—1952 гг. Казань, 1954.
- Калоев Б. А.* Мотив амазонок в осетинском нартовском эпосе // КСИЭ. 1959. Вып. XXXII.
- Калоев Б. А.* Обряд посвящения коня у осетин. Москва, 1964.
- Калоев Б. А.* Осетины. Москва, 1967а.
- Калоев Б. А.* Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII—XIX вв.). Орджоникидзе, 1967б.
- Калоев Б. А.* Данные этнографии и фольклора о происхождении осетин // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967в.
- Калоев Б. А.* Осетины. Москва, 1971.
- Калоев Б. А.* Материальная культура и прикладное искусство осетин. Москва, 1973.
- Калоев Б. А.* Земледелие народов Северного Кавказа. Москва, 1981.
- Калоев Б. А.* Похоронные обычаи и обряды осетин в XVIII — начале XIX вв. // КЭС. Москва, 1984а. Т. VIII.
- Карамзин Н. М.* История государства Российского. Москва, 1889. Т. I.
- Карамзин Н. М.* История государства Российского. Москва, 1991. Т. II—III.
- Карамзин Н. М.* История государства Российского. Санкт-Петербург, 1889. Т. IV.
- Карамзин Н. М.* История государства Российского: репринт. воспроизв. изд. 5 / Подгот. П. М. Строев. Москва, 1988. Кн. 2. Т. V—VIII.

- Караулов Н. А.* Сведения арабских географов IX—X вв. о Кавказе, Армении и Азербайджане // СМОМПК. 1908. Вып. 38.
- Каргер М. К.* Древний Киев. Москва—Ленинград, 1958. Т. I.
- Карпини П.* История монгалов. // Карпини П. История монгалов.
- Рубрук Г.* Путешествие в восточные страны / Под. ред. Н. П. Шастинной. Москва—Ленинград, 1957.
- Карсанов А. Н.* Донецкие аланы на рубеже XI—XII вв. // Методика исследования и интерпретации археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988.
- Карсанов А. Н.* Средневековые аланы в Днестровско-Дунайском междуречье // Известия Юго-Осетинского НИИ. 1989. Вып. XXXIII.
- Карсанов А. Н.* Ясы на Руси // Известия Юго-Осетинского НИИ. 1990. Вып. XXXIV.
- Карсанов А. Н.* Ясыня из Волжской Болгарии // Герменевтика древнерусской литературы. Москва, 1994. Ч. II.
- Каховский В. Ф.* Происхождение чувашского народа. Чебоксары, 1965.
- Каховский В. Ф.* Дохристианский погребальный обряд чувашей как материал к этногенезу // Болгары и чувашаи. Чебоксары, 1984.
- Книга Большому Чертежу.* Москва—Ленинград, 1950.
- Кобычев В. П.* В поисках прародины славян. Москва, 1973.
- Кобычев В. П.* Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX—XX вв. Москва, 1982.
- Ковалевская В. Б.* Кавказ и аланы. Москва, 1984.
- Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956.
- Козлова К. И.* Этнография народов Поволжья. Москва, 1964.
- Козловський А. О.* Историко-культурний розвиток Південного Подніпров'я в IX—XIV ст. Київ, 1992.
- Кокіев Г. А.* Из истории сношений России с Кавказом // Ученые записки Кабардинского НИИ. 1946. Т. I.
- Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Ленинград, 1932.
- Коновалова И. Г.* Сведения о буртасах в "Географии" ибн-Саида // Тезисы докладов межобластной научной конференции "Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов". Пенза, 1990.
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. Москва, 1991.
- Копыл А. Г., Татаринцов С. И.* Охранные раскопки городища Маяки на Северском Донце // СА. 1979. N 1.
- Корж Ф. Е.* Опыты объяснения заимствованных слов в русском языке // Известия Академии Наук. 1907. Сер. VI. Т. I.

- Косміна Т. В.* Сільське житло Поділля (кінець XIX — XX ст.). Київ, 1980.
- Костомаров Н.* Исторические монографии и исследования. Санкт-Петербург, 1872. Т. I.
- Котляр М. Ф.* Русь на Дунаї // УІЖ. 1966. N 9.
- Котляр М. Ф.* Хто такі бродники? // УІЖ. 1969. N5.
- Красильников К. И.* О некоторых вопросах погребального обряда праболгар Среднедонечья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990.
- Криганов А. В.* Військова справа ранньосередньовічних аланів Подоння // Археологія. 1993. N 2.
- Круглов Е. В.* К проблеме формирования хазарской этносоциальной общности // Вопросы этнической истории Волго-Донья (Материалы научной конференции). Пенза, 1992.
- Крупнов Е. И.* Из итогов археологических работ // Известия СОНИИ. 1940. Вып. IX.
- Крупнов Е. И.* Проблема происхождения осетин по археологическим данным // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.
- Крыжановский Б. Г.* Украинские и румынские килимы. Ленинград, 1925.
- Кудряшов К. В.* Половецкая степь. Москва, 1948.
- Кузеев Р. Г.* Урало-аральские этнические связи в конце I тыс. и история формирования башкирской народности // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1971.
- Кузнецов В. А., Милорадович О. В.* Археологические исследования в Северной Осетии в 1959 г. // КСИА. 1961. N 86.
- Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа // МИА. 1962. N 106.
- Кузнецов В. А.* Рецензия на работу С. А. Плетневой "От кочевий к городам" // СА. 1969. N 2.
- Кузнецов В. А.* Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971.
- Кузнецов В. А.* Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V—XIII вв. // СА. 1973. N 2.
- Кузнецов В. А.* Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984.
- Кузьмина Е. Е.* В стране Кавата и Афрасиаба. Москва, 1977.
- Кулаковский Ю. А.* Епископа Феодора "Аланское Послание" // ЗИООИД. 1998а. Т. XXI.
- Кулаковский Ю. А.* Христианство у алан // Византийский временник. 18986. Т. V. Вып. 1—2.
- Кулаковский Ю. А.* Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899а.

- Кулаковский Ю. А.* Карта Европейской Сарматии по Птоlemeю. При-
ветствие XI Арх. съезду. Киев, 1899б.
- Кулаковский Ю. А.* История Византии. Киев, 1913. Т. III.
- Куник А., Розен В.* Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и сла-
вянах. Санкт-Петербург, 1878. Ч. 1.
- Кухаренко Ю. В.* О некоторых археологических находках на Харьков-
щине // КСИИМК. 1951. Вып. 41.
- Кухаренко Ю. В.* К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских
отношениях // СА. 1954. Т. XIX.
- Лаврентьевская летопись* // ПСРЛ. Санкт-Петербург, 1846. Т. I.
- Лавров Л. I.* До питання про українсько-кавказькі культурні зв'язки // Народна творчість та етнографія. 1961. N 3.
- Ламанский В. И.* Заметка об ясах и аланах // Тр. XI АС. Москва,
1902.
- Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе
(Помпоний Мела. Землеописание) // ВДИ. 1949. N 17.
- Левицкий Т.* "Китаб ар-раут аль-Митар" ибн абу ал-Мунсина ал-
Химйари" как источник сведений о Восточной, Центральной и Север-
ной Европе // Проблемы востоковедения. 1960. N 3.
- Луцкевич I. Н.* Матеріали до карти поширення пам'яток культури
полів поховань на території Харківської області // Археологія. 1948.
Т. II.
- Ляпушкин И. И.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне
р. Дона // МИА. 1958а. N 62.
- Ляпушкин И. И.* Карнауховское поселение // МИА. 1958б. N 62.
- Ляскоронский В.* История Переяславской земли с древнейших времен
до половины XIII столетия. Киев, 1897.
- Ляскоронский В. Г.* Русские походы в степи в удельно-вечевое время.
Санкт-Петербург, 1907.
- Мавродин В. В.* Очерки истории Левобережной Украины. Ленинград,
1940.
- Магомедов М. Г.* Образование Хазарского каганата. Москва, 1983.
- Магомедов А. Х.* Семья и семейный быт осетин в прошлом и настоя-
щем. Орджоникидзе, 1962.
- Магомедов А. Х.* Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе,
1968.
- Магомедов А. Х.* Взаимодействие культур иранских (скифов, сарматов
и алан) и финно-угорских народов // История, этнография и культура
народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981.
- Мажитов Н. А.* Южный Урал в VII—XIV вв. Москва, 1977.

- Макарова Т. И., Плетнева С. А.* Пояс знатного воина из Саркела // СА. 1983. N 2.
- Максимов Е. К.* Позднейшие сармато-аланские погребения V—VIII вв. на территории Нижнего Поволжья // Тр. Саратовского обл. музея краеведения (Археологический сборник). 1956. Вып. 1.
- Марков А. В.* Отношения между русскими и мордвою в истории и в области народной поэзии, в связи с вопросом о происхождении великорусского племени // Изв. Тифлиских Высших женских курсов. 1914. Кн. 1. Вып. 1.
- Маслова Г. С.* Народная одежда русских, украинцев и белоруссов в XIX — начале XX вв. // Восточнославянский этнографический сборник (Тр. Ин-та этнографии. Новая серия. Т. XXXI.). Москва, 1956.
- Матвеева Г. И.* Население лесной и лесостепной Башкирии в III—VIII вв. н. э.: Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Москва, 1969.
- Матейко К. І.* Український народний одяг. Київ, 1977.
- Материалы по истории мордвы VIII—XI вв.* (Дневник раскопок П. П. Иванова). Моршанск, 1952.
- Магузова В. А.* Английские средневековые источники IX—XIII вв. Москва, 1979.
- Мацулевич Л. А.* Аланская проблема и этногенез Средней Азии // СЭ. 1947. Т. VI—VII.
- Мерперт Н. Я.* О генезисе салтовской культуры. // КСИИМК. 1951. Вып. 36.
- Мерперт Н. Я.* Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье // СА. 1955. Т. XXIII.
- Мерперт Н. Я.* К вопросу о древнейших болгарских племенах. Казань, 1957.
- Мещерский Н. А.* История иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. Москва—Ленинград, 1958.
- Мизиев И. М.* Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик, 1986.
- Мизиев И. М.* Очерки истории и культуры Балкарии и Карачая. Нальчик, 1991.
- Миллер В. Ф.* Осетинские этюды. Москва, 1882. Т. II.
- Миллер В. Ф.* Осетинские этюды. Москва, 1887. Т. III.
- Минаева Т. М.* Кераміка балки Канцерка в світлі археологічних досліджень на Північному Кавказі // Археологія. 1961. Т. XIII.
- Минаева Т. М.* Поселения в устье р. Узун-Кол // СА. 1960. N 2.
- Минаева Т. М.* Очерки по археологии Ставрополя. Ставрополь, 1965.
- Минаева Т. М.* К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971.

- Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербента X—XI вв. Москва, 1963.
- Михеев В. К., Дегтярь А. К. Раскопки Сухогомольшанского комплекса // АО, 1973. Москва, 1974.
- Михеев В. К.* Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.
- Мовсэс Каланкатуаци.* История страны Алуанк / Пер. с древнеарм. Ш. Б. Смбатяна. Ереван, 1984.
- Моисей Хоренский.* История Армении / Пер. с древнеарм. Н. О. Эмина. Москва, 1858.
- Мордва.* Саранск, 1981.
- Мордовский народный костюм.* Саранск, 1990.
- Московская летопись* // ПСРЛ. Москва—Ленинград, 1949. Т. XXV.
- Муромцев И. В.* Словотворчі типи гідронімів (басейн Сіверського Дінця). Київ, 1966.
- Мухамедова Р. Г.* Татары-мишари. Москва, 1972.
- Народы Кавказа.* Москва, 1960. Т. I.
- Нартский эпос.* Орджоникидзе, 1957.
- Нарты.* Эпос осетинского народа. Москва, 1957.
- Нарты: осетинский героический эпос.* Москва, 1989. Кн. 2.
- Николаева Т. А.* Украинская народная одежда. Среднее Поднепровье. Киев, 1987—1988.
- Николаенко А. Г.* Охранные раскопки в лесостепном Поосколье // АО, 1976. Москва, 1977.
- Новгородская летопись* // ПСРЛ. Санкт-Петербург, 1848. Т. IV.
- Новосельцев А. П.* Русь и государства Кавказа // Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. Москва, 1968.
- Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. Москва, 1990.
- Орлов Р. С.* Из истории сельского населения Керченского полуострова в XIII—XIV вв. // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 1979.
- Орлов Р. С., Моця А. П., Покас П. М.* Исследования летописного Юрьева на Роси и его окрестностей // Земли Южной Руси в IX—XIV вв. Киев, 1985.
- Осетинско-русский словарь.* Орджоникидзе, 1970.
- Отин Е. С.* Гідроніми Східної України. Київ—Донецьк, 1977.
- Отин Е. С.* Непереоформленные личные имена в гидронимии Дона // Восточно-славянская ономастика (Материалы и исследования). Москва, 1979.
- Очерки истории СССР III—IX вв.* Москва, 1958.

- Пархоменко (Іченська) О. В.* Поховальний інвентар Нетайлівського могильника VIII—IX ст. // *Археологія*. 1983. N 43.
- Патканов К.* Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому // *ЖМНП*. 1883. Ч. ССХХVI.
- Патриаршая или Никонова летопись. Патриаршая Девятая* // ПСРЛ. Санкт-Петербург, 1862. Т. IX.
- Пашуто В. Г.* Внешняя политика Древней Руси. Москва, 1968.
- Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // *МИА*. 1958. N 62.
- Плетнева С. А.* О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII—IX вв. // *СА*. 1961. N 1.
- Плетнева С. А.* О юго-восточной окраине русских земель в домонгольское время // *КСИА*. 1964а. Вып. 99.
- Плетнева С. А.* Правобережное Цимлянское городище // Сб. Гос. Эрмитажа. 1964б. Вып. XXV.
- Плетнева С. А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // *МИА*. 1967. N 142.
- Плетнева С. А.* Об этнической неоднородности населения северо-западного хазарского пограничья // *Новое в археологии*. Москва, 1972.
- Плетнева С. А.* Половецкая земля // *Древнерусские княжества X—XIII вв.* Москва, 1975.
- Плетнева С. А., Афанасьев Г. Е., Винников А. З., Флеров В. С.* Советско-Болгаро-Венгерская экспедиция // АО, 1978. Москва, 1979.
- Плетнева С. А.* Печенеги, торки, половцы // *Степи Евразии в эпоху средневековья*. Москва, 1981.
- Плетнева С. А.* Кочевники средневековья (поиски исторических закономерностей). Москва, 1982.
- Плетнева С. А.* Средневековые “амазонки” в европейских степях // *Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тыс. н. э.* Воронеж, 1983.
- Плетнева С. А., Афанасьев Г. Е., Винников А. З.* Работы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции // АО, 1982. Москва, 1984а.
- Плетнева С. А.* Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // *Плиска-Преслав. Прабългарската култура (Материали от българо-съветската среща, Шумен, 1976)*. София, 1984б. Т. II.
- Плетнева С. А.* Хазары. Москва, 1986.
- Плетнева С. А.* Половцы // *Исчезнувшие народы*. Москва, 1988.
- Плетнева С. А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. Москва, 1989.
- Плетнева С. А.* Печенеги и гузы на Нижнем Дону. Москва, 1990а.
- Плетнева С. А.* Половцы. Москва, 1990б.

- Повесть временных лет*. Санкт-Петербург, 1846. Т. I.
- Повесть временных лет* / Под ред. Д. С. Лихачева. Москва—Ленинград, 1950. Ч. I.
- Погребова М. Н., Раевский Д. С.* К вопросу об "отложившихся скифах" // КСИА. 1988. N 194.
- Покровский А. М.* Верхнесалтовский могильник. Дневник раскопок // Тр. XII АС. Харьков, 1905.
- Полесских М. Р.* В недрах времен. Пенза, 1956.
- Полесских М. Р.* Боевое оружие и снаряжение из могильников Армиевского типа // СА. 1968. N 1.
- Полесских М. Р.* Исследование памятников Золотаревского городища // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.
- Попов А. И.* Буртасы и мордва // Ученые записки ЛГУ (Серия востоковедческих наук. Советское финно-угроведение). 1948. Вып. 2.
- Попов А. И.* Названия народов СССР. Ленинград, 1973.
- Приселков М. Д.* Троицкая летопись (Реконструкция текста). Москва—Ленинград, 1950.
- Прицак О.* Деремела=Бродники // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1965. IX.
- Прокопий Кесарийский.* Война с готами / Пер. с греч. С. П. Кондратьева. Москва, 1950.
- Равдоникас Т. Д.* О некоторых типах аланской одежды X—XII вв. // КЭС. Москва, 1972. Т. V.
- Радзивилловская летопись* // ПСРЛ. Ленинград, 1989. Т. XXXVIII.
- Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Санкт-Петербург, 1899. Т. II. Ч. I.
- Райт Дж. К.* Географические представления в эпоху крестовых походов. Москва, 1968.
- Рапопорт Ю. А.* Из истории религии древнего Хорезма. Москва, 1971.
- Рашев Р.* За произхода на прабългарите // Studia protobulgarica et mediaevalia europensia. В чест на професор Веселин Бешевлиев. Велико Търново, 1993.
- Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Москва—Ленинград, 1960. Т. II.
- Ригельман А.* Летописное повествование о Малой России и ее народе. Москва, 1847. Ч. I.
- Рубрук Г.* Путешествие в восточные страны // Карпини П. История монгалов. Рубрук Г. Путешествие в восточные страны / Под ред. Н. П. Шастиной. Москва—Ленинград, 1957.
- Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. Москва—Ленинград, 1953.

- Рутківська Л. М.* Поселення IV—V ст. н. е. в с. Капуловка на Нижньому Дніпрі // *Археологія*. 1970. Т. XXIV.
- Рутківська Л. М.* До питання про найдавніші болгарські племена на території України // *Вісник АН УРСР*. 1972. N 10.
- Рыбаков Б. А.* Русские земли на карте Идриси 1154 года // *КСИИМК*. 1952. Т. 43.
- Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия. Москва, 1979.
- Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. Москва, 1981.
- Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. Москва, 1982.
- Рыбаков Б. А.* Начальные века русской истории. Москва, 1987.
- Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. Москва, 1988.
- Савовський І. П.* Нові сарматські поховання на Запоріжжі // *Археологія*. 1977. Вип. 23.
- Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. Москва, 1979.
- Семенов-Зусер С. А.* Раскопки близ с. Верхнего Салтова 1948 года // *АП УРСР*. 1949. Т. 1.
- Сергеева М. С.* Міське житло Південної Русі кінця IX—XVI ст.: Автореф. дис. ...канд. іст. наук. Київ, 1993.
- Серебренников В. А.* История мордовского народа по данным языка // *Этногенез мордовского народа*. Саранск, 1965.
- Сібільов М. В.* Археологічні пам'ятки на Дінці в зв'язку з походами Володимира Мономаха та Ігоря Сіверського // *Археологія*. 1950. Т. IV.
- Сібільов М. В.* Стародавня посудина з "письменами" // *Археологія*. 1952. Т. VI.
- Синицын И. В.* Древние памятники в низовья Еруслана (по раскопкам 1954—1955 гг.) // *МИА*. 1960. N 78.
- Сиротенко В. Т.* Основные теории происхождения древних болгар и письменные источники IV—V вв. // *Уч. зап. Пермского гос. ун-та*. 1961. Т. XX. Вып. 4.
- Сифиргалиев М. Г.* Заметки о буртасах (К вопросу о происхождении мордвы) // *Записки НИИ при Совмине Мордовской АССР*. 1951. Вып. 13.
- Сміленко А. Т.* Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї. Київ, 1975.
- Смиленко А. Т.* Славяне и их соседи в степном Поднепровье (История и культура населения во II—XIII вв.): Автореф. дисс. ... д-ра. ист. наук. Киев, 1980.
- Смирнов А. П.* Древняя история чувашского народа. Чебоксары, 1948.
- Смирнов А. П.* Некоторые вопросы средневековой истории Поволжья. Казань, 1957.

- Смирнов К. Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. Москва, 1984.
- Снесарев Г. П.* Большесемейные захоронения у оседлого населения левобережного Хорезма. // КСИЭ. 1960. Вып. XXXIII.
- Спицын А. А.* Историко-археологические разыскания. Исконные обитатели Дона и Донца // ЖМНП. Новая серия. 1909. Ч. XIX.
- Степи Евразии в эпоху средневековья.* Москва, 1981.
- Страбон.* География в 17-ти книгах / Пер. с греч. Г. А. Стратановского. Москва, 1964.
- Стрижак О. С.* Етніонія Птолемеєвої Сарматії. Київ, 1991.
- Студенецкая Е. М.* Одежда народов Северного Кавказа XVIII—XX вв. Москва, 1989.
- Соколов С. Н.* Язык Авесты. Ленинград, 1964.
- Соколова В. С.* Бартангские тексты и словарь. Москва, 1960.
- Слово о полку Игореве.* Москва, 1987.
- Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Москва, 1958. Т. I.
- Сымонович Э. А.* Погребения X—XI вв. Каменского могильника // КСИИМК. 1956. Вып. 65.
- Татаринов С. И., Копыл А. Г., Шамрай А. В.* Два праболгарских могильника на Северском Донце // СА. 1986. N 1.
- Татищев В. Н.* История Российская. Москва—Ленинград, 1963. Т. II.
- Татищев В. Н.* История Российская. Москва—Ленинград, 1964. Т. III.
- Татищев В. Н.* История Российская. Москва—Ленинград, 1964. Т. IV.
- Тверская летопись* // ПСРЛ. Санкт-Петербург, 1863. Т. XV.
- Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Москва— Ленинград, 1941. Т. II.
- Тихомиров М. Н.* Древняя Русь. Москва, 1975.
- Токарев С. А.* Этнография народов СССР. Москва, 1958.
- Толстов С. П.* Древний Хорезм. Москва, 1948.
- Трифильев Е. П.* Археологические экскурсии в Купянский уезд Харьковской губернии // Тр. XII АС в Харькове, 1902 г. Москва, 1905. Т. I.
- Трофимова Т. А.* Антропологические материалы из аланского могильника возле Стерлитамака в Башкирии // КСИЭ. 1952. Вып. XVII.
- Трофимова Т. А.* Антропологический состав населения г. Болгара в X—XV вв. // Антропологический сборник. 1956. Вып. 1 (Тр. Ин-та этнографии. Новая серия. Т. XXXIII).
- Трубачев О. Н.* Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология 1965. Москва, 1967.
- Гуманский А.* Бургас и Бердас // Изв. Высших Тифлиских женских курсов. 1914. Кн. 1. Вып. 1.

Тунманн. Крымское ханство. Симферополь, 1991.

Турчанинов Г. Ф. О языке надписей на камнях Маяцкого городища и флягах Новочеркасского музея // СА. 1964. № 1.

Турчанинов Г. Ф. Средневековая аланская надпись на амулете из Донецкой области // Вопросы иранской и общей филологии. Тбилиси, 1977.

Федоров Я. А., Федоров Г. С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. Москва, 1978.

Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Москва, 1966.

Феофан. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царя Михаила и сына его Феофилакта / Пер. с греч. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского. Санкт-Петербург, 1890.

Фидиоров Р. Ф. Раскопки Змейского могильника // АО, 1982. Москва, 1983.

Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. Москва, 1962.

Флеров В. С. Маяцкий могильник // Маяцкое городище. Москва, 1984.

Флеров В. С. Маяцкий могильник (раскопки 1979 г.) // Маяцкий археологический комплекс. Москва, 1990.

Флеров В. С. Погребальные обряды на севере Хазарского каганата. Волгоград, 1993.

Фрейман А. А. Хорезмийский язык. Материалы и исследования. Москва—Ленинград, 1951. Т. I.

Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. Москва, 1969.

Халикова Е. А. О могильнике “Бабий Бугор” в Болгарах // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. Москва, 1978.

Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда Бен Омар ибн-Даства. Санкт-Петербург, 1869.

Худуд ал-Алем (рукопись Туманского) с введением и указателем В. Бартольда. Ленинград, 1930.

Хынку И. Лимбарь — средневековый могильник XII—XIV вв. в Молдавии. Кишинев, 1976.

Цулая Г. В. Отрок Шарукан — Атрака Шараганис-дзе. // КЭС. Москва, 1984. Т. VIII.

Черменский П. Н. Народ буртасы по известиям восточных писателей и данным топонимики // Вопросы географии. 1970. № 83.

Чибиров Л. А. Осетинское народное жилище. Цхинвали, 1970.

- Членова Н. А.* О культурной принадлежности Старшего Ахмыловского могильника, новомордовских стелах и "отделившихся" скифах // КСИА. 1988. N 194.
- Членова Н. А.* Волга и Южный Урал в представлениях древних иранцев и финно-угров во II-ом — начале I-го тыс. до н. э. // СА. 1989. N 2.
- Чочиев А. Р.* Очерки истории социальной культуры осетин. Цхинвали, 1985.
- Шахматов А. А.* Повесть временных лет. Москва, 1916. Т. I.
- Шафонский А.* Черниговского наместничества топографическое описание. Киев, 1851. Ч. I.
- Швецов М. Л.* Погребения салтово-маяцкой культуры в Поднепровье // Древности Среднего Поднепровья. Киев, 1981.
- Шилов В. П.* Аорсы: историко-археологический очерк // История и культура сарматов. Саратов, 1983.
- Шрамко Б. А.* Древности Северского Донца. Харьков, 1962.
- Шрамко Б. А., Михеев В. К., Грубник-Буйнова Л. П.* Справочник по археологии Украины. Харьковская область. Киев, 1977.
- Щербак А. М.* Несколько слов о приемах чтения рунических надписей на Дону // СА. 1954. Т. XIX.
- Щербак А. М.* Знаки на керамике и кирпичах из Саркела—Белой Вежи (К вопросу о языке и письменности печенегов) // МИА. 1959. N 75.
- Эдельман Д. И.* Язгулямско-русский словарь. Москва, 1971.
- Эрдели И.* Венгры на Дону // Маяцкое городище. Москва, 1984.
- Этимологический словарь славянских языков.* Праславянский лексический фонд. Москва, 1976. Вып. 3.
- Этимологический словарь славянских языков.* Праславянский лексический фонд. Москва, 1981. Вып. 8.
- Юлиан.* Рассказ Римско-католического миссионера Доминиканца Юлиана о путешествии в страну приволжских Венгерцев, совершенном перед 1235 г. // ЗООИД. 1863. Т. V.
- Юстин.* Эпитома сочинения Помпея Трога "Historiae Philippicae" // ВДИ. 1955. N 1.
- Якобсон Р.* Роль лингвистических показаний в сравнительной мифологии // Тр. VII международного конгресса антропологических и этнографических наук. 1970. N 15.
- Comsa M.* Die Bulgarische Herrschaft Nördeich der Donau wänkend des und X jh im eichte der Archäologischen forschungen // Dacia. 1960. IV.
- Constantinus Porphyrogenitus.* De ceremoniis aulae Byzantinae. Bonnae, 1829. L. II.

- Dunlop D. M.* The history of the Jewish Khazars. New-York, 1954.
- Golb N., Pritsak O.* Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Itaca and London, 1982.
- Kálmán R.* A jaszok eredete es nyelve. Kecskemet, 1977.
- Kalmykov A.* Iranians and Slavs in South Russia // *Jornal of the American Oriental Society.* 1923. N 45.
- Kucharski I.* Żywioł alanski (jaski) w Karpatach wschodnich. Warszawa, 1938.
- Lewicki T.* Ze studiow nad źródłami arabskimi Cześć Siedrzyby i pochodzenie Burtasów // *Slawa Antiqua.* 1965. N 12.
- Magyar-Orosz szotar.* Budapest, 1986. Th. I.
- Minorsky V.* Hudud al-Alam. The regions of the world. London—Oxford, 1937.
- Minorsky V.* A New Book on the Khazars // *Orients Oriens.* 1958. Vol. XI. N 2.
- Morgenstierne G.* Norse as and as "Ossete"? // *Вопросы иранской и общей филологии.* Тбилиси, 1977.
- Nagy B.* A szodaszarvas mondaja // *Ethnographia.* Budapest, 1927. N 38.
- Pritsak O.* The Pecenegs. Case of Social and Economic transformation. Cambridge Mass., 1976.
- Pritsak O.* The Khazar Kingdoms conversion to Judaism // *Harvard Ukrainian studies.* 1978. Vol. II. N 3.
- Pritsak O.* The Polovcians and Rus' // *Archivum Eurasiae Medii Aevi.* 1982. Vol. II.
- Vernadsky G.* Ancient Russia. New Haven, 1943.

АРХИВНІЕ МАТЕРІАЛИ

1. Бородулін В. Г. Отчет о раскопках Старо-Салтовского катакомбного могильника в 1982 г. НА ИА НАНУ, ф. э., N 21112—21113.
2. Бородулін В. Г. Отчет о раскопках Верхнесалтовского катакомбного могильника в 1984 г. НА ИА НАНУ, ф. э., N 21362—21363.
3. Бородулін В. Г. Отчет о раскопках Верхнесалтовского катакомбного могильника в 1985 г. НА ИА НАНУ, ф. э., N 21790—21791.
4. Бородулін В. Г. Отчет о раскопках Верхнесалтовского катакомбного могильника в 1986 г. НА ИА НАНУ, ф. э., N 22037—22038.
5. Бородулін В. Г. Отчет о раскопках Верхнесалтовского катакомбного могильника в 1987 г. НА ИА НАНУ, ф. э., N 22658.
6. Бородулін В. Г. Отчет о раскопках Верхнесалтовского катакомбного могильника в 1988 г. НА ИА НАНУ, ф. э., N 23051—23052.
7. Бородулін В. Г. Отчет о раскопках Верхнесалтовского катакомбного могильника в 1989 г. НА ИА НАНУ, ф. э., N 23625—23626.
8. Грінченко В. А. с. Привільне, лівий берег Дніпра. Кринична Балка с. Перун: Щоденник археологічних дослідів в 1929 р. НА ИА НАНУ, ф. 18, д. 54.
9. Грінченко В. А. Звіт за археологічні досліді на Подніпров'ї в 1930 р. НА ИА НАНУ, ф. 18, д. 110.
10. Міллер М. О. Звіт за археологічні досліді терену затоплення Дніпра від р. Сури до р. Самари в 1931—1932 рр. НА ИА НАНУ, ф. 18, N 145.
11. Михеев В. К. Отчет об археологических разведках в 1962 г. НА ИА НАНУ, ф. э., N 3902—3903.
12. Михеев В. К. Отчет об археологических раскопках поселения у с. Маяки в 1964 г. НА ИА НАНУ, ф. э., N 4328—4329.
13. Михеев В. К. Отчет о раскопках поселения и могильника салтовской культуры у с. Маяки летом 1965 г. НА ИА НАНУ, ф. э., N 4430—4431.
14. Михеев В. К. Отчет об археологических раскопках у с. Маяки Славянского р-на Донецкой обл. в 1966 г. НА ИА НАНУ, ф. э., N 4793—4794.

15. Михеев В. К. Отчет об археологических исследованиях поселения салтовской культуры у с. Маяки в 1968 г. НА ИА НАНУ, ф. э., N 5242—5244.
16. Михеев В. К. Отчет об археологических раскопках на территории Харьковской обл. в 1969 г. НА ИА НАНУ, ф. э., N 5557—5558.
17. Михеев В. К. Отчет о работе средневековой археологической экспедиции Харьковского госуниверситета в 1971 г. НА ИА НАНУ, ф. э., N 6086—6087.
18. Михеев В. К. Отчет об археологических разведках и раскопках средневековой археологической экспедиции Харьковского госуниверситета за 1972 г. НА ИА НАНУ, ф. э., N 6263.
19. Михеев В. К. Отчет об археологических исследованиях средневековой археологической экспедиции Харьковского госуниверситета в 1978 г. НА ИА НАНУ, ф. э., N 8869.
20. Покас П. М. Результаты исследований палеоантропологических материалов из раскопок Салтовского могильника в 1986 г. — См.: Бородулин В. Г. Отчет о раскопках Верхнесалтовского катакомбного могильника в 1986 г. НА ИА НАНУ, ф. э., N 22037—22038.
21. Сымонович Э. А. Отчет о работах на черняховских памятниках, проводимых скифской экспедицией ИИМК СССР и ИА АН УССР в 1952 г. НА ИА НАНУ, ф. э., N 1726.
22. Татаринов С. И., Копыл А. Г., Колесник А. В., Дегерменджи С. М. Материалы по археологии северо-востока Донецкой обл.: Отчет об археологических разведках и раскопках Артемовской экспедиции в 1976 г. НА ИА НАНУ, ф. э., N 8200—8201.
23. Татаринов С. И., Копыл А. Г., Дегерменджи С. М., Колесник А. В., Цыганенко В. А., Волошко В. И. Отчет об археологических разведках и охранных раскопках на территории Артемовского и Краснолиманского р-нов Донецкой обл. в 1977 г. НА ИА НАНУ, ф. э., N 8596—8598.
24. Швецов М. Л. Отчет об археологических исследованиях могильника у хут. Зливки. НА ИА НАНУ, ф. э., N 20959—20960.
25. Шумко М. Домашний быт крестьян Павлоградского уезда Екатеринославской губ. Архив РГО, разр. 13, оп. 1, N 2.

Summary

O. Bubenok

The Jases and Brodniks in the Steppes of Eastern Europe (6th — beginning of 13th centuries)

Introduction

This monograph is devoted to the Iranophone population of the Eastern European steppes (from the Danube to the Volga) in pre-Mongol times. Old Rus'ian documents called them Jases before the middle of 12th century whereas European and Oriental authors knew them as Alans as well as Jases. Old Rus'ian chroniclers did not apply the ethnonym Jas with regard to the inhabitants of Eastern Europe in the second half of the 12th — beginning of the 13th century. It was then that a new term — Brodniks — appeared in the Old Rus'ian chronicles and European documents.

The Jases of the Eastern European steppes were investigated by V. N. Tatishchev, M. V. Karamzin, V. P. Butkov, V. F. Miller, Yu. A. Kulakovskiy, A. A. Spitsin, Yu. V. Gotie, M. V. Mavrodin, S. A. Pletneva, and other scholars. Many researchers of the Jas ethnos of the Eastern European steppes in the 10-12th centuries indicated its genetic connection with the later Brodniks. It should be pointed out that the Iranophone population of this region has not yet been an object of a separate monographic investigation. The present work is completely devoted to this problem.

The main task of the investigation is to ascertain the co-relation between the Jases of the Eastern European steppes and the Brodniks. The book also aims to solve problems concerning the ethnogeny of the Eastern European

Alans-Jases, their location, cultural attribution, the degree of influence of the medieval Alan's traditions on the culture of the Eastern European population.

The data of narrative documents as well as the results of archeological, ethnographic, anthropological and linguistic research were engaged for the solution of these problems.

Chapter 1. The Descendants of Iranophone nomads in the steppes of Eastern Europe (6th-9th centuries)

Written sources did not mention the beginnings of the Alans-Jases as inhabitants of the Eastern European steppes from the 6th-10th century. However this does not mean that the Iranophone population completely disappeared from this territory after the Hunnic invasion. It is quite possible that the descendants of the Sarmatians-Alans depended politically on the Turkophone newcomers at the time and therefore narrative documents of early Middle Ages did not mention them.

The data of written sources as well as the results of archeological excavations and chronological investigations of the population of that epoch support the view that the aborigines partially continued to reside in the former places of their inhabitancy. Their culture to some extent influenced the traditions of the peoples of Azov Bulgaria and the Khazar Kaganate.

Some barrow burials of the 5th-8th centuries in the Lower Volga region as well as a burial ground near the town of Sterlitamak in Bashkiria are highly remarkable. Archaeological excavations carried out in the Lower Dnieper region in the valley of Kantserka show that a group of Alans could have moved from the Northern Caucasus to the Northern Black Sea steppes in the 6th century. However the catacomb burials of the Saltov type that are analogous to the Northern Caucasian ones were not characteristic of this

territory during the Khazar period (7th-10th centuries). It was here that at that time pit burials of the Zlivkian type became widespread.

The results of analysis of the burial ceremony and anthropological investigations on the burials of the Saltov culture beside the town of Sarkel, villages of Mayaki, Sidorovo, Zlivki, and so on are evidence in favor of the Sarmatians-Alans of the pre-Hunnic epoch, the descendants of steppe aborigines, as well as the newcomer Bulgars as being the bearers of the steppe variant of the Saltov culture. Therefore the ethnogeny of the Jases of the Eastern European steppes in the 10th-12th centuries should be associated first of all with the descendants of Sarmatians-Alans and not with the early Medieval Alans of the Northern Caucasus.

Chapter 2. Ethnogenic Aspects of the Alan-Jas Problem

There is no common opinion among the modern researchers concerning the origins of the ethnonyms "As" and "Jas". It is also not clear what the language of the Eastern European Ases in pre-Mongol times was. The traditional approach is as follows: Jases, Ases and Alans were one and the same people who spoke an Eastern-Iranic language which is very close to modern Ossetian.

However I. M. Miziev and some other researchers surmise that Eastern European as well as the Northern Caucasian Jases (Ases) were a people of the Turkic origin and they could not be genetically related to the ancestors of the Ossetians. As a proof of this data on the presence of the particle "As" in the names of Turkic-speaking peoples is quoted. The information of V. N. Tatishchev is also mentioned. He writes that the second wife of Andrey Bogolubsky was Jasyntia ("Jas-woman") whom Old Rus'ian chronicles called Bolgarka ("Bolgarka-woman"). I. M. Miziev refers also to an Old Rus'ian translator of "The History of the Judaic War" by Joseph Flavius

who wrote in the end of 12th century that the Jases had had descended from the Pechenegs.

However a critical analysis refutes the originality of such an approach to this problem. Firstly, V. F. Miller still in 19th century on the basis of the data of narrative sources pointed out that medieval sources considered the Jases, Ases and Alans as one and the same people. In this connection the opinion of O. Pritsak roused special interest. He considers that the term "Jas" is the Huno-Bulgarian variant of the ethnonym "As". V. F. Minorsky supposed that ethnic term "As" through the intermediate form "ars" was connected with the Sarmatic ethnonym "aors". Proceeding from this we could suppose that the name "As" arose in environment of the medieval Alans independently from any Turkic influence.

Secondly, the use of V. N. Tatishchev's "History" as a historical source is methodologically flawed. There is no indication of Jasynia as a wife of Andrey Bogolubsky in any of the Old Rus'ian chronicles that have reached us.

Thirdly, Jases and Pechenegs naturally do not appear in the original text of "The History of Judaic War" by Joseph Flavius. Instead of this he wrote that "the Alan people were a Scythian tribe".

Speaking about the language of the Eastern European Jases as an Iranian one should keep in mind that the Old Rus'ian chroniclers mention Ambal Jasin, whose name in Ossetian means "comrade", as one of the killers of Andrey Bogolubsky.

However the opinion of researchers who consider the names of the Alano-Polovcian fortresses "Sharukan" and "Sugrov" as of Ossetian origin should be recognized as erroneous. The supposition of N. Aristov seems to be more preferable. He regards these names as having originated from the

names of Polovcian Khans of Sharukan and Sogr who were repeatedly mentioned by Old Rus'ian chronicles.

Chapter 3. The Alans of the Don forest-steppe region and their relation to Jases of the Southern European steppes

Considering the problem of the Southern Rus' Jases' ethnogeny one should not miss the points that in the 8th-10th centuries a considerable group of Iranophone population existed in neighborhood with the steppe in the forest and steppe region of the Don and which was in direct genetic relation with the Northern Caucasian Alans. Some researchers expressed the opinion that the Alans of the Don forest-steppe region were Turkicized during the Khazar epoch by the Khazars and Bulgars. As a proof runic inscriptions on the walls of the Mayatsky castle are pointed out. They are written allegedly in a Turkic language. However these texts have no equivalent in another language and they are very fragmentary which prevents to read them in any language including Ossetian.

Pit burials that are on the territory of some catacomb burials of the Saltov culture are mentioned as the second argument for the Turkification of the Alans by the Bulgars. However the analysis of pit burials of the Upper Saltov burial shows that they belonged only to children. Artifacts and the anthropologic type of those buried in catacombs and ground pits are identical, which allows to connect them with one and the same group of population. It should be mentioned that the simultaneous existence of catacomb and pit infant burials was noted in the Northern Caucasus in burials dated within the first centuries A. D., i. e., the epoch when the written sources did not attest the appearance of the Bulgars in the historic sphere.

It is so far not been clear by which name the Alans of the Don region went by in the narrative sources of the Khazar period. In this connection

the ethnic term "Burtas" (cf. ardis) is of considerable interest. T. Lewicki and G. E. Afanas'ev translate it from Ossetian as "the descendants of the Ases", O. Pritsak and I. G. Dobrodomov as "the river Ases" and V. A. Bushakov as "the Ases separated". The ethnographic information of Oriental authors about Burtases coincides in some cases with the information about the traditions of the Alans and Ossetians.

From the beginning of the 10th century narrative sources start mentioning Burtases as the inhabitants of the Middle Volga region. It was then that the Saltov population began moving from the Don forest-steppe region to the right bank of the Middle Volga according to the archeological data. This process became more intense in the second half of the 10th century. It could very well be connected with the fact that the settlements of the Upper Saltov type ceased to exist at that time. We should not neglect the information of S. A. Pletnyova and A. Z. Vinnikov in this situation. It follows from this that a certain part of the Saltov population could advance to the North into the environment of the Slavs in the 9th-10th centuries. So there is no reason to speak about the migration of the Alans of the Don forest-steppe region to the Southern steppes of Eastern Europe (particularly the steppes between the Don and the Volga).

Chapter IV. The Alans and Pechenegs (end of the 9th — beginning of the 11th centuries)

The Pechenegs, pressed by the Uzes, started advancing from the left bank of the Volga into the Volga and Danube steppe region in the second half of the 9th century. By the beginning of the 10th century the so-called "Turkic Pechenegs" occupied predominating positions in the steppes of the Northern Black Sea region; the so-called "Khazar Pechenegs" settled in the steppes of the Volga and Don region. According to the data of Chinese

chronicles, the Alans and the Pechenegs-Kangars came into contacts with each other on the territory of Central Asia even in the first centuries A. D.. According to the data of Biruni and other authors, some Central Asian Alans could migrate to Eastern Europe together with the Pechenegs. Proceeding from the data of the Cambridge anonymous document and information of Nicholas the Mystic we could suppose that the Alans and the Pechenegs formed a common military coalition in the beginning of the 10th century. This supposition also confirms the statement of the Old Rus'ian translator of "The History of the Judaic War" by Joseph Flavius. O. Pritsak is even prone to think that the ruling clans of the Pechenegs — the Kangars, went over to the Alan language by the beginning of the 11th century.

Archaeological investigations conducted in the Northern Black Sea region allow one to outline the boundaries of the European Pechenegs. The possessions of the Rus' began in the forest-steppe zone north of the Pechenegs. According to V. A. Ivanov the eastern boundary of the "Turkic Pechenegs" passed along the Seversky Donets and the Lower Don rivers, i. e., in the territory where historians traditionally localize the Alans. This supposition differs from the opinion of Yu. V. Gotie and S. A. Pletnyova. They think that the settlements of the Alans ceased their existence as the result of the Pecheneg invasion in the end of the 9th century.

The Southern and Western boundaries of the Pecheneg territory could be defined on the basis of archaeological data and information in Constantine Porphyrogenitus. Some of the Pecheneg clans even penetrated the Crimea in the South, reaching the suburbs of Chersones, i. e., the place where the Crimean Alans should be located. The lands of the Dniester and Prut watersheds were subject to the Pechenegs in the West. They are known in the Old Rus' chronicles by the name "Great Scythia". The statements of Nicholas the Mystic as well as information of Constantine Porphyrogenitus

on toponyms allows us to suppose that it was in this region that an Irano-phone population remained in the first half of the 10th century.

The anonymous author of the "Hudud al-'Alam" reports that Caucasian Alania was situated southwards of "the Khazarian Pechenegs" in the 10th century. Pechenegs could compose the garrison of the Khazarian fortress Sarkel in the Lower Don region. The results of archaeological excavations and the information of the Old Rus'ian chronicles favors the coexistence of the Pecheneg and Alan populations in the region of Sarkel up to the 10th century.

In the first half of the 11th century the Turks and the Polovcians replaced Pechenegs in the Southern Rus'ian steppes. However in this time the Alans-Ases did not disappear from the steppes of Eastern Europe but were included into the new Polovtsian political union.

Chapter V. Alans-Ases in the Polovcian Ethnopolitical Union

(middle of the 11th — beginning of 13th centuries)

The Old Rus'ian chronicles report that in 1111 and 1116 Volodimer Monomakh and his son Jaropolk carried out a campaign to the Polovcian steppe. They captured the Polovcian centers of Sharukan, Sugrov and Balin that were also populated by Jases. Some other sources also contain information about Alans-Ases of the Eastern Rus' steppes. Persian historians — Rashid ad-Din, Juweyni, Yezdi, Qazwini, European authors — Theodor, G. Rubruck, I. Barbaro and others report that the Alans and Ases as well as Polovcians resided in the steppes of Eastern Europe before the Mongol invasion.

The problems concerning the localization of the Alano-Polovcian towns Sharukan, Sugrov and Balin roused numerous disputes among researchers.

According to P. G. Butkov, V. F. Miller and other scholars, the mentioned centers were situated in the Lower Don region. However even in the 17th century V. N. Tatishchev, proceeding from the data of the Voskresensk and Hypatian chronicles, drew the conclusion that the settlements of the Ases should be sought on the Seversky Donets and not on the Don river. Exactly because of this V. N. Sibilyov and M. K. Kudryashov supposed that Sharukan, Sugrov and Balin were situated on the middle of the Seversky Donets. However the version of N. Gorodtsov, V. V. Mavrodin, S. A. Pletnyova, O. Pritsak is more likely. According to it, Sharukan and Sugrov were situated near Khar'kov in the region of the modern town of Zmiev. It is necessary to proceed from the fact that the name of Sharukan was Cheshuev in 1116. According to O. Pritsak, this name could be the translation into Old Rus'ian of the word "Sharukan", which in Altaic languages signifies "Dragon, Snake".

Narrative sources report that the Southern Rus' Jases adhered to the Eastern Orthodox creed. In this connection the burials near the village of Haydary, near Zmiev, villages Mayaky, Sydorovo, Zlyvky on the middle of the Seversky Donets, Kamenka in the Lower Dnieper and Limbar in Moldavia are of special interest. The Christian burial ceremony and the Zlyvkian anthropological type for the majority of the buried allow us to associate these necropoles with the Jases, the descendants of the bearers of Saltov culture.

The Polovcians and their allies the Alans-Ases bitterly resisted the Mongol conquerors in the first half of the 13th century. However historical chronicles of that time did not report the total annihilation of the Alan-Ases population of the Southern Rus'ian steppes.

Chapter VI. Jases in Rus'

The Old Rus'ian chronicles mention the Jases in Rus' sub anno 1145, 1175, 1182 and 1205. There is no common opinion among researchers concerning the problem of the origin of these Alans. However the data of the Old Rus'ian chronicles and the results of archaeological excavations point to the conclusion that the Alans-Ases repeatedly migrated into Rus' from other territories of Eastern Europe and the Northern Caucasus.

The data of archaeological excavations carried out in the Don forest-steppe region show that even in the 8th-10th centuries the separate groups of Alans, the bearers of the Saltov culture could migrate into the sphere of the Borschev culture. According to the data of the First Novgorod and the Patriarch chronicles, the Kyiv prince Svjatoslav could resettle the Jases to Kyiv in 965 after a campaign against the Khazars. According to the information of the Nikon chronicle, Jaroslav brought an insignificant part of the Jases to Rus', possibly into the basin of the river Ros' in 1116 as a result of a successful military campaign in the Northwestern Caucasus in 1026. Jaropolk having accomplished a campaign against Polovcians in 1116 resettled his coreligionist Jases from the "Don" (the Donets) to the territory of Rus' possibly into his possession — the territory of the Pereyaslav principality. Proceeding from the appearance of this event in many chronicles we can draw the conclusion about the mass character of this migration. Jaropolk brought also the wife Helen Jaska from the same campaign. She is mentioned by chronicles sub anno 1145.

Until now it is not clear where the Jases originated from. The chronicles mentioned them as inhabitants of Rus' in 1175, 1182 and 1205. Possibly they originated in the middle Volga region. They migrated to Rus' as a result of campaign of Andrey Bogolubsky against Volga Bulgaria in 1164. In

this respect a Christian burial place of the 12th century near the town of Bolgary is of special interest. In many aspects it is analogous to the synchronic necropolises of Caucasian Alania. Possibly the mentioned Jases could also have originated from the environment of the Alans-Burtases of Middle Volga region — all the more so because up to the middle of the 13th century the ethnonym “Burtas” was not known in Rus’.

Repeated mentions of the Jases as inhabitants of Rus’ by the chronicles make it possible to suppose that they were assimilated by the Slavs in the course of time.

*Chapter 7. The Burtases and Brodniks in the Volga-Danube steppes
(9th — beginning of 13th centuries)*

A regular question appears in this situation: by which name could Oriental authors of the 9th-12th centuries and Rus’ian chronicles refer to the Alans-Ases of the Southern Rus’ian steppes. In connection with this of special interest are the terms “Burtas” in Arabic and Persian texts of the 9th-12th centuries and “Brodniks” Old Rus’ian chronicles sub anno 1147, 1203 and 1223.

The data of “Hudud al-‘Alam”, Ibn Haukal, Istakhri and other Oriental authors provide the localization of Burtases not only in the forest-steppe zone and on the Middle Volga but also in the steppes of the Volga-Don region in the immediate neighborhood of the Khazars. Besides this some Oriental sources provide information which allows one to consider some Burtases as inhabitants of the steppe. Cattle breeding and trade were their main occupations. In this connection a question appears: could the ethnonym “Burtas—f.rtas” itself indicate the occupation of its bearers? Proceeding from the fact that the bearers of this ethnic name could be Alans-Ases there is reason to try to explain it relying upon the data of Iranian lin-

guistics. It is quite possible that the first part of the term “F.rt -” could be an Avesta word, *peretu*, transformed in the Eastern Iranian environment. It means “ford, bridge, passage”. From this we have the following conclusion: the ethnonym “F.rt-as” could represent the self-designation of the Eastern European Alans — “Ases who served on river crossings”.

In this case it is appropriate to recall information of the Old Rus’ chronicles and European documents on the Brodniks. According to their data, Brodniks inhabited the Don and Azov region as well as the Dniester-Danube watersheds in the second half of the 12th — the beginning of the 13th centuries. Information on the distribution of the settlements of the Brodniks agrees with the information of Oriental, Western European and Old Rus’ian written sources on the localization of Burtases, Alans-Ases and Jases in the Southern Rus’ian steppes. It is quite possible that the term “Brodniks” represented the translation into the Rus’ian language the self-designation of the Eastern European Alans — “F.rt-as”. This name itself reminds that in the Middle Ages trade was often concentrated on the banks of rivers at crossings or fords.

The Eastern Slavonic term as well as indication of some documents on the Brodniks as Eastern Orthodox and a branch of the Rus’ allows one to suppose that the Slavonic element in this union became more significant by the beginning of the 13th century. Civil conflicts waged by the princes of Old Rus’ and which engaged Christians — Brodniks in pre-Mongol times could also promote this. In such clashes the Brodniks served as mercenaries.

Thus there is reason to speak about genetical relation of Burtases, Alans-Ases, Jases and Brodniks.

*In place of a conclusion***Elements of Scythian-Sarmatian-Alan culture
in traditions of the peoples of Eastern Europe**

From this research it follows that the Alans-Ases could have been in cultural and ethnical interaction with a number of peoples in Eastern Europe during the early Middle Ages. First of all this applies to the population of the Volga-Don and Northern Black Sea regions. In this connection information of ethnographic nature is of particular interest. The notes of European and Oriental travelers who visited Eastern Europe in pre-Mongol times (including Movses Kalankatuaci, Ibn Fadlan, Julian), containing such information, should be ranked among these authors. The value of such information lies in the fact that they visited peoples who were under the influence of the Alans for long periods and they recorded a number of old Iranian customs that have not survived to the present. The data of ethnologists who studied contemporary peoples of the Volga and Don basins and the Northern Black Sea region are not of less importance for the revelation of the relicts of the Sarmato-Alan culture. Archeological material is very useful for finding out the time of the appearance of a number of innovations. The least studied is the population of the Left Bank of the Middle Volga. A group of Burtases were located there from the 10th until 17th centuries. It is reasonable to see in them the descendants of the Alans-Ases. There are reasons to associate the spread of some traditions in culture and ideology of the Tatars-Mishars, Mordva-Moksha and the Chuvashes with the stay here of the Alans-Burtases and not with the influence of Scyths and Sarmatians, in spite of the fact that this region was the location of a number of tribes of Scythian and Sarmatian origin in the pre-Hunic period. There are some

reasons to consider the existing parallels in ideology, material and spiritual culture of the ethnic groups of the Right Bank region of the Middle Volga and the peoples of Iranian origin in particular Ossetians as the result of these contacts. Among the similarities are some burial traditions: self-torment, ceremony of initiation of the widow to the dead, sitting around a mannequin dressed in the clothing of the dead, ritual purifying in the bath after the funeral and so on. Common elements are present in the clothing of the Tatars-Mishars, Chuvashes as well as the Alans and Ossetians: high pointed headgear, outer clothing of the *kaftan* type with stand-up collar, narrow belts with metal plates with adornments hung to them and so on. The ethnological and linguistical data show that the Tatars-Mishars are the closest to the modern Ossetians and the medieval Alans in culture and language among all the peoples of the Middle Volga. Proceeding from this the Alans-Burtases should be considered as a substantial element in the ethnogeny of the Tatars-Mishars.

The Eastern Slavs who were the northern neighbors of the Medieval Alans did not remain on the sideline with respect to ethnic interrelations with the Alans. Proceeding from this we should suppose that ethnic and cultural relations between the Southern branch of the East Slavs and Iranians-Jasians must have been due to more than chance contacts. Confirmation of this should be sought in peculiarities of language and culture of that group of Slavs who lived adjacent to the Iranian world for a long time, that is, the population of the steppe and forest-steppe zones of Russia and Ukraine.

The long contacts between Iranian peoples and the Slavs that existed in the Middle Ages are reflected in the languages of the Ukrainians and the south Russians. This is noticeable especially in phonetics and lexical material. The Old Rus'ian chronicles have brought to us the names of Slav dei-

ties, some of whom are easily explained by the data of Iran linguistics. It is characteristic that up to recent times East Slavs and Ossetians have had many common features in their ideological views. This is especially noticeable in burial ceremonies. Possibly some topics in the Ukrainian folklore should be connected with the Alan influence. For example, the Narte epic of Ossetians and other Caucasian peoples have some analogies with Ukrainian folklore. The figure of Viy recorded by N. V. Gogol is remarkable in this respect. According to the opinion of V. I. Abayev, Viy could be connected in his origin with the Ossetian Vayug and the Indo-European God Vayu.

Researchers have noted the some common features in culture of Irano-Caucasian peoples with the Ukrainians and south Russians. First of all there is the traditional plain dwellings of Ukrainian peasants' — the *khata*. According to the opinion of linguists the term *khata* is a late Iranian borrowing. This provides the foundation for associating the appearance of this innovation with the Alanian influence. One may note some common features in furniture and decoration of the Ukrainian *khata* and dwellings of Northern Caucasian and Central Asian peoples. In the first place this concerns the construction of the flue, the ornamentation of carpets, peculiarities of furniture and so on. The Ukrainian low round table is very notable in this respect. It finds direct analogies in the furniture of the Alans and Ossetians. Special attention should be paid to the almost complete identity of the Ukrainian and Northern Caucasian heavy plough in the context of Alano-Slavonic economic and cultural contacts. Also some common features in the clothing of the peoples of the Caucasian region and of Ukrainians have been noticed. In particular, there are grounds for connecting the origin of the pointed *khata* of the East Slavs with the helmet-looking one of the Alans and other Iranophone peoples.

Proceeding from the above-mentioned we can suppose that ethnic-cultural contacts of Ukrainians and southern Russians with the Alans as well as the other peoples of the Northern Caucasus and Southern Rus'ian steppes went uninterrupted even in the Middle Ages. As a result of this investigation it is established that from the 6th until the 13th centuries the Alans-Ases maintained a presence in the region of the Lower Don and Middle Volga as well as in the steppes of the Azov and the Northern Black Sea region.

The main conclusion of this study in the following: in the pre-Mongol epoch the Eastern European Alans were not homogenous in their composition. They were the descendants of the autochthons of the Eastern European steppes — the Sarmatians as well as the Alans-Ases of the early Middle Ages who migrated from the Northern Caucasus and Central Asia.

The data of written documents makes it possible to state that the Iranophone inhabitants of the Southern Rus' steppes in pre-Mongol times would appear as Alans in European sources, as Burtases in Oriental sources of the 9th-10th centuries, as Ases in Persian historical works, and as Jases and Brodniks in the Old Rus'ian chronicles.

The Alans-Ases of the early Middle Ages did not disappear from the territory of Eastern Europe without leaving a trace. They played a certain role in the formation of the ethnic and cultural image of the Proto-Bulgars, Pechenegs, Tatars-Mishars, East Slavs, the Mordva and other groups.

С О К Р А Щ Е Н И Я

- АО — Археологические открытия
АП УРСР — Археологічні пам'ятки УРСР
АРРСЗСО — Археологические раскопки в районе станицы Змейской Северной Осетии
АС — Археологический съезд
АЮЗР — Архив Юго-Западной России
ВДИ — Вестник древней истории
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
ЗИООИД — Записки императорского Одесского общества истории и древностей
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии.
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
КБЧ — Книга Большому Чертежу
КСИА — Краткие сообщения института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения института истории материальной культуры
КЭС — Кавказский этнографический сборник
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НА ИА НАНУ — Научный архив Института археологии Национальной Академии наук Украины.
ПВЛ — Повесть временных лет
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РГО — Российское Географическое общество
СА — Советская археология
СЕЭС — Степи Евразии в эпоху средневековья
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
СОНИИ — Северо-Осетинский научно-исследовательский Институт
СЭ — Советская этнография
ТИЭ — Труды института этнографии
УИЖ — Український Історичний журнал
УРЕ — Українська Радянська енциклопедія
ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Введение	7
Глава I. Потомки ираноязычных номадов в степях Восточной Европы (VI—IX вв.)	16
Глава II. Этногенетические аспекты алано-ясской проблемы	45
Глава III. Аланы лесостепного Подонья и их отношение к ясам южнорусских степей (VIII—X вв.)	55
Глава IV. Аланы и печенеги в конце IX — начале X вв.	79
Глава V. Аланы-асы в составе половецкого этнополитического объединения (середина XI — начало XIII вв.)	94
Глава VI. Ясы на Руси	116
Глава VII. Буртасы и бродники в степях Волго-Дунайского междуречья (IX — начало XIII вв.)	125
Вместо заключения. Элементы скифо-сармато-аланской культуры в традициях народов Восточной Европы	138
Таблицы I—IV	174
Литература	181
Архивные материалы	201
Summary	203
Сокращения	219

Бубенок Олег Борисович
Ясы и бродники в степях Восточной Европы
(VI — начало XIII вв.)

Научное издание

Редактор В. П. Рожанский
Корректор Н. А. Рожанская
Художник О. В. Сухобоков
Компьютерная верстка А. А. Хамрай

Подписано к печати 06. 05. 97. Формат 60x90 1/16. Бум. офс. №1.
Усл. печ. л. 14. Усл. кр. отт 14. Учетно-изд. л. 14,2. Тираж 1000.
Зак. 7-188

Оригинал-макет выполнен в Институте востоковедения НАН
Украины

Издательство “Логос”. 252030, Киев-30, ул. Б. Хмельницкого, 19
ОАО КТНК, г. Киев-30, ул. Б. Хмельницкого, 19

